

КРЫМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ
И МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ВЕРНАДСКОГО
МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР «КРЫМ»
ЦЕНТР ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МЦ «КРЫМ»

ISSN 1562-0808

№ 60, Т. 3
май 2005 г.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1562-0808

Журнал зарегистрирован 2 марта 2004 года
Государственным комитетом по телевидению и
радиовещанию Украины серия КВ № 2562
и Высшей аттестационной комиссией Украины

Редакционный совет журнала:

Толочко П.П. – председатель

Берестовская Д.С. – зам. председателя

Катунин Ю.А. – главный редактор

Исторические науки

Ганкевич В.Ю.
Гудкова А.В.
Катунин Ю.А.
Непомнящий А.А.
Слинкин М.Ф.
Толочко П.П.
Турченко Ф.Г.
Урсу Д.П.
Филимонов С.Б.
Щевелев С.С.

Философские науки

Горский В.С.
Крымский С.Б.
Лазарев Ф.В.
Лазарова Э.
Николко В.Н.
Кальной И.И.
Мартынюк Ю.Н.

Филологические науки

Игнатенко Н.А.
Меметов А.М.
Новикова М.А.
Петренко А.Д.
Рудяков А.Н.
Соколовская Ж.П.
Эмирова А.М.

Искусствоведческие науки

Берестовская Д.С.
Борисова Л.М.
Орехова Л.А.
Ровенко А.И.
Тарасенко О.А.
Червонная С.М.
Чумаченко А.А.
Швецова А.В.
Шоркин А.Д.

Географические науки

Багров Н.В.
Боков В.А.
Вахрушев Б.А.
Дергачев В.А.
Никитина М.Г.
Олиферов А.Н.
Пистун Н.Д.
Позаченюк Е.А.
Топчиев А.Г.
Щищенко П.Г.

Экономические науки

Бабенко А.Г.
Ефремов А.В.
Кудряшов А.П.
Крамаренко В.И.
Крючков И.В.
Нагорская М.Н.
Наливайченко С.П.
Новиков Ю.Н.
Подсолонко В.А.
Руденко А.И.
Чепурко В.В.

Редакционная коллегия журнала

Катунин А.Ю. – ответственный секретарь
Дударь А.П. – заместитель гл. редактора
Панова Н.Н. – заместитель гл. редактора
Турский И.И. – заместитель гл. редактора

Камынина И.Б. – заместитель гл. редактора
Деркач В.В. – корректор
Турецкая редакция: Кырымлы Хакан – редактор
Болгарская редакция: Лазарова Эрика – редактор

Ответственный за выпуск Ядрова Г.В.

© Корректор Петров А.В.

© Компьютерная верстка: Дудченко С.В.

© Художник: Шевчук В.Г.

Статьи в журнале публикуются на русском, украинском, крымскотатарском, английском и других языках.

***Перепечатка допускается с разрешения редакции, ссылка на журнал
«Культура народов Причерноморья» обязательна.***

Позиция авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии и редакционного совета журнала.

Сдано в набор 04.05.2005 г. Подписано в печать 27.04.2005 г. 16,2 усл. печ. л. Тираж 200 экз.
Адрес: 95007. Украина, Симферополь, проспект Вернадского 4, к. 321а, тел. 23-22-54, 23-03-15.
E-mail: culture@tnu.crimea.ua

Электронная версия: <http://www.nbu.gov.ua/elib/Crimea/KNP/index.htm>

© Межвузовский центр «Крым»

© Центр информационных технологий МЦ «Крым»

**ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. В.И. ВЕРНАДСКОГО**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Научные консультанты журнала

БАГРОВ Николай Васильевич – доктор географических наук, профессор, ректор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, председатель Крымского научного центра НАН Украины, член-корреспондент НАН Украины

БЕЛЫЙ Леонид Кузьмич – кандидат педагогических наук, заместитель министра культуры Автономной Республики Крым.

Редакционный Совет журнала

- БАБЕНКО**
Анатолий Григорьевич – доктор экономических наук, профессор, академик Академии экономических наук Украины, заведующий кафедрой общеэкономических дисциплин Севастопольского экономико-технологического факультета Донецкого государственного университета экономики и торговли
- БАГРОВ**
Николай Васильевич – доктор географических наук, профессор, ректор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, председатель Крымского научного центра НАН Украины, член-корреспондент НАН Украины
- БЕРЕСТОВСКАЯ**
Диана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой украинской и зарубежной культуры Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- БОКОВ**
Владимир Александрович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой геоэкологии географического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- БОРИСОВА**
Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- ВАХРУШЕВ**
Борис Александрович – доктор географических наук, декан географического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- ГАНКЕВИЧ**
Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- ГОРСКИЙ**
Вилен Сергеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Киево-Могилянской академии.
- ГУДКОВА**
Александра Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Национальной академии наук Украины
- ДЕРГАЧЕВ**
Владимир Александрович – доктор географических наук, профессор, заведующий отделом Одесского отделения Института экономики Национальной академии наук Украины
- ЕФРЕМОВ**
Алексей Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и организации строительства Национальной академии природоохранного и курортного строительства
- ИГНАТЕНКО**
Николай Андреевич – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела мировой литературы и компаративистики Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины
- КАЛЬНОЙ**
Игорь Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии философского факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- КАТУНИН**
Юрий Андреевич – доктор исторических наук, доцент Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, главный редактор журнала «Культура народов Причерноморья»
- КРАМАРЕНКО**
Валентина Ильинична – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента внешнеэкономической деятельности факультета управления Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- КРЫМСКИЙ**
Сергей Борисович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Украины
- КУДРЯШОВ**
Анатолий Петрович – доктор экономических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- ЛАЗАРЕВ**
Феликс Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- ЛАЗАРОВА**
Эрика – доктор философских наук, старший научный сотрудник Центра исследований истории и науки при Болгарской академии наук
- МАРТЫНЮК**
Юрий Николаевич – доктор философских наук, профессор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- МЕМЕТОВ**
Айдер Меметович – доктор филологических наук, профессор, декан факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- НАГОРСКАЯ**
Муза Николаевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательской деятельности факультета управления Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- НАЛИВАЙЧЕНКО**
Светлана Петровна – доктор экономических наук, профессор экономического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- НЕПОМНЯЩИЙ**
Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

Редакционный совет

НИКИТИНА Марина Геннадиевна	– доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой международной экономики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
НИКОЛКО Владимир Николаевич	– доктор философских наук, профессор философского факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
НОВИКОВА Марина Алексеевна	– доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
НОВИКОВ Юрий Николаевич	– доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита Крымского государственного аграрного университета
ОЛИФЕРОВ Август Николаевич	– доктор географических наук, профессор географического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ОРЕХОВА Людмила Александровна	– доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Таврического национального университета
ПЕТРЕНКО Александр Демьянович	– доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ПИСТУН Николай Данилович	– доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Киевского национального университета
ПОДСОЛОНКО Владимир Андреевич	– доктор экономических наук, профессор, декан факультета управления Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ПОЗАЧЕНЮК Екатерина Анатольевна	– доктор географических наук, профессор географического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
РОВЕНКО Александр Иванович	– доктор искусствоведения, профессор, проректор Одесской государственной консерватории
РУДЕНКО Александр Иванович	– доктор экономических наук, профессор, директор Крымского экономического института Киевского национального экономического университета
РУДЯКОВ Александр Николаевич	– доктор филологических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, ректор КРИПК
СЛИНКИН Михаил Филантьевич	– доктор исторических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
СОКОЛОВСКАЯ Жанна Павловна	– доктор филологических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ТАРАСЕНКО Ольга Андреевна	– доктор искусствоведения, профессор Южно-Украинского педагогического университета им. К.Д. Ушинского
ТОЛОЧКО Петр Петрович	– академик НАН Украины, директор Института археологии НАН Украины, народный депутат Верховной Рады Украины, заместитель председателя комитета по науке и образованию Верховной Рады Украины
ТОПЧИЕВ Александр Григорьевич	– доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии географического факультета Одесского государственного университета
ТУРЧЕНКО Федор Григорьевич	– доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Запорожского государственного университета
УРСУ Дмитрий Павлович	– доктор исторических наук, профессор исторического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ФИЛИМОНОВ Сергей Борисович	– доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ЧЕПУРКО Виктор Васильевич	– доктор экономических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ЧЕРВОННАЯ Светлана Михайловна	– доктор искусствоведения, профессор НИИ этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН РФ
ЧУМАЧЕНКО Анна Анатольевна	– доктор филологических наук, директор Херсонского отделения историко-культурных проблем юга Украины Института искусств, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рильского
ШВЕЦОВА Антонина Викторовна	– доктор философских наук, профессор кафедры культурологии философского факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ШОРКИН Алексей Давыдович	– доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ЩЕВЕЛЕВ Сергей Стефанович	– доктор исторических наук, доцент Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
ЩИЩЕНКО Петр Григорьевич	– доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой географического факультета Киевского национального университета, член-корреспондент АПН Украины, президент Украинского географического общества
ЭМИРОВА Адиле Мемедовна	– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'272

ДВУЯЗЫЧИЕ В УКРАИНЕ?

В. В. Дубичинский, (Украина, Харьков)

В статье исследуется социолингвистическая ситуация в Украине; предлагается компромиссная система преодоления языковой неопределенности в стране.

Ключевые слова: языковая ситуация, русско-украинское двуязычие, государственный и региональный статус языка, региональный статус языка.

У статті досліджується соціолінгвістична ситуація в Україні; пропонується компромісна система подолання мовної невизначеності в країні.

Ключові слова: мовна ситуація, російсько-українська двомовність, державний і регіональний статус мови, регіональний статус мови.

A socially-linguistic situation in Ukraine is explored in the article; the compromise system of overcoming of linguistic vagueness in a country is offered.

Keywords: linguistic situation, Russian-Ukrainian bilingualism, state and regional status of language, regional status of language.

В социолингвистике **двуязычием** называется употребление двух языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства). Это общее понимание требует определенного уточнения. Обычно различают этническое и функциональное двуязычие.

В ситуации этнического двуязычия использование в одном социуме двух языков связано с соседством и контактом двух народов, говорящих на этих языках. Функциональное двуязычие возможно в ситуации, когда два языка используются одним народом: первый из языков – это этнический язык данного народа, а второй язык – «ничей», надэтнический, и он используется в специальных функциях или особых ситуациях общения [Мечковская, 1996, с. 76].

Сложившаяся в Украине ситуация этнического двуязычия часто рассматривается в правовом аспекте, что с научной точки зрения недопустимо и требует особого исследования. Юридически Украина – одноязычное государство.

10-ая статья Конституции Украины провозглашает: «Государственным языком в Украине является украинский язык... В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины. Государство оказывает содействие изучению языков международного общения».

Текст этой статьи Конституции красноречиво свидетельствует: во-первых, русский язык – один из языков национальных меньшинств; во-вторых, русскому языку гарантируются некоторые исключительные права (но какие – непонятно) в сопоставлении с другими языками на территории Украины (что подчеркнуто отдельным упоминанием русского языка во втором предложении).

Но закон есть закон: государственным языком Украины является украинский язык. Государственный язык Украины можно рассматривать как системообразующий фактор сохранения целостности Украины, как инструмент для выражения воли народа и каждого гражданина страны, как необходимый элемент для осуществления единообразия государственного управления и понимания государственной воли, как механизма для реализации прав и обязанностей населения России, как национальный признак в международных правоотношениях.

Постепенно среднее и высшее образование в Украине переходит на государственный язык. По данным Государственного комитета статистики Украины, в 1998/1999 учебном году в Украине действовало 21246 общеобразовательных учебных заведений. В том числе с украинским языком обучения – 16032 (4421265 учеников), с русским – 2561 (2313901 ученик), с румынским – 97 (27776 учеников), с молдавским – 11 (4.509 учеников), с венгерским – 65 (21214 учеников), с крымскотатарским – 6 (4071 ученик), с польским – 3 (1109 учеников).

По данным последней переписи населения 2001 года, русский язык считают родным 14% украинцев, 54,4% грузин, 58,7% татар, 62,5% белорусов, 64% немцев, 83% евреев, 88,5%

греков, проживающих на территории Украины; при этом русских в Украине – 17,3%, а этнических украинцев 77,8% населения страны.

Целиком справедливо, что украинский (государственный) язык постепенно занимает надлежащее место. Важно лишь сознавать, что языковая ситуация изменяется не так быстро, как того хотят некоторые ретивые политики. Становление государственного языка в многонациональной (в Украине сегодня проживают украинцы, русские, поляки, венгры, гагаузы, румыны, молдаване, крымские татары, евреи и др.), многоязычной стране – продолжительный, глубокий, всеохватывающий процесс, который требует терпения и научно взвешенной программы языковой политики на период жизни нескольких поколений.

Сегодня украинские лингвисты имеют счастливую возможность всесторонне развивать, а в некоторых случаях даже создавать (как это, например, делается в некоторых современных областях украинской терминологии) свой язык, издавать словарную, научно-методическую литературу на украинском языке. Сегодня можно только радоваться по поводу всестороннего будущего развития украинского языка. Он получил наивысший юридический статус государственного языка.

Но, по данным Международного института социологии Киево-Могилянской академии, 55% жителей Украины (в Донецкой области - 75%) отдают предпочтение использованию в повседневной жизни русскому языку. Возможно ли в такой социолингвистической ситуации не задуматься над ролью и местом русского языка в Украине?

Статистика свидетельствует: в Ровенской области сейчас уже нет ни одной школы с русским языком преподавания, в Винницкой – на 116 украиноязычных 9 русскоязычных школ, в Киеве осталось 9% русскоязычных школ. Русский язык в украинских школах начинают изучать со второго-пятого класса, а украинский язык в русскоязычных школах – с первого; более 80% населения, по данным Киевского центра политических исследований и конфликтологии, считают необходимым повышение статуса русского языка; 46% – за то, чтобы русский язык был признан вторым государственным языком.

По данным последней переписи населения 2001 года, 91% русских в Украине делают все, чтобы их дети овладели украинским языком, и 81% украинцев желают, чтобы их дети знали русский язык [Стахова, 2001].

Анализируя эти статистические данные, хочется рассмотреть, по меньшей мере, **четыре варианта развития языковой ситуации** в стране.

Первый вариант – во всех сферах жизни на всей территории Украины будет властвовать украинский литературный язык.

Человек, который владеет чистым украинским языком, у нас большая редкость. В зависимости от того, что мы вкладываем в это понятие, число лиц, которые на нем говорят, может колебаться от 50 тысяч "грамотных" специалистов (писателей, журналистов, актеров, учителей, филологов и др.) до 500 тысяч. Языковая норма пока что не имеет общенародного авторитета и, к сожалению, надлежащим образом не поддерживается призванными для этого средствами и учреждениями.

Вариант господства украинского нормированного языка в Украине – перспектива, к величайшему сожалению, довольно далекая. Народу Украины еще надо будет осуществить немало мероприятий культурного, политического, финансового характера для достижения этой цели.

Второй вариант – юридическое закрепление и господство украинского территориального варианта русского литературного языка.

Хотя на русский язык в Украине будет влиять не только украинский язык, но и сама украинская жизнь с ее особенностями быта, природы и т.п., в условиях соседства с Российской Федерацией это может все же привести к полной потере Украиной культурной, информационной (а с нею и государственной) независимости.

Третий вариант – стихийно победит (олитературируется) суржик украинско-русская просторечная смесь.

Основания для этого можно найти в истории. Скажем, романские (французский, итальянский, испанский и др.) языки выросли из просторечной народной латыни. Не только я считаю это наиболее реальным вариантом стихийного развития языковой ситуации. Официально не закрепленное двуязычие оказывается под гнетом примитивной «суржикизации» населения. Но, вероятно, мало кому понравится такой «суржиковый» сценарий.

Четвертый вариант – в Украине будут провозглашены два государственных языка – украинский и русский.

Мне кажется, что при условии **юридически установленного украинско-русского двуязычия**, как это предлагается некоторыми учеными и политиками, русский язык как наиболее крепкая (исключительно в смысле оснащенности справочной, учебной литературой, в смысле развитой инфраструктуры функционирования и т.п.) фактически поглотит своего соседа. Тем более, что двуязычие не может быть раз и навсегда установлено. В нашем меняющемся мире языки, как бы они ни тяготели к устойчивости, не могут оставаться без изменений. Совместное использование языков предполагает неопределенность сфер и задач их функционирования.

Двуязычие, как показывает мировая практика, – это зло, от которого любой здоровый общественный организм будет стараться так или иначе избавиться.

К примеру, официальное двуязычие Бельгии привело к фактической победе французского языка над фламандским, а двуязычие Канады на современном этапе является реальной угрозой территориальной целостности государства из-за желания франкоязычного Квебека отделиться от других провинций.

Объективно в настоящее время Украина живет в условиях фактического (не юридического) двуязычия. Виртуально можно представить себе, как через всю страну сейчас проходит невидимая нить-граница, которая разделяет ее на две части: восточную, где властвует использование русского языка (немалая часть населения восточной части пассивно владеет украинским языком), и западную, где полноправно во всех сферах функционирует украинский язык (большая часть населения западной части в полной мере владеет русским языком).

Проанализировав рассмотренные четыре варианта развития языковой ситуации, каждый исследователь может прийти к выводу о том, что ни один из возможных путей языкового будущего не может удовлетворить Украину.

Конечно же, в законодательном плане, насколько это подвластно разуму, следует укрощать языковую стихию, и историческая практика свидетельствует о положительных результатах.

Мне, как лингвисту, не хотелось бы терять ни единого языка на карте мира, тем более на карте Украины. Желательно бы не только сохранить, но и создать возможности для расцвета каждого языка.

Какая перспектива развития языковой ситуации была бы сейчас самой цивилизованной и справедливой? Провозгласить государственный статус русского языка и тем самым законодательно утвердить шаткость языковой ситуации в Украине, временный характер установленного языкового равновесия? Или поднять пассивный уровень владения украинским языком ныне русскоязычного населения восточной части страны до активного уровня, сделать его благодаря этому фактически двуязычным?

В этом контексте я – за двуязычие, но не *de jure*, а *de facto*, при условии единого государственного языка, который объединяет многонациональный народ страны. А учитывая стремления нашей страны приобщиться к мировому сообществу, я позволю себе пометить и о трех-, четырехязычности каждого гражданина Украины. Уже давно всеми признается, что граждане с одновременным знанием русского, украинского, английского; или украинского, польского, венгерского; или украинского, русского, румынского, немецкого и т.д. языков сегодня необходимы Украине.

Поэтому, мне кажется, в настоящее время назрела необходимость разработки **специальной научно обоснованной программы решения социолингвистических проблем в Украине на современном этапе**.

На данный момент в рамках положений Конституции Украины предлагаю осуществить несколько следующих официальных мероприятий:

1. Вместе с признанием статуса украинского языка как единого государственного языка Украины ввести в стране институт региональных языков: население каждой территории компактного проживания национальных меньшинств на референдуме избирает свой язык функционирования в границах данного региона. Таким образом, вместе с польским, румынским, венгерским, украинским и т.п., русский язык в некоторых регионах (например, Донецкий, Крымский регионы) может получить статус регионального языка.

2. Кроме того, в современных условиях, если русский язык *de jure* и *de facto* используется в общении между народами бывшего Советского Союза, мне кажется целесообразным предоставить русскому языку в Украине (как, впрочем, и в других странах бывшего СССР, но это уже компетенция соответствующих государств) официальный статус языка межнационального общения.

На мой взгляд, предлагаемые компромиссные мероприятия при юридическом господстве украинского языка установят определенное социолингвистическое (в том числе и политическое) равновесие, не задевая прав ни одного из языков народов Украины. Таким образом ук-

раинский язык обладает статусом государственного, а в некоторых регионах и регионального, а русский язык – статусом регионального языка и языка межнационального общения.

Надеюсь, это станет необходимым стимулом для изучения как украинского, так и русского языков в учебных заведениях и приведет к желательному фактическому (не официальному) двуязычию (а в идеале трех-, четырехязычию) населения нашей страны, что в конце концов может сработать и на повышение качества интеллектуальной ауры народа Украины в целом.

Большинство современных развитых государств построено либо по национальному принципу, либо по принципу «**плавильного котла**», то есть объединения разных этносов в единое целое (классический пример государства «плавильного котла» – США). В этом случае основу государственной языковой политики составляет полное языковое единство и всеобщее одноязычие.

«В США общественное мнение обычно считает одноязычие (естественно, на английском языке) свойством культурных и зажиточных людей, а двуязычие (в условиях США свойственное тем, для кого английский язык - не родной) связывает с бедностью и отсталостью. Этому, однако, может противостоять стремление национальных меньшинств сохранять свой язык» [Алпатов, 2003, с. 21].

Принцип «плавильного котла» свойствен и Украине. Несколько десятков языков полноправно развиваются и функционируют на ее территории, скрепляя свое единство единым государственным языком – украинским.

Но постепенный экономический подъем, интеграция в европейское и мировое сообщество требует сегодня от украинского народа фактического (не юридического) знания языков межнационального общения – английского и/или русского. Среди языков межнационального общения русским языком в настоящее время в Украине владеет подавляющее большинство.

Сегодня такого рода решение в своей языковой политике приняли многие страны: в Африке, например, Танзания (два государственных языка – суахили и английский); в Азии, например, Индия (два государственных языка - хинди и английский); в Европе, например, Бельгия (два государственных языка – фламандский, или нидерландский, и французский) и Финляндия (два государственных языка – финский и шведский).

Таким образом, в украинской языковой ситуации «плавильного котла» очень важным, цементирующим открытую для демократического развития нацию обстоятельством представляется единый государственный язык как средство внутринационального общения (украинский язык) при наличии языка межнационального общения (русского языка) и нескольких региональных языков (венгерского, польского, румынского, крымскотатарского и т.д.), что не противоречит 10-ой статье Конституции и способствует функционированию и развитию не только украинского и русского, но и всех языков Украины.

Литература:

1. Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. – СПб, 2003, – №2. – С. 20-26.
2. Бидер Г. Язык и тоталитаризм // VIII Международный симпозиум МАПРЯЛ. – Велико-Тырново, 2002. – С. 366-373.
3. Герд А.С. Введение в этнолингвистику – СПб, 2001.
4. Голобородько Е.П. Языковая ситуация в Украине: реалии и тенденции // Русский язык и литература в учебных заведениях. – К., 2001. – №6. – С. 1-3.
5. Дубичинский В.В. Статус русского языка в Украине // Русский язык и литература в учебных заведениях. – К., 2002. – №2. – С. 2-4.
6. Кудрявцева Л.А. Функции и статус русского языка в украинской языковой среде // Вестник Московского университета. – Сер.9. – Филология. – М., 2003, . – №3. – С. 176-180.
7. Мечковская М.Б. Социальная лингвистика. – М., 1996.
8. Сидельников В.П. Проблема языкового законодательства // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. – К., 2003. – С. 22-27.
9. Стахова Е. Депутатов Харьковского горсовета поддержали коллеги из других городов // Время. – Харьков, 2001. – 24 мая.
10. Тараненко О.О. Мовна ситуація та мовна політика в сучасній Україні // Мовознавство. – К., 2003. – №2-3. – С. 30-55.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81'374

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Е.Я. Титаренко (Украина, АРК, Симферополь)

В статье рассматриваются проблемы лексикографического описания глагольной лексики, проводится презентация «Словаря фазовой парадигматики русских глаголов».

Ключевые слова: глагол, аспектология, фазовость, лексикография.

У статті розглядаються проблеми опису дієсловної лексики, проводиться презентація «Словника фазової парадигматики російських дієслів».

Ключові слова: дієслово, аспектологія, фазовість, лексикографія.

This article concerns the problems of description of verbal vocabulary from positions of phase theory and the necessity of Russian verbs dictionary is stated.

Key words: verb, phase, vocabulary, aspects.

Современная лексикография развивается бурными темпами. Появляются новые печатные и электронные словари, основанные на свежих идеях, принципах изучения и описания лексики и семантики. Так, например, в Институте языкознания РАН группа под руководством А.А. Зализняка работает над проектом «Словаря семантических переходов» [5]. Это компьютерный словарь, представляющий собой базу данных по типологии семантической деривации. Авторы различают 5 типов семантических переходов: синхронную полисемию; семантическую эволюцию внутри одного языка; семантическую эволюцию от языка-предка к языку-потомку; когнаты (слова родственных языков, имеющие один этимон) и семантическую деривацию с участием словообразования.

«Концепция словаря основана на идее о том, что между разными значениями одного слова (синхронный и диахронический аспект здесь представляют две стороны одного явления) имеется сущностная связь, определяемая самим фактом генетического единства» [5:38]. Таким путем можно восстановить те связи, на основании которых разные языки производят концептуализацию мира. Материалом исследования служат индоевропейские, а также семитские, уральские и дагестанские языки.

Предметную сферу словаря составляют области, связанные с деятельностью человеческого сознания: восприятие; эмоциональные состояния и отношения; ментальные состояния и акты; физиологические ощущения и реакции; речь; присущие человеку виды деятельности. Естественно, в словаре отражены, наряду с другими частями речи, глаголы.

Лексикографическое описание русской глагольной лексики – насущная задача современной лингвистики. Как отмечает Л.Ф. Белякова, о необходимости создания аспектологического словаря говорилось еще на I Международном аспектологическом симпозиуме, проходившем в 1994г. в Кракове [3]. К этой проблеме все чаще обращается внимание ученых, создаются соответствующие словари [11], концепции, проекты и материалы [2; 3; 4].

Так, Л.Ф.Белякова, например, предлагает словник на основе аспектуально значимой таксономии глагольной лексики, базирующийся на классификациях Ю.С. Маслова, З. Вендлера и Х. Мелига, а также Е.В. Падучевой, Т.В. Булыгиной и др. Ее «Материалы» представляют сплошную выборку глагольных лексем – примеров из научных исследований (естественно-научных текстов). Словарная статья представляет собой заголовочную часть – одно слово (если глагол непарный) или видовую пару, затем следует определение таксономической принадлежности (с указанием фамилии автора классификации), например:

АФИШИРОВАТЬ Imperf. tantum. Поведения (Падучева).

БРЫЗГАТЬ/БРЫЗНУТЬ Деятельности: многоактные / семейфактивы. Imperf. tantum. Деятельности (множественные действия / повторение одного и того же движения) (Гадучева).

ГЛУПЕТЬ/ПОГЛУПЕТЬ Процессы неопредельные: градативы/делимитативы. **Поглупеть/глупеть** Происшествия: сдвиги/неопредельные тенденции (Гадучева).

КАЗАТЬСЯ/ПОКАЗАТЬСЯ Обозначение «непосредственного, непрерывного эффекта» (Маслов).

КЛАСТЬ/ПОЛОЖИТЬ Парновидовые глаголы. Обозначение имперфективом длящегося процесса (стремления / попытки завершить действие) vs обозначение успешного завершения перфективом (Форсайт) [3].

Очень интересной для нас является последовательность расположения глаголов в видовых парах (см., например, **поглупеть/глупеть**). Л.Ф. Белякова отмечает, что порядок следования глаголов в видовой паре соответствует представлению исследователей о направлении видообразования, перфективации или имперфективации, которые не всегда совпадают у разных авторов и не всегда совпадают с традицией [3:5]. С точки зрения теории фазовости, о которой будет идти речь ниже, отношения в паре **поглупеть – глупеть** и **глупеть – поглупеть** прямо противоположны: в первом случае это начинательно-процессная фазовость (*поглупел когда-то и теперь глупеет все больше*), а во втором – процессно-результативная (*глупел, глупел и наконец поглупел*).

Однако вернемся к проблеме создания специального глагольного словаря. Следует согласиться, что принципы лексикографирования глаголов требуют детального изучения и описания. Одной из первых проблем является толкование глаголов в видовых парах. Традиционно в толковых словарях приводится описание одного глагола, а парный глагол другого вида толкуется отсылочным способом. Таким образом достигается экономия объема словаря. Однако «между членами одной видовой пары часто обнаруживаются существенные семантические и сочетаемостные различия, которые останутся неучтенными, если в словарном описании для одного из видовых коррелятов ограничиться отсылкой к другому» [6:98].

С другой стороны, независимое описание членов видовой пары, как отмечают А.Зализняк и А.Шмелев, может также привести к потере лингвистически существенной информации (см. об этом в [6:98-99]). Оптимальным, по мнению авторов, является компромиссное решение: независимое описание парного глагола НСВ в комбинации с отсылкой к его перфективному корреляту. «Такое решение отражает реально двойственную природу вида как грамматической категории, соединяющей в себе признаки словоизменительных и словоклассифицирующих категорий» [6:99].

Таким образом, наряду с задачей адекватного отображения глагольной лексики в обычных толковых словарях, актуальной является и идея создания особого «аспектологического» словаря русского языка, в котором в едином формате для каждого глагола была бы представлена вся аспектологически релевантная информация: вид, видовая коррелятивность, формальный и семантический тип видовой пары, онтологический потенциал, идиосинкратические особенности употребления видовых форм» и т.д. [6:99]. Входом словарной статьи является глагол СВ или НСВ в форме инфинитива. Примеры словарных статей и принципы описания глаголов изложены в [6]. Несомненная ценность такого словаря заключается в том, что пользователь может быстро и легко получить всю необходимую информацию относительно аспектуальных свойств русских глаголов, что особенно важно для иностранных учащихся в практике преподавания РКИ.

Ю.Д. Апресян, работающий над «Объяснительным словарем синонимов», поднимает целый ряд проблем, существующих в настоящее время в представлении аспектуальной информации о глаголах [1]. Он формулирует 4 лексикографических принципа, которые должны предопределять лексикографическую трактовку вида, а именно: активность, интегральность, системность и выявление всех повторяющихся элементов в объектах описания, частичное дублирование информации в грамматике и в словаре, если какое-то свойство слова не полностью семантически мотивировано.

Принцип активности вынуждает лексикографа сообщать гораздо больший объем информации о каждой единице описания, чем принцип обычных толковых словарей, которые в большинстве своем, как отмечает Ю.Д. Апресян, пассивны. Принцип интегральности состоит в том, что информация, которая приписывается объектам описания в словаре, должна учитывать устройство лингвистических правил. Принцип системности требует, чтобы в лексике данного языка выделялись определенные лексикографические типы. И последний принцип предполагает описание в словарях такой информации, которая уже безусловно где-то в лингвистическом

описании имеется, т.к. «лексикография – это такая наука и такое отчасти искусство, которое не только допускает, но и требует частичного дублирования информации, и без того где-то записанной» [1:9].

Итак, объем аспектуальной информации в толковом словаре должен включать:

- вопрос о представляющей форме (СВ или НСВ);
- вопрос о наборе видовых форм (полная, неполная или избыточная парадигма);
- информацию о взаимодействии аспектуальных и собственно лексических значений;
- вид и его связь с синтаксическими конструкциями, с сочетаемостью [1:9].

Каким же видом глагола должна быть представлена видовая пара, если исходить из того, что это (как полагает Ю.Д. Апресян) формы одного слова? В БАСе представляющей формой является НСВ, в МАСе – форма СВ. Первое решение, как отмечает автор, чересчур механистическое, второе тоже не лишено недостатков, поскольку следует принимать во внимание и семантические соображения. Как правило, в лексикографии принято считать, что входом словарной статьи является семантически более простая форма. И именно в области вида, как пишет Ю.Д. Апресян, эта практика ломается. А ситуации в этих случаях могут быть трех типов: 1) СВ семантически проще НСВ; 2) НСВ семантически проще СВ; 3) СВ и НСВ семантически равносложны [1:11]. В первых двух случаях легко можно выбрать правильное решение, в последнем это сделать труднее, однако даже если выбрать «волевой принцип, то область произвола при таком подходе гораздо меньше, чем в лексикографических решениях БАСа и МАСа» [1:12].

Необычайно интересен вопрос о наборе видовых форм, который автор разбивает на два – вопрос о полноте парадигмы и вопрос о ее избыточности. Рассматривая первый вопрос, Ю.Д. Апресян отмечает, что «аспектуальные парадигмы ведут себя причудливым образом: почему у *дождаться* есть форма СВ, а у *ждать* ее нет – не очень понятно» [1:12]. Вопрос избыточности парадигмы более сложен. Избыточной является парадигма, в которой есть варианты, эти варианты формы в каких-то отношениях ущербны: либо архаичны, либо мало употребительны, либо потенциальны, т.е. выводятся по правилам системы, но отсутствуют в узусе. Примеры избыточных парадигм: *заготовить* – *заготавливать/заготовлять*, *засеять* – *засевать/засеивать* и т.п. Здесь варианты образуются на основе суффиксации. Примеры префиксальных троек: *множиться* – *умножаться* – *умножиться*; *гореть* – *сгореть* – *сгорать*, *таять* – *растаять* – *растлавать* и др.

Эти случаи очень противоречиво трактуются в грамматиках и словарях. Причина в том, что «лексикограф или грамматист хочет увидеть здесь единый тип и дать ему единое описание» [1:14]. Наиболее распространены две точки зрения: 1) чистовидовая пара (*умножаться/умножиться*) и одновидовой бесприставочный глагол (*множиться*); 2) у глагола СВ *умножиться* есть две формы НСВ (*множиться* и *умножаться*). Такая трактовка, будучи последовательно проведенной по всему материалу, «приводит к катастрофическим последствиям, потому что оказывается, что у некоторых русских глаголов в аспектуальную парадигму входит до семи разных форм» [1:14]. В качестве примера Ю.Д. Апресян приводит глагол *копить*, у которого в гнезде оказываются следующие формы НСВ: *копить*, *скапливать*, *скоплять*, *накапливать*, *накоплять* и формы СВ *скопить*, *накопить*.

Тщательный семантический анализ позволяет обнаружить в тройках абсолютно разные типы. Тип 1: *таять* – *растаять* – *растлавать*, где правильная пара *таять* – *растаять*, а *растлавать* – неполноценный вариант НСВ, который выведен по правилам системы, но реально в узусе не существует и не может в контексте заменять глагол *таять* [1:14].

Тип 2: *бежать* – *убегать* – *убежать* (о молоке). Здесь формы НСВ равноправны, при этом в русском языке парой являются глаголы *убегать* – *убежать*, а *бежать* глагол абсолютного НСВ. В этом случае происходит восполнение дефектной парадигмы за счет синонимичного слова.

Тип 3: *гореть* – *сгореть* – *сгорать*. Здесь видовая пара, как пишет Ю.Д. Апресян, только *сгорать* – *сгореть*, глаголы же *гореть* и *сгорать* – разные слова, потому что они «ни при каких обстоятельствах не выражают одного комплекса идей» [1:15].

Тип 4: *читать* – *прочитать* – *прочитывать*. Пару образуют глаголы *читать* – *прочитать*, а вторичный имперфектив является глаголом абсолютного НСВ, т.к. его использование ограничено контекстами многократного, узуального и настоящего исторического значений, у него нет основных значений НСВ (процессного, общефактического и др.) [1:15].

Данные наблюдения представляются нам чрезвычайно интересными и полезными не только для лексикографической практики, но и для теории видов. Тем более необходимо учи-

тывать эти различия в словарях. Равно как и вопрос о взаимодействии лексической и грамматической семантики глагольного слова. Как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, «лексические значения могут быть устроены таким образом, что они накладывают определенные ограничения на принципиально существующую в языке возможность реализации грамматических значений» [1:16]. Так, синонимичные глаголы *видать* и *видеть* различаются тем, что для глагола *видать* невозможным оказывается актуально-длительное и другие процессные значения, а глагол *видеть* имеет «не выделяемое толковыми словарями русского языка информационное значение», которое отличается от чисто физического восприятия и «является повторяющимся в структуре лексики русского языка» [1:17]. Это информационное значение реализуется только в сочетании с общефактическим значением в прошедшем времени граммы НСВ.

Еще один очень важный вопрос, связанный со взаимодействием лексической и грамматической семантики видов – вопрос о наращениях, которые испытывает некий глагол в определенной видовой форме. Так, деструктивные глаголы НСВ *ломать*, *разбивать* и т.п. в актуально-длительном значении дополнительно к своей лексической семантике выражают идею намерения, которой нет в глаголе СВ, ср.: *мальчик разбивает витрину* (намеренно!) – *мальчик разбил витрину* (возможно, случайно) [1:18].

Таким образом, нельзя не согласиться, что аспектуальная информация, которая должна включаться в словарь, может быть гораздо более полной и подробной, чем это принято в действующих словарях.

Еще одной проблемой в представлении глагольной лексики является полисемия, возникающая в результате префиксации. Как отмечает С.О. Соколова, глагол *пересажать* имеет толкование «посадить все, многое или всех, многих» с пометой *разг.*, при том, что его мотиватор *сажать* насчитывает 11 ЛСВ, из которых с префиксальным мотиватором соотносятся только 7 (а именно 1, 2, 4, 5, 6, 7) [9:259].

Для украинской глагольной лексики весьма важно также наличие большого количества вариативных форм префиксов, в частности, фонетических вариантов, которые начинаются с разных букв и значительно усложняют словарное описание однокоренных глаголов. С.О. Соколова разработала методику, позволяющую избежать дублирования значения мотивирующей основы при описании значений префиксов, и обосновала концепцию словаря префиксальной дивергенции украинских глаголов [9]. Каждый глагольный префикс представлен как многозначная единица, имеющая свою структуру значений (МСВ – морфемно-семантических вариантов), связанных между собой подобно ЛСВ лексемы.

Следующим шагом может и должно стать создание двуязычного русско-украинского словаря префиксальной дивергенции, идею которого высказывал О.М. Соколов. Профессор О.М. Соколов внес значительный вклад в развитие русской аспектиологии: описал лексико-грамматическую категорию фазовости в современном русском языке, обнаружил фазовый инвариант в видовых парах глаголов, исследовал имплицитную морфологию глагола.

Исходя из концепции фазовости О.М. Соколова [8], можно составить фазовые парадигмы практически любого русского глагола. Минимальная фазовая парадигма состоит из двух глаголов, максимум – не ограничен, нулевая фазовость у немногочисленных глаголов, не имеющих ни одного деривата, таких как *ринуться*, *воспрянуть*, *втрескаться*, *несдобровать*, *хлынуть*, *ютиться* и др. Что же такое **фазовая парадигма** глагола?

В фазовую парадигму глагола входят все глаголы другого вида, находящиеся с ним в отношениях непосредственной (прямой) мотивации. Это аспектуально-словообразовательное гнездо, включающее разновидности глаголов, например: *БОЯТЬСЯ* (НСВ) – *ЗАБОЯТЬСЯ* (СВ); *ПЕРЕБОЯТЬСЯ* (СВ); *ПОБОЯТЬСЯ* (СВ); *УБОЯТЬСЯ* (СВ) – фазовая парадигма глагола *бояться*. Между данными глаголами прослеживаются следующие отношения фазовости: *заботиться* – *бояться* – начинательно-процессные; *бояться* – *переботиться* (перестать бояться) – процессно-завершительные; *бояться* – *поботиться* и *бояться* – *уботиться* – многократно-однократные.

Как отмечал О.М. Соколов, «любой префикс ... обладает фазовой функцией. Фазовая функция (фазовый инвариант) может быть установлена для любой деривационной пары, если она представлена мотивационно связанными глаголами несовершенного вида (бесприставочный мотиватор) и совершенного вида (приставочный мотиватор)» [7:240]. Конечно, фазовость зависит не только от префикса, но и от предельности/непредельности мотивирующего глагола и других факторов, о которых будет сказано ниже. Фазовая функция префикса лишь частично определяется его лексическим значением, поэтому она «может носить сопутствующий характер, сочетаясь с семами пространства, количества, качества и т.п.» [там же].

Направления фазовости не всегда совпадают с направлениями словообразовательной мотивации. Начинательно-процессная фазовость направлена от глагола СВ к глаголу НСВ: *запеть* → *петь*, *побежать* → *бежать*, *примкнуть* → *примыкать*, *почувствовать* → *чувствовать*, *вскипеть* → *кипеть* и др. Процессно-завершительная – от глагола НСВ к глаголу СВ: *играть* → *отыграть*, *любить* → *разлюбить*, *писать* → *переписать*, *строить* → *построить*, *выбрасывать* → *выбросить* и т.д. То же относится к процессно-ограничительной фазовости: *бегать* → *побегать*, *читать* → *почитать*, *спать* → *проспать* (2 часа). Однократно-многократная фазовость двунаправлена, отношения идут как по линии СВ → НСВ, так и обратно – от НСВ → СВ.

Как уже было сказано, в фазовую парадигму входят глаголы разного вида, за исключением двух случаев: в парадигму глагола НСВ может входить многократный глагол абсолютного НСВ, если таковой имеется в русском языке (*говорить* – *говаривать*, *читать*-*читывать*) и в парадигму глаголов движения входят 2 глагола НСВ: однонаправленный и разнонаправленный (*бегать* – *бежать*, *летать* – *лететь*). В обоих случаях глаголы НСВ выражают одно-многократную фазовость.

Для «Словаря фазовой парадигматики русских глаголов», концепция и структура которого описана нами в статье [10], мы разработали схему фазовой парадигмы, в которой дериваты группируются вокруг глагола-мотиватора в строго определенном порядке, а именно: начинательные слева, завершительные (результативные) справа, ограничительные снизу, одно/многократные сверху. Направления фазовости обозначаются стрелками. Полная фазовая парадигма глагола выглядит следующим образом:

Однако следует учитывать, что фазовость в русском языке имеет как синтетические, так и аналитические средства выражения. Если глаголы СВ обычно выражают это значение синтетически (аффиксальным способом), то глаголы НСВ – аналитически, с помощью специальных фазовых глаголов и лексических показателей. Следовательно, фазовые значения начала, одно/многократности, продолженности/ограниченности процесса БРАТЬ могут быть переданы в русском языке другими средствами.

Минимальная фазовая парадигма состоит, как уже было сказано, из двух глаголов: понять→понимать; поверить→верить; благодарить↕↓ поблагодарить.

В «Словаре фазовой парадигматики русских глаголов» ниже схемы фазовой парадигмы даны толкования глаголов в следующем порядке: сначала толкование базового глагола, расположенного в центре схемы, затем толкования всех остальных глаголов в алфавитном порядке. Отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) одного и того же глагольного слова могут выражать разную фазовость, что отражено на схеме. В таком случае справа от глагола в круглых скобках указывается порядковый номер ЛСВ, имеющий соответствующее значение фазовости (см. БРЫЗГАТЬ). Омонимы обычно тоже имеют различную фазовость, что также отражено в схеме, где они отмечены цифрой справа от глагола. Приведем пример толкования глаголов, входящих в парадигму глагола БРЫЗГАТЬ:

БРЫЗГАТЬ (НСВ) 1. Разбрасывать, с силой извергать капли жидкости, искры, мелкие частицы чего-л. 2. Разлетаться, рассеиваться каплями, мелкими частицами. 3. Окроплять, опрыскивать.

БРЫЗГИВАТЬ (НСВ). *Многokr.* к брызгать.

БРЫЗНУТЬ (СВ) 1. *Одноакт.* к брызгать. 2. Внезапно и сильно политься.

ВЫБРЫЗГАТЬ (СВ) Брызгая, выплескать, удалить и т. п.

ЗАБРЫЗГАТЬ 1 (СВ) Покрыть брызгами.

ЗАБРЫЗГАТЬ 2 (СВ) Начать брызгать.

ИЗБРЫЗГАТЬ (СВ) *Разг.* 1. Употребить, израсходовать для обрызгивания.

2. Покрыть что-л. брызгами; обрызгать.

НАБРЫЗГАТЬ (СВ) Брызгая, накапать на что-л.

ОБРЫЗГАТЬ (СВ) Покрыть, обдать брызгами.

ПЕРЕБРЫЗГАТЬ 1 (СВ) Брызгать через кого-, что-л.

ПЕРЕБРЫЗГАТЬ 2 (СВ) 1. Покрывать брызгами, обрызгать все или многое, всех или многих. 2. Брызгать снова, еще раз.

ПОБРЫЗГАТЬ (СВ) 1. Брызгать некоторое время. 2. Слегка обрызгать, кропить, попрыскать.

РАЗБРЫЗГАТЬ (СВ) 1. Брызгая, расплескать. 2. Распылить, рассеять какую-л. жидкость.

Как отмечал О.М. Соколов, фаза действия в парадигматике устанавливается на основе сопоставления глаголов НСВ и СВ с учетом их потенциальных семантических особенностей. При этом часто оказывается, что один и тот же глагол СВ соотносится с двумя глаголами НСВ: в этом случае он может обозначать две различные фазы, а морфемы, определяющие реализованную предельность, обладают одновременно различными фазовыми функциями (чаще всего завершительная фаза оказывается в то же время и начальной). Ср.: *закипать – закипеть – кипеть, закуривать – закурить – курить, ложиться – лечь – лежать, садиться – сесть – сидеть* и др. [8].

Одной из важных проблем является проблема разработки критериев отнесения того или иного деривата к определенному типу фазовости. Как определяются фазовые отношения между глаголами в аспектуальной паре?

Можно назвать несколько общих правил:

1. У предельных глаголов НСВ приставочные корреляты СВ выражают завершительно-результативную фазу: *писать – написать (роман), выливать – вылить (воду)*.
2. У непредельных глаголов НСВ в коррелятах СВ актуализируется начальная фаза: *надуться – дуться (на кого-л.)*.
3. Результативная семантика префикса в глаголе СВ способствует выражению этим глаголом завершительной фазы, независимо от предельности / непредельности мотивата НСВ: *носить – износить (платье)*.
4. Начинательное значение префикса в глаголе СВ соответствует выражению начинательной фазы: *запеть – петь, потечь – течь*, а финитивное – выражению завершительности: *петь – отпеть, пить – допить*.

5. Одноактное значение глагола СВ предполагает многоактность у мотивационно связанного глагола НСВ и наоборот: *моргать* – *моргнуть*; *всхлипывать* – *всхлипнуть*.

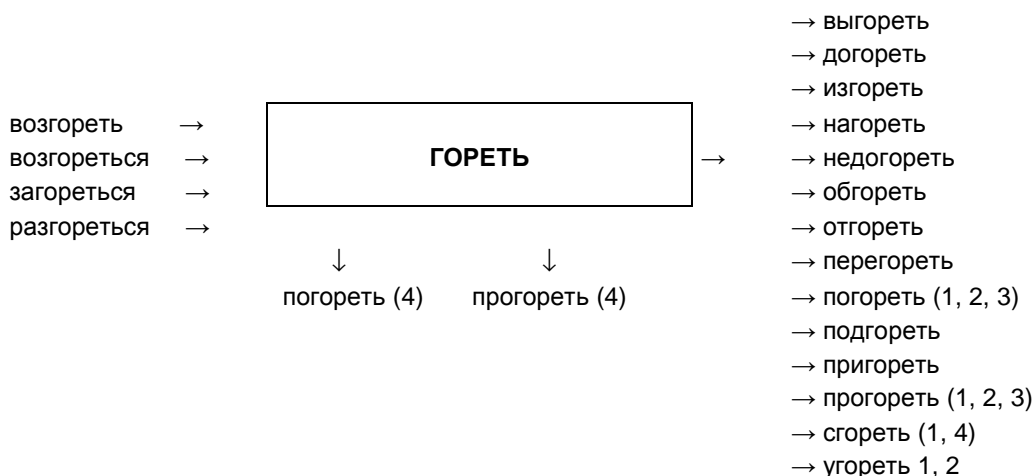
Кроме того, при определении фазовости того или иного ЛСВ глагола мы прибегаем к семантическому толкованию, используя приемы подстановки «формул» типа «*делал, делал и наконец сделал*» – для финитивно-результативных глаголов; «*сделал и теперь делаю (продолжаю делать)*» или «*начать быть в состоянии – быть в состоянии*» – для начинательно-процессных отношений; «*делал какое-то время*» – для делимитативов, являющихся разновидностью завершительной фазовости. Если же толкование семантических отношений не укладывается в рамки этих трех формул, значит, следует констатировать выражение единичности/повторяемости действия (процесса, события), которые определяются формулой «*состояние – однократное (либо многократное) проявление состояния*».

Рассмотрим примеры: *понять* ® *понимать*; *поверить* ® *верить*; *благодарить* – *поблагодарить*. В видовой паре *понимать* – *понять* отношения фазовости начинательно-процессные, т.к. невозможно *«*понимать, понимать и наконец понять что-л.*», можно только «*понять что-л. и затем понимать*». То же в паре *верить* – *поверить*: *поверил* – значит «*начал верить во что-л. или кому-л.*». В аспектуальной паре *благодарить* – *поблагодарить* отношения нельзя истолковать иначе, как одно/многократные. Как определить фазовые отношения между глаголами *ночевать* – *заночевать*? Невозможно *«*ночевал, ночевал и наконец заночевал*», более вероятно «*заночевал и теперь ночую*», что соответствует начинательно-процессным отношениям, несмотря на то что глагол СВ *заночевать* не воспринимается носителями языка как начинательный. Очевидно, отношения в данной паре более соответствуют формуле «*ночевал* – обычно, всегда, постоянно, много раз; *заночевал* – однажды», т.е. выражается однократно-многократная фазовость.

Таким образом, фазовые парадигмы глаголов позволяют обнаружить семантические, аспектуальные, словообразовательные связи между дериватами в целом и их ЛСВ в частности. Гнездовое расположение очень удобно для пользователя и позволяет экономить время нахождения родственных слов. Это особенно важно для глагольной лексики, поскольку самым распространенным видом словообразования глаголов является префиксация, вследствие чего в больших алфавитных словарях однокоренные глаголы оказываются не только на разных страницах, но и в разных томах. Даже поиск видовой пары, толкуемой обычно, как уже было сказано, отсылочным способом, требует дополнительного времени, тогда как в «Словаре фазовой парадигматики» все видовые пары к каждому ЛСВ глагола собраны в одной словарной статье.

Проблемы представления аспектуальной информации, о которых говорил Ю.Д. Апресян, решаются в нашем словаре следующим образом. Входом словарной статьи является первичный глагол любого вида в форме инфинитива. Все глаголы в фазовой парадигме, включая «чистовидовые» пары, мы считаем разными словами, поэтому вопрос о представляющей форме теряет актуальность. Входом словарной статьи является морфологически более простая форма, от которой образованы все дериваты.

Аспектуальная парадигма полностью укладывается в фазовую парадигму глагола, кроме того, фазовая парадигма может с успехом заменить так называемые способы действия, которые не представляют такой строгой и стройной системы, как фазовость. Вот, например, фазовая парадигма глагола ГОРЕТЬ, о котором писал Ю.Д. Апресян (см. выше):

Первичный глагол имеет 10 ЛСВ (по МАСу); из них только в 1 и 7 у него есть видовая пара *сгореть*: в значениях «поддаваться действию огня, уничтожаться огнем» и «преть, гнить, портиться при слеживании». У глагола *сгореть* 6 ЛСВ и для всех парой является глагол *сгорать*, а в 1 и 4 параллельно еще и *гореть*. Однако в дополнительных оттенках первого ЛСВ «уничтожиться огнем» выделяются значения «израсходоваться при горении (для освещения, отопления)», для которого парой является только *сгорать*, и «подгореть», для которого парой является только *гореть*. Все это отражено в МАСе и в нашем словаре.

В целях преподавания РКИ в словаре привычное толкование глаголов можно заменить речевыми иллюстрациями – словосочетаниями и предложениями: **гореть** 1. Гореть в огне; 2. Свеча горит; 3. Большой горит в лихорадке; 4. Щеки горят от волнения; 5. Глаза горят любовью; 6. Гореть на работе; 7. Сено горит в стогах от дождя и зноя; 8. На сыне обувь горит; 9. Сроки горят, надо заканчивать проект. Кроме того, для иностранного учащегося очень важно, что он видит в одной словарной статье все глаголы противоположного вида, которые возможно образовать от первичного глагола аффиксальным способом. Обычно именно употребление приставочных глаголов СВ становится проблемой для инофонов.

Итак, «Словарь фазовой парадигматики русских глаголов» может стать тем аспектологическим словарем, который будет полезен как носителям языка, так и иностранцам, изучающим русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Т.2. – М., 1997. – С. 7-20.
2. Бабенко Л.Г. О концепции и структуре экспериментального синтаксического словаря русских глаголов // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2001. – С. 126-127.
3. Белякова Л.Ф. Материалы для аспектологического словаря: Учебный языковой словарь. – Волгоград, 2003. – 76 с.
4. Герман Н.В. Теоретическая концепция стилистико-идеографического словаря русских глаголов // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2001. – С. 131.
5. Зализняк А.А. Языковая концептуализация ментальных состояний в типологическом аспекте // Когнитивные стили коммуникации. Теории и прикладные модели. – Симферополь, 2004. – С. 38-40.
6. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М., 2000. – 226 с.
7. Соколов О.М. Принципы классификации префиксов в связи с построением словаря префиксальной валентности русского глагола // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ч.1. – Самарканд, 1987. – С. 239-242.
8. Соколов О.М. Семантика категории фазовости в русском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. 47. – № 6. – М., 1988. – С. 539-549.
9. Соколова С.О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. – К., 2003. – 282 с.
10. Титаренко Е.Я. Словарь фазовости русских глаголов: концепция и структура // Культура народов Причерноморья. – № 44, ноябрь. – 2003 – С. 71-74.
11. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М., 1999. – 704 с.

УДК 81'374

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОМОНИМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (на материале русского языка)

Е.Н. Сидоренко, И.Я. Сидоренко (Украина, АРК, Симферополь)

Авторы делятся опытом создания толково-грамматического словаря функциональных омонимов, образовавшихся в результате перехода слов из одной части речи в другую.

Ключевые слова: части речи, функциональные омонимы, толково-грамматический словарь.

Автори діляться досвідом створення тлумачно-граматичного словника функціональних омонімів, які утворилися у результаті переходу слів із однієї частини мови в іншу.

Ключові слова: частини мови, функціональні омоніми, тлумачно-граматичний словник

The authors share by experience of creating the dictionary of functional omonims, which appeared as a result of words transition from one part of speech into another.

Key words: parts of speech, functional homonyms, sensibly-grammatical dictionary.

Одной из важных и в то же время дискуссионных проблем морфологии современного русского языка является проблема переходности в области частей речи и ее отражение в словарях. Поскольку терминология переходных явлений не «устоялась», не является общепризнанной, необходимо определить объем и содержание основных терминов, используемых в работе.

Части речи – это лексико-грамматический класс слов с набором индивидуальных дифференциальных признаков.

Гетерогенная классификация частей речи осуществляется на основе пяти критериев разграничения, примененных в определенной последовательности.

На I этапе выделяются знаменательные и незнаменательные классы слов («лакмусовой бумажкой» может служить при этом учебно-исследовательский вопрос; он может быть использован по отношению к знаменательной лексике).

На II этапе знаменательная лексика делится на две группы: неместоименную, обладающую номинативным способом отображения, и местоименную лексику с прономинальным способом отображения. Номинативным называется такой способ отображения, при котором за определенным звуковым комплексом закрепляется постоянное содержание – одно или несколько значений, например: *добрый, творчество, работать* и под.

Прономинальным называется такой способ отображения объективной действительности, при котором за словом не закрепляется постоянное содержание; оно переменное и зависит от контекста и ситуации. Такой способ отображения характерен для местоимений; он позволяет уже на II этапе выделить их в самостоятельную часть речи.

На III этапе разбиения в составе лексики, обладающей номинативным способом отображения объективной действительности, используются одновременно четыре традиционно выделяемых критерия: категориальное значение, морфологическая специфика, синтаксические особенности, словообразовательные возможности.

Категориальное значение – это обобщенное лексико-грамматическое значение части речи типа предметности у имен существительных, признака предмета у имен прилагательных и т. д.

Морфологический критерий включает наличие или отсутствие категорий рода, числа, падежа, склонения, времени, лица и т. д., то есть изменяемость или неизменяемость слова, набор грамматических категорий и особенности их выражения.

Синтаксический критерий рассматривает поведение слова в словосочетании и его функциональную нагрузку в предложении.

Словообразовательный критерий является факультативным и включает в себя наличие или отсутствие системы специальных словообразовательных и формообразующих аффиксов и т. д.

Одновременное использование четырех перечисленных выше критериев позволяет всю номинативную лексику разбить на лексико-грамматические классы слов с набором индивидуальных дифференциальных признаков, то есть на части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, безлично-предикативное слово.

В составе незнаменательной лексики с учетом коммуникативного назначения, особенностей семантики и функционирования выделяют три структурно-семантических типа: 1) модальные слова; 2) служебные части речи, включающие в себя предлоги, союзы и частицы; 3) междометия.

Кроме основных частей речи выделяются «гибридные» классы слов (контаминанты) – лексико-грамматические классы слов, обладающих некоторыми дифференциальными признаками двух частей речи, представленными иногда в трансформированном виде; например, причастия совмещают признаки глаголов и имен прилагательных, деепричастия содержат признаки глаголов и наречий; относительные местоимения (союзные слова) включают признаки местоимений и союзов и т. д.

Таким образом, на современном этапе развития лингвистики при решении вопроса о качественном и количественном составе частей речи опираются на гетерогенный принцип, учитывающий определенным образом организованную систему критериев.

Объем и содержание частей речи не остаются постоянными, они меняются в процессе исторического развития. Группы слов из одной части речи переходят в другую, закрепляясь в ней, приобретая новые дифференциальные признаки.

Первые замечания, касающиеся отдельных переходных явлений, относятся к XIX в. На явление субстантивации обращали внимание Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, Г.П. Павский и др. А.М. Пешковский считал переход слов из одной части речи в другую «следствием того, что отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих в них самих и связанных с ними ассоциативно слова, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую» [Пешковский, 1938:123].

Следующий шаг был сделан в работах А.А. Шахматова, который охарактеризовал переходность как важное явление в системе частей речи и назвал конкретные процессы пополнения имен существительных, прилагательных, местоимений, наречий, союзов и т. д. путем перехода из других частей речи с помощью терминов субстантивация, адъективация, прономинализация, адвербализация, конъюнкционализация и т. д. [Шахматов 1952:63, 125 и др.].

Особое внимание процессы переходности привлекли к себе в 50–60-е годы XX века. Появился ряд работ, посвященных конкретным явлениям диахронной трансформации. Их авторами являлись Н.А. Каламова, Л.П. Калакуцкая, Е.П. Калечиц, М.Ф. Лукин, Ю.Г. Скиба, М.И. Смольянинова, Е.Т. Черкасова, Е.Н. Сидоренко и др. Наибольший вклад в теорию переходности внесли В.Н. Мигирин и В.В. Бабайцева. Они фактически являются основоположниками нового раздела лингвистики – трансформациологии, хотя формально это направление пока не получило соответствующего статуса.

Термин «переходность» в современной лингвистике относится одновременно к двум разным явлениям. В первом значении переходность рассматривается как диахронная трансформация, в результате которой слово из одной части речи переходит в другую, полностью (реже – в основном) сохраняя свой звуковой и графический облик, при этом утрачивая дифференциальные признаки исходной части речи и приобретая дифференциальные признаки новой части речи.

Во втором значении термин «переходность» синонимичен терминам «гибридность», «промежуточность», «контаминация». В этом случае ничто ни во что не переходит, а в одном слове совмещаются некоторые признаки (иногда – в трансформированном виде) двух частей речи одновременно.

Мы рассматриваем переходность в первом значении термина. Переход – это конкретный факт перехода слова из одной части речи в другую. Исходная форма и трансформант вступают в отношения омонимии. Они получили название «функциональных омонимов» (термин предложен О.С. Ахмановой, но в активный лингвистический обиход в более узком значении введен В.В. Бабайцевой). Функциональными омонимами называются генетически родственные

слова, одинаковые (реже – близкие) по звучанию и написанию, образованные путем перехода слова из одной части речи в другую.

Диахронная трансформация с точки зрения направленности процесса может быть иммиграционной (пополняющей какую-либо часть речи) и эмиграционной, направленной на переход слов из данной части речи в другие.

Диахронные процессы, хотя и не в полном объеме, представлены в лингвистической литературе (подробнее об этом см.: Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. 1993). Сопоставление же функциональных омонимов, их лексико-грамматических свойств практически (за исключением нескольких работ) почти не производилось. Но именно в функциональных омонимах кроется та энергия, изучение которой поможет не только глубже увидеть современное состояние языка, но и понять его историю, выработать законы переходности в области частей речи.

Функциональные омонимы могут входить в 1) двучленные ряды (омопары), например: *столовая* – имя прилагательное и *столовая* – субстантиват; *мимо* – наречие и *мимо* – предлог; 2) многочисленные ряды, например: *что* – местоимение, *что* – союз, *что* – частица, *что* – междометие и т. д.

Функциональная омонимия недостаточно разработана в теоретическом плане и очень слабо представлена в лексикографической практике. Накопленный русистикой большой фактический материал фрагментарно отражен в существующих толковых словарях (БАСе, МАСе. С.И. Ожегова), в специальных словарях (О.С. Ахмановой, Н.П. Колесникова), во многих статьях и монографиях, но не собран вместе, не систематизирован, не отграничен от смежных явлений. Покажем это на примере.

Словарная статья *больной* в МАС представлена следующим образом: «**БОЛЬНОЙ**, -а, -о е; б о л е н, -л ь н а, -л ь н о; 1. *Чем* и *без доп.* Страдающий какой-л. болезнью; *противоп.* здоровый. *Больной ребенок <...> / в знач. сущ.* О человеке. **БОЛЬНОЙ**, - о г о, м.; **БОЛЬНАЯ**, -о й, ж. *Прием больных...*» [МАС, т.1:106].

Авторы данного словаря, таким образом, слово *больной* представляют как имя прилагательное. Дополнительное замечание «в значении существительного», по меньшей мере, странно. В первой части статьи мы не случайно подчеркивали важность определения части речи, которая обладает определенным набором дифференциальных признаков. Так, имя прилагательное *больной* имеет категориальное значение признака предмета, словоизменительные (синтаксические) категории рода, числа и падежа, специфические синтаксические функции и т. д. Имя существительное *больной* имеет категориальное значение предметности, постоянную категорию рода, изменяемые категории числа и падежа, разнообразные синтаксические функции и т. д. Что означает выражение «в значении существительного»? Ответа на этот вопрос нет, ибо само это замечание некорректно. Общее значение имени существительного – предмет в грамматическом понимании термина, но судьбу частеречной принадлежности слова решает не один дифференциальный признак, а их совокупность. К сожалению, все толковые словари не учитывают этого. К подобному выводу приходит и Е.Б. Колыханова, которая совершенно справедливо пишет: «Невыделение в толковых словарях русского языка функциональных омонимов в большинстве случаев приводит к неправильному представлению о слове вообще» [Колыханова 1988:115]. Этот вопрос особенно важен сейчас, когда решается проблема переиздания старых и создания новых толковых словарей современного русского языка.

Лексикография обладает «эффектом представительства» в языкознании. Она «ословаривает» лингвистические описания, представляя в форме словарей результаты достижений определенной области лингвистики. «Состояние русской лексикографии характеризуется видами словарей, над которыми ведется в настоящее время работа, и продвинутой теоретической лексикографической мысли» [Караулов 1988:5]. Поэтому не данью моде, а естественным продолжением теоретических исследований следует считать и создание словаря функциональных омонимов.

Большой объем фактического материала, отсутствие общепринятой точки зрения на природу функциональных омонимов отодвигают создание научного толкового словаря на неопределенно длительное время. С другой стороны, практические нужды преподавания русского языка делают вопрос о создании толкового словаря функциональных омонимов чрезвычайно актуальным. Отставание лексикографии от нужд учебной работы особенно заметно и нетерпимо в преподавании русского языка в нерусской аудитории. Поэтому оправданными, на наш взгляд, можно считать любые попытки систематизировать материал с точки зрения наиболее убедительной на данном этапе развития лингвистики теории, представить его компактно в виде специального словаря функциональных омонимов. Созданный нами словарь рассчитан прежде всего на удовлетворение учебных целей, но он может служить (после обсуждения и внесения в него дополнений и уточнений) основой научного словаря функциональных омонимов.

Удовлетворению учебных целей способствует также и сопутствующий материал: перечень основных теоретических вопросов по проблемам переходности и функциональной омонимии, необходимая библиография, система упражнений, которые могут быть использованы в работе с функциональными омонимами. Комплексная подача материала соответствует рекомендациям методики преподавания языка и особенно важна для данного раздела, так как хотя бы в небольшой степени компенсирует отсутствие компактно представленного теоретического и практического материала в научных грамматиках и сборниках упражнений.

Дискуссионный характер объекта исследования, отсутствие специальных словарей, создающих прецедент и дающих возможность опереться на наработки в технике представления функциональных омонимов, делают необходимым обоснование предлагаемого нами словаря, его структуры, способов подачи функциональных омонимов.

О.С. Ахманова совершенно справедливо отмечает, что словарь у нас давно перестал быть просто справочником. «Все расширяющиеся и углубляющиеся изыскания в области теории и практики лексикографии дают вполне ощутимый результат: каждый новый вид словаря теперь источник детально разработанной, практически исчерпывающей информации о данной конкретной лексической области. Именно одним из таких пособий и должен явиться словарь омонимов» [Ахманова 1974:3].

В задачи предлагаемого нами словаря входят:

- описание основного массива лексики, составляющий иммиграционный трансформационный потенциал каждой части речи;
- толкование значений исходных форм и их трансформантов и попытка выявить, какие значения стали основой для образования функциональных омонимов;
- показ (по возможности) связи лексической и грамматической семантики слова и его трансформационных возможностей;
- выделение двучленных и многочленных рядов функциональных омонимов;
- создание словников функциональных омонимов, входящих в состав иммиграционного потенциала каждой части речи.

Поставленные задачи требовали поиска нового типа словаря – им стал толково-грамматический словарь, содержащий толкование исходного слова и трансформанта, а также определенные грамматические сведения.

При создании словаря мы встретились с рядом трудностей:

- в толковых словарях отсутствует описание значений причастий, наречий, многих производных предлогов и т. д.; поэтому возникла необходимость первичного составления соответствующих статей;
- в ряде словарных статей неполно представлены лексические значения данных слов: не отработана методика подачи функциональных омонимов в словарях; не всегда возможно определить, какое значение исходного слова стало основой для появления функциональных омонимов. К тому же дискуссионность проблемы функциональных омонимов, их недостаточная изученность не всегда позволяли решать спорные вопросы однозначно. Например, в словаре принята точка зрения, согласно которой безлично-предикативные слова рассматриваются как трансформанты, исходной формой которых являются наречия, хотя известна и другая точка зрения, согласно которой исходная форма представлена кратким прилагательным в форме ср. рода ед. числа. Ряд омонимичных отношений между исходным словом и потенциально возможным трансформантом «принципиально не поддается хотя бы более или менее исчерпывающей инвентаризации, так как по существу любое прилагательное в той или иной форме рода и числа может субстантивироваться. Для того, чтобы полученное таким образом существительное вошло в язык, развило бы свои значения и закрепилось бы в нем как полноценное слово, требуются особые экстралингвистические факторы. Так, например, существительное *больной* уже полностью можно считать оформившимся, тогда как прилагательное *здоровый*, субстантивируясь в таком, например, сочетании, как «больные и здоровые», далеко еще не достигло этой степени лексикализации» [Ахманова 1974:12]. Другими словами, отбор лексики в некоторых случаях производился с опорой на интуицию и с использованием метода опроса информантов. Работа по созданию строго научных критериев, безусловно, должна быть продолжена.

К трудностям, связанным с созданием словаря омонимов нового типа, следует отнести и такую лексикографическую проблему, как поиск формы словарной статьи, которая позволила

бы с помощью небольшого количества условных обозначений представить генетическое родство функциональных омонимов и их лексико-грамматические различия.

При описании значений использовались соответствующие статьи из МАСа, БАСа, словаря С.И. Ожегова, а также словаря И.К. Сазоновой «Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь»[Сазонова 1989]. В ряде случаев нами были внесены в словарные статьи значительные коррективы.

Толково-грамматический словарь функциональных омонимов отражает норму современного русского языка, но в некоторых примерах в качестве омонимов встречаются стилистически маркированные слова. Использовалась собранная авторами картотека, в основе которой – предложения, выписанные из произведений художественной литературы современных авторов (в качестве экономии места подвергнутые реконструкции до минимального контекста и поэтому данные без указания автора), записи устной публичной речи, речи информантов. В спорных случаях мы прибегали к цитированию авторов художественных произведений разных веков (в таких случаях использовался иллюстративный материал МАСа и БАСа).

Большую помощь преподавателям русского языка и студентам могут оказать дополнительные материалы, прилагаемые к толково-грамматическому словарю омонимов, и прежде всего – библиография, включающая основные работы, вышедшие в последние 50 лет и отражающие трансформационную проблематику. Немаловажную роль, по нашему мнению, играет указатель, содержащий словник иммиграционного потенциала каждой части речи. Предлагаемый словарь является учебным, поэтому в приложении представлена система упражнений, которые можно использовать для тренировки и контроля.

Таким образом, представленный нами словарь структурно состоит из двух частей: первая включает иммиграционный потенциал частей речи двучленных и многочленных рядов, вторая – дополнительные материалы. Такое построение работы позволяет охватить основную лексику, связанную с проблемами переходности в области частей речи, и закрепить полученные знания. Важным является то, что переходные явления рассматриваются с позиций синхронии. Это позволяет сравнивать семантику и грамматические особенности исходного слова и трансформанта. Сопоставление семантической структуры исходного слова и трансформанта даст возможность выявить факторы, способствующие переходу слова из одной части речи в другую и препятствующие ей.

Предлагаемая стратегия лексикографического описания функциональных омонимов соответствует идее создания учебного словаря, который, по нашему мнению, может в будущем стать основой научного словаря, в котором крайне нуждается современная лингвистика, как русская, так и украинская.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М., 1974. – 448 с.
2. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). – М., 1952. – 272 с.
3. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 5–18.
4. Колыханова Е.Б. О толковании функциональных омонимов в словарях русского языка // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – М., 1988. – С.110–116.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1935. – 452 с.
6. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы: толково-грамматический словарь. – М., 1989. – 590 с.
7. Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. – Симферополь, 1993. – 95 с.
8. Словарь русского языка. В 4-х томах. – М., 1981–1984 (МАС).
9. Словарь современного русского языка. В 17-ти томах. – М.-Л., 1950 – 1965 (БАС).

УДК 81'374

ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В.В. МАЯКОВСКОГО (на материале поэм 1914 – 1928 г.г.)

Н.Н. Ничик (Украина, АРК, Симферополь)

Лексикографическое описание и основанный на нем контекстно-лексикографический метод исследования семантики поэтического слова позволяет раскрыть ряд существенных и разноплановых моментов функционирования слова в художественной речи. Словарное исследование дает возможность не только описать семантико-стилистический потенциал авторского поэтического слова, но и представить речевое художественное целое в динамическом единстве его компонентов.

Ключевые слова: лексикографическое описание, семантико-стилистический и контекстно-лексикографические методы описания, поэтическое слово, словарная статья, система значений, оттенок, употребление, иллюстрации, пометы.

Лексикографічний опис і заснований на ньому контекстно-лексикографічний метод дослідження семантики поетичного слова дозволяє розкрити ряд істотних і різнопланових моментів функціонування слова в художній мові. Словникове дослідження дає можливість не тільки описати семантико-стилістичний потенціал авторського поетичного слова, але і представити мовне художнє ціле в динамічній єдності його компонентів.

Ключові слова: лексикографічний опис, семантико-стилістичний і контекстно-лексикографічний методи опису, поетичне слово, словникова стаття, система значень, відтінок, ілюстрації, позначки.

The lexicographic description and contextual - lexicographic method, based on it , for research the semantics of a poetic word allows to open a number essential and multi-pronged moments of functioning of a word in art speech. The dictionary research enables not only to describe semantics and stylistic potential of an author's poetic word, but also to present a speech art ensemble in dynamic unity of its components.

Key words: the lexicographic description, semantics-stylistic and contextual - lexicographic methods of the description, poetic word, entry, system of meanings, a shade, illustration, mark.

Разносторонние и глубокие исследования творческого наследия выдающегося поэта XX в. В.В. Маяковского делают вполне реальным лексикографическое описание его поэтической речи. Лексикография 2-ой половины XX в. теоретически обосновала и практически разработала новый тип словаря – словарь языка писателя / поэта, словарь языка отдельного художественного произведения в трудах Л.В. Щербы [1], Г.О. Винокура [2], В.В. Виноградова [3], Б.А. Ларина [4], Л.С. Ковтун [5], М.А. Карпенко [6], М.Б. Борисовой [7], В.П. Григорьева [8], Д.М. Поцепни [9] и др. При определении параметров лексикографического описания поэтической речи В.В.Маяковского [10] принята за основу концепция Ленинградской лексикографической школы (Б.А. Ларин, Л.С.Ковтун, М.А.Карпенко, М.Б.Борисова, Д.М.Поцепня др.), которая определяет в качестве основной задачи "систематизацию всего - лексического богатства как внутренне целостного - , эпохального (четко ограниченного во времени и характеризующего свою эпоху) и вполне объективного, исключаящего произвол отбора, оценочный и предвзятый подход" [11: 9].

I. Тип Словаря поэм В.В. Маяковского (СПМ) является **полным** по следующим признакам: 1) по словнику, 2) разработке смысловой структуры слова, 3) по цитации, 4) грамматической, стилистической и образной характеристике. Только полный словарь может дать представление о поэмах В.В. Маяковского как внутренне целостных, художественно совершенных произведениях.

II. Состав словника. Постоянный интерес к лексическому разнообразию, к актуальному, богатому смысловыми связями слову был свойствен поэтике Маяковского на всех этапах его

творчества. Анализируя свой поэтический метод и особо останавливаясь на процессе накопления лексического запаса, поэт характеризует лексику, которую использует сам: "Какие же данные необходимы для начала поэтической работы? - - Материал. Слова. Постоянное пополнение хранилищ, сараев вашего черепа нужными, выразительными, редкими, изображенными, обновленными, произведенными и всякими другими словами" [12:87]. Именно поэтому лексика поэм представлена в словнике всеми стилистическими и семантическими разрядами слов.

1. Сочетание лексики высокой и сниженной – характерная примета стиля В.В. Маяковского, вследствие чего особый смысл приобретает необходимость стилистически квалифицировать лексический материал, вошедший в поэмы. Поэтический язык В.В. Маяковского характеризуется повышенной эмоциональностью; неслучайно Л.Тимофеев определял эмоциональность и экспрессивность как основные качества поэтики Маяковского: "Маяковский стремится изобразить человека - - на пределе страдания, возмущения, протеста, готовности к самой отчаянной борьбе со всем окружающим его строем" [13:137]. «Маяковский, рисуя новые переживания человека, должен был найти прежде всего те слова, при помощи которых он мог бы выразить и трагичность этих переживаний, и исключительное негодование, которое рождали картины реальной действительности, и противопоставленные жизни мечты о прекрасном человеке, и призыв к борьбе за создание этого человека» [14:18].

Для стилистической характеристики используются следующие пометы: "разг." (разговорное), "прост." (просторечное) – при описании слов и форм стилистически сниженных; "высок." (высокое), "поэт." (поэтическое), "устар." (устарелое), «цел." (церковнославянское) – при описании лексики и словоформ стилистически повышенных.

Стилистические пометы характеризуют:

а) лексему –

ХАРЯ, ж., *прост.* Лицо. — в контексте олицетвор. /О – мир/, в буквализованном фразеологизме *Смыть с лица земли*. Пустыни смыты у мира с хари, // деревья за стволом расфее-рили ствол. // На площади зелени – / на бывшей Сахаре – // сегодняшнее торжество. 150 млн., 2, 182;

б) лексическое значение в смысловой структуре слова –

ШКУРА, ж. 1. Кожный покров с шерстью (у животных) — в образном контексте (*Д – медведь*), в буквализованном фразеологизме *Д Драть шкуру*, в параллелизме. Ведь это для вас ... / для вас же ... // Ну, скажем, "Мистерия" – / ведь не для себя ж... // Поэт там и прочее... - - // Но можно стихи ... / Ведь сдирают шкуру?! // Подкладку из рифм поставишь –/ и шуба!.. Пэ, 4, 163.

2. *Прост., груб.* Кожа человека. — в гротеске, в буквализованном фразеологизме *Д Драть шкуру*. Сегодня // не немец, // не русский, // не турок, – // это я // сам, // с живого сдирая шкуру, // жру мира мясо. // Тушами на штыках материка. // Города – груды глиняные. Вим, 1, 232.

в) отдельные словоформы –

ВЫЙТИ, *сов.* 1. Двигаться из какого-л. помещения наружу. **Выйдь**, *повелит. накл., прост.* *Образно.* Выйдь / не из звездного нежного ложа, // боже железный, / огненный боже, // боже не Марсов, / Нептунов и Вег, // боже из мяса – / бог-человек! 150 млн., 2, 123.

КРЫЛО, *ср.* Орган для полетов по воздуху (у насекомых и птиц). - - **Крылами.** *Твор. п., множ., устар.* – в образном контексте (*Д – заря*). Кто там // крылами // к земле блестит? // Заря? // Стой! // По дороге как раз нам. Ч. 1, 264.

2. Эмоциональная окрашенность слова, лексического значения или словоформы передается следующими пометами: "шутл." (шутливое), "бран." (бранное), "груб." (грубое), "фам." (фамильярное), "уменьшит.-ласкат." (уменьшительно-ласкательное), "ритор." (риторическое); экспрессивность обозначается пометой "усилит." (усилительно):

ВДОЛБИТЬ, *сов., что во что*. 1. Долбля, вколотить, втиснуть. - - 2. *Перен., разг., усилит.* Многократно повторяя, внушить. – в буквализованном фразеологизме **▲ Вдолбить в череп**. Крикну я / вот с этой, / с нынешней страницы: // – Не листай страницы! // Воскреси! // Сердце мне вложи! / Кровищу – / до последних жил. // В череп мысль вдолби! Пэ, 4, 182 (*С оживл. исх. знач.*).

Если сочетание эмоциональной и экспрессивной окрашенности свойственно всему контексту, помета ставится после иллюстрации:

ВЕНЕЦ, *м., устар. высок.* То же, что венок. **▲ Терновый венец**. Знак добровольных страданий. — в контексте олицетвор. (*О – шестнадцатый год*) Где глаз людей обрывается ку-

ций, // главой голодных орд, // в терновом венце революций грядет шестнадцатый год. О, 1, 185 (Ритор.).

3. Предметом словарного описания являются **слова различного типа семантической значимости** – слова собственные и нарицательные, самостоятельные и служебные, по словообразовательной модели – узуальные и окказиональные.

3.1. Поэзия В.В. Маяковского с четко выраженными категориями пространства, времени, субъекта и объекта, насыщенная литературными реминисценциями, аллюзиями к фактам, событиям и лицам, обладает богатым **ономастическим фондом**. Описание ономастики со стороны лингвистической имеет целью передать содержание имени как в прямой номинации.

ЛИЛЯ – Лиля Юрьевна Брик, возлюбленная поэта, которой были посвящены многие лирические произведения; жена Осипа Максимовича Брика (см. Ося) Двенадцать // квадратных аршин жилья. // Четверо // в помещении – // Лиля, // Ося, // я // и собака Щеник. X, 8, 289,

так и в семантически осложненной – при формировании образных употреблений – в *сравн.*, – в *гиперболе*, – в *образном контексте* (с указанием доминанты образа):

ЛИЛИНО, притяж. прил. Принадлежащий Лиле (см.) → – в *образном контексте* (Д – каторга) А там, // где тундрой мир вылинял, // где с северным ветром ведет река торги, – // на цепь нацарапаю имя Лилино // и цепь исцелую во мраке каторги. Фл.-п., 1, 204.

Имена собственные, вследствие их семантического своеобразия, вынесены в отдельный выпуск, где они получают необходимое истолкование (Америка, Англия, Артур Крупн, Гете, Овидий, Оля, Маяковский Владимир, а также Бруклинский мост, Булонский лес, Летний сад, Лубянский проезд и т.д.). Составные имена собственные описываются в Словаре имен собственных (Ономастиконе поэм), а в общем словаре при соответствующих относительных прилагательных и именах существительных получают отсылочное толкование:

Ономастикон: ЛЕТНИЙ САД. Старинный живописный парк Петербурга (Петрограда, Ленинграда) на берегу Невы, излюбленное место прогулок и отдыха жителей города. – в *контексте буквализации фразеологизма* *vv занавес опустился, комедия окончена*. Под аплодисменты попов // мой занавес не опустится на Голгофе. // Так вот и буду // в Летнем саду // пить мой утренний кофе. Ч, 1, 246 (*Ирон.*).

Общий словарь: САД, м. - -> Летний сад. См. Ономастикон.

ЛЕТНИЙ, ая, ое. → *Прил.* к лето. — с *инверсией*, в *рифме*. «Паскался днями летними? // Так будешь – // весь! – // колюч, как еж. // Язык оплутите сплетнями!» (Латы) 4, 1, 246 (*Ирон.*).

Ономастические относительные имена прилагательные получают семантическое описание в общем словаре в том случае, если, кроме ономастического содержания, имеют и другие значения.

3.2. Особого внимания в языке В.В. Маяковского заслуживают **окказиональные образования** (отмечаем звездочкой после толкуемого слова*). Лексические новообразования В.В. Маяковского имеют целью, по мнению В. Гофмана, "максимальную акцентировку слова и выдвигание его "весомо, грубо, зримо" [15:334]. Выходя за рамки семантических отношений, складывающихся в новом словообразовательном типе, В.В. Маяковский осложняет свои новообразования за счет ассоциативных связей с семантикой исходного словообразовательного типа. Так, поэт использует модель: "основа слова – название животного + -ий (суффикс притяжательного прилагательного со значением "свойственный животному"), но в качестве производящей основы использует слово автомобиль: автомобиль + -ий → *автомобилий.

АВТОМОБИЛИЙ*. *Прил.* → автомобиль (см.) — с *олицетворением*, в *контексте параллелизма*, с *ассонансом* (ы...и), в *рифме* (*изобильи*) Слышите? // Слышите лошажье ржанье? // Слышите вопли автомобильи? Ч, 1, 254 (Ср.: волчий, медвежий, собачий; у Маяковского: лошажий/).

Ассоциация со значением производящей основы, принадлежащей типу, служит толчком к возникновению представления о живом существе. Контекст завершает рождение нового образа. В конце словарной статьи приводим для мотивировки словообразовательный тип, послуживший основой окказионализму.

III. Описание смысловой структуры слова. Лексикографическое описание слова в индивидуально-авторской системе имеет целью выявить все значения, оттенки и употребления, составляющие смысловую структуру слова. В поэтической речи В.В. Маяковского обнаруживаем несоответствие смысловой структуры слова с общеязыковой. Так, в языке поэм глаголу биться свойственны только два значения: «сражаться, драться» и «совершать ритмические удары, пульсировать». Сохранившиеся значения целесообразны в языке поэм: одна из ведущих тем

поэта – борьба, противостояние миров ("Сегодня // бьются государством в государство // 16 отборных гладиаторов" Вим, 1, 220), другая – тема душевного напряжения, больших и сильных страстей, потрясений ("Бьется грудь неровно... // Шутка ли! // К богу на дом! // У рая, в облака бронированного, / дверь расшибаю прикладом". Там же, 1, 227). Семантическая избирательность – характерная особенность авторской речи.

1.1. Содержание слова получает отражение в **словарной статье**, элементами которой являются: заголовочное слово, система значений, оттенков, употреблений, иллюстрации, фразеология, пометы, комментирующая часть.

Основные принципы построения словарной статьи таковы же, как и для общеязыковых словарей: 1) исходным значением является то, которое отчетливо проявляет свой самостоятельный, производный характер; 2) производные значения размещаются по степени семантического удаления от исходного; 3) семантические ответвления значений – оттенки и употребления – располагаются с учетом большей семантической самостоятельности оттенка; 4) распределение оттенков определяется семантической близостью к основному значению; 5) фразеологические обороты, являясь крайней степенью связанности лексического значения, завершают его описание. Напр.:

ГОРЕТЬ, *несов. I*. Подвергаться действию пламени, пылать. **X** Сердце горящее. О состоянии сильного, всепоглощающего чувства. — в образном контексте (Д – пожар сердца). Нагнали каких-то. // Блестящие! // в касках! // Нельзя сапожища! // Скажите пожарным: // на сердце горящее лезут в ласках. О, 1, 180 (*Иносказ., ассоциация с ФЕ Δ душа /сердце/ горит*). II Разрушатся от действия пламени, погибать. – *сравн., в образном контексте (Д – пожар сердца)*. Мама! // Ваш сын прекрасно болен! // - У него пожар сердца. // - Каждое слово, // даже шутка, // которые изрыгает обгорающим ртом он, – // выбрасывается, как голая проститутка // из горящего публичного дома (Там же). – *сравн., в образном контексте (Д – церковка сердца)* Мама! // Петь не могу. // У церковки сердца занимается клирос! // Обгорелые фигурки слов и чисел // из черепа, // как дети из горящего здания. (Там же). – в контексте *олицетвор.* (Д – «Лузитания»), в *параллелизме*. Так страх // схватиться за небо // высил горящие руки «Лузитании» (Там же).

2. Раскалиться от пламени, огня. Этого стихами сказать нельзя. // Выхолненным ли языком поэта // горящие жаровни лизать. Вим, 1, 230. (*Иносказ.*).

3. Светиться ярко, блестеть, излучать сияние. — в образном контексте (Д – *Рождество*) В небе моего Вифлеема // никаких не горело знаков, // никто не мешал // могилами // спать кудроголовым волхвам. Ч, 1, 246 (*Иносказ., шутл.*). I Перен. Искриться, отражая свет. Ни люда, ни заставы нет. // Горят снега, / и голо. // И только из-за ставенек // в огне иголки елок. Пэ, 4, 159. II Перен. Выделяться на более темном фоне. А там // расстреливайте, // вяжите к столбу! // Я ль изменюсь в лице! // Хотите – // туза // нацеплю на лбу, // чтоб ярче горела цель. Вим, 1, 212.

4. Перен. Испытывать сильное чувство любви. Крик последний, – // ты хоть о том, что горю, // в столетия выстони! О, 1, 181 (*С оживлением исходного значения*).

Слово гореть является эстетически значимым словом в художественной системе В.В. Маяковского – неслучайно каждое применение этого слова связано с реализацией емких метафорических образов, имеющих также и композиционное значение, – **X** пожар сердца, Рождество (как носитель евангельского аллюзивного смысла).

1.2. Объектом лексикографической интерпретации становятся прежде всего семантические единицы: лексические значения (прямые и переносные), оттенки, употребления. Не только слова в переносном значении, так наз. «экспрессемы/экспрессоиды» [16:61-62], – внимания заслуживают и те слова, которые являются "обычнозначимыми" [11:11]. По мнению составителей Словаря автобиографической трилогии Горького, «здесь всегда есть опасность оставить без внимания смысловые детали, которые менее заметны, менее примечательны, но в своей совокупности определяют самое существенное в стиле языка писателя» (Там же). Напр.:

ВОДА, ж. 1. Природная прозрачная и бесцветная жидкость, заполняющая различные водоемы. В Ростове // рабочий // в праздничный отдых // захотел // воды для самовара выжать, – // и отшатнулся: // во всех водопроводах // сочилась та же рыжая жижа. Вим, 1, 225. — в *метаморфозе, с аллюзией* - чтоб в лето // зимы, // воду в вино превращать чтоб мог –// у меня // под шерстью жилета // бьется // необычайнейший комок. Ч, 1, 248. — с *олицетвор.* А поверху, / воду с огнем мира, // загнившие утопшими, катились моря. // "Дорогу каспийской волне баловнице! // Обрато в России / русло не поляжем!" 150 млн., 2, 119. — в *образном контексте (Д – река слез)*, с *олицетвор.* Вода лизнула холодом ногу. // Откуда вода? / Почему

много? // Сам наплакал. // - Неправда – столько нельзя наплакать. // Чертова ванна! / Вода за диваном. // Под столом, / за шкафом вода. // С дивана, / сдвинут воды задевaniem, // в окно проплыл чемодан. Пэ, 4, 148.

Применительно к индивидуально-авторской системе В.В. Маяковского несуществен химический состав воды (из кислорода и водорода), в обычном восприятии слова этот семантический признак – фоновое знание о предмете, важнее его прагматическое содержание (вода в кране, вода для питья, чая), его ассоциативные связи (с фразеологизмом Δ реки слез, с библейским потопом, с евангельским событием — чудом в Кане Галилейской), его образная разработка в поэтических текстах. Особую значимость имеют системные связи «обычнозначимого» слова. Лексема вода строит речевой образ реки слез, который перекликается со сквозным у Маяковского речевым образом половодья, разлива ("в разливе риз // сейчас придут, // придут за мной // и узел рассекут земной // секирами зари" Ч, 1, 245), водоворота ("пенится, // звенит водоворот // франков, // долларов, // рублей"- -там же, 252), потопа ("Большая, / неси по векам-Араатам // сквозь небо потопа / ковчегом-ковшом!" Пэ, 4, 177, центральный речевой образ "Мистерии-буфф"). Тем самым слово вода оказывается "встроенным" в систему важнейших для поэтики В.В. Маяковского словесных образов как ее речевой материал. Признаки ЛЗ в индивидуально-авторском применении определены не только общим опытом носителей языка, но и тем конкретным предметным материалом, в котором проявляется авторская "картина мира". Однако, выявляя набор сем для реализующегося в данном контексте ЛЗ, следует помнить, что нельзя "искажать существующее в языке значение", "подгонять под анализируемый текст или произвольно включать признаки, которые входят в логическое содержание соседних слов" [11:18].

Объектом лексикографического описания являются также прямые значения. Творческая установка В.В. Маяковского – «мы должны острить слова», «должны требовать речь, экономно и точно представляющую каждое движение» [17:326] – объясняет его активное отношение к слову в целом и к прямому значению в частности. Прямое значение в индивидуально-авторской системе претерпевает семное варьирование, которое делает ЛЗ отличным от общезыкового; это такие явления, как семное уточнение, восполнение и частичное переименование [18:71-74]. Так, при уточнении прямого значения утрачиваются те семантические признаки, элементы значения, которые оказываются несущественными в условиях данного контекста. Слово надежда в общезыковом применении, по свидетельству лексикографа Д.Н. Ушакова, современника поэта, имеет значение «желание, ожидание чего-н. радостного, соединенное с уверенностью в возможности осуществления». У В.В. Маяковского это ЛЗ встречается в поэме "Про это" в эпизоде, изображающем волнение лирического героя, ожидающего у телефона решительного разговора с любимой: "Раз! / Трубку наводят. / Надежду брось. Два!" Пэ, 4, 145. Слово надежда означает "сильное, страстное желание": для безответно любящего героя психологически вероятнее именно ожидание, чем "уверенность в возможности осуществления". Ведь героев связывает только "кабель / тонюсенький – / ну, просто нитка! // И все / вот на этой вот держится ниточке" (Там же). Маяковский использует те элементы значения, которые наиболее точно соответствуют ситуации.

Фрагментарность индивидуально-авторского словаря, избирательность на лексемном и семемном уровне, приводит к необходимости восстанавливать то не использованное автором значение, которое отражено присутствует в образно-метафорическом использовании его. Так, у слова вбить в поэмах встречаем только переносное значение и образное применение, но в сознании автора оно существует и в прямом значении (об этом свидетельствует образное использование слова), поэтому в словарной статье приведено и восстановленное прямое значение:

ВБИТЬ, сов. 1. Вгонять ударами во что-л. твердое. | *Образно*. В матрац, / поздоровавшись, / влезли клопы. // На вещи надела столетняя пыль. // А тот стоит – / в перила вбит. // Он [человек из-за семи лет] ждет, / он верит: / скоро! Пэ, 4, 164.

2. *Перен. Разг.* Внушать что-л. воспитанием. - - не приемлю, / ненавижу это // все. // Все, / что в нас / ушедшим рабьим вбито - - Пэ, 4, 179.

1.3. Лексическое значение может иметь контекстуально обусловленное семантическое ответвление – **оттенок**. Он представляет собой обособление отдельных семантических признаков лексического значения - обычно тех, которые отражают понятие или основные, существенные свойства предмета, но в более узком семантическом объеме. Случаи семантического расширения оттенка специально отмечаются пометой "*распростр.*" (распространительно).

ВЕК, м. Столетие как единый промежуток времени. — с *олицетворением*. Ваш / тридцатый век / обгонит стаи // сердце раздиравших мелочей. Пэ, 4, 183. - - I. *Мн. ч. Распростр.* Буду-

ще. – в образном контексте (Д - корона). Любовь мою, // как апостол во время оно, // по тысяче тысяч разнесу дорог. // Тебе в веках уготована корона, // а в короне слова мои – // радугой судорог. (Иносказ.) Фл-п, 1, 206. — в заглавии Маяковский векам. Ч, 1, 267.

Такой оттенок возникает только в индивидуально-авторской речи, поэтому отмечен особым знаком I. Те оттенки, которые являются вариацией соответствующих общезыковых, отмечаются принятым знаком II. Ср.:

ВБИВАТЬСЯ, *несов., ср.-возвр.* Входить во что-л. твердое под ударами. I. *Перен., усилит.* Долго объясняя, добиваться понимания. — с аллитерацией (в...б...вб), в контексте разложения фразеологизма Δ *биться лбом* В матрац, / поздоровавшись, / влезли клопы / На вещи насада столетняя пыль. // - - - Я снова лбом, / я снова в быт // вбиваюсь слов напором. Пэ, 4, 165.

ВДОЛБИТЬ, *сов., что во что.* Долбля, втиснуть. II *Перен.* Внушением, повторением заставить запомнить. – в буквализованном фразеологизме Δ *вбить в голову* Крикну я / вот с этой, / с нынешней страницы: // – Не листай страницы! / Воскреси! // В сердце мысль вложи! / Кровищу – / до последних жил. // В череп мысль вдолби! Пэ, 4, 182 (С *оживл. исх. знач.*).

В основе оттенка – семантический сдвиг, который возникает у поэта благодаря новым предметно-понятийным ассоциациям. Оттенок может быть выявлен в условиях широкого контекста и сформулирован как семантическая данность. Однако в художественной речи семантический сдвиг может не оформиться в оттенок, а остаться в ряду летучих, зыбких ассоциаций, не поддающихся словесным определениям; избегая огрубления словом, мы можем только указать на эти образы пометой. Семантический сдвиг наблюдается в условиях творческого контекста для значения или оттенка, когда эти семантические единицы употреблены автором – а) без радикальной перестройки элементов смысла и при сохранении конструктивных свойств исходного значения: I *Образно*, I *Иносказ.*, I *Символич.* или б) по отношению к неожиданному кругу предметов и явлений с возникновением эмоционально-экспрессивных созначений, в частности – включений сем «живое» / «неживое» [20:93-100], при изменении лексико-семантических и конструктивных свойств: I *Овеществл.*, I *Перен. олицетвор.*, I *Олицетвор.*, I *Перен. анимализ.*, I *Анимализ.*:

ВЗДЫМАТЬСЯ, *несов.* Подыматься кверху. I *Образно.* — в контексте сравнения. Все, / у кого / мучений клейма нажжены, // тогда приходите к сегодняшнему палачу. // И вы / узнаете, / что люди / бывают нежны, // как любовь, / к звезде вздыхающаяся по лучу. 150 млн., 2, 125.

ДЕНЬ, *м.* Отрезок времени в 24 часа; сутки. I *Овеществл.* — с аллитерацией (др...б...зг...дн...рзб...д) Сколько их, // веков, // успело уйти, // в дребезги дней разбилось о даль... // Думаю, // глядя на млечные пути, – // не моя седая развеялась борода ль? Ч, 1, 262. - - I *Олицетвор.* Скоро! / Скоро! // В пространство! / Пристальной! // Солнце блестит горы. // Дни улыбаются с пристани. Пэ, 4, 177.

ГЛЯДЕТЬ, *несов.* Направлять взгляд на что-л. - - I *Перен. олицетвор.* (О – небесная звезда) Небо по-прежнему лирикой звездится. // глядит / в удивленье небесная звезда – // затрубадурила Большая Медведица. // Зачем? / В королевы поэтов пролезть? Пэ, 4, 177 (*Ирон.*).

1.4. **Употребление** представляет собой «специфическое применение слова, не связанное с изменением смысла» [11:21]. Это могут быть применения, обусловленные а) содержанием произведения, типом художественной речи: — в заглавии, — в названии, — в обращении, — в несобственно-прямой речи и др., б) грамматическими ограничениями, в) включением в образный контекст, когда слово становится строевым элементом речевого образа, но не является доминантой его: — в контексте сравнения, — в образном контексте (Д – с указанием доминанты образа), — в контексте олицетвор./овеществления (О – с указанием доминанты образа), — в контексте анимализации (А – с указанием доминанты образа), г) звуковой организацией текста: — в рифме, — с ассонансом (приводится ряд ассонирующих гласных), — в аллитерации (приводится ряд аллитерирующих согласных).

2. **Толкование** лексических значений, оттенков и употреблений – важнейшая часть лексикографической работы. В словаре поэм используются все типы толкования слов – а) описательный: выявляется набор сем, определяемый из контекста – ВБИВАТЬСЯ, *несов.* Входить во что-л. твердое под ударами - -; б) синонимический: используются общезыковые и контекстуальные синонимы, отражающие появление тех сем, которые обусловлены влиянием творческого контекста – ГОЛОВА, *ж.* - - 3. *Метон.* Разум, сознание - -; ВЫРАСТИ, *сов.* Стать больше по величине, размеру; увеличиться - -; в) энциклопедический: в наборе сем преобладают признаки понятия, однако термины и различная специальная лексика получают обиходное истолкование – ДОЖДЬ, *м.* Атмосферные осадки в виде мелких капель воды - -, ДНО, *ср.* Почва, земная по-

рода под слоем воды - -; г) отсылочный: описание ЛЗ или оттенка выполняется путем соотнесения со структурно или семантически исходным; этот прием обычно используется при описании производных слов, если они семантически не разошлись с содержанием производящей основы; д) комментирующий: часто применяется при описании словообразовательных окказионализмов – приводится указание на словообразовательный тип, внутри которого произошло формирование авторской словесной находки (см. АВТОМОБИЛИЙ, разд. II, п. 3).

IV. Грамматическая характеристика слова. Слово получает грамматическую характеристику в словаре независимо от того, какую семантическую единицу оно представляет – семему, оттенок, семантический сдвиг. Как обязательная характеристика, она включается прежде всего в заголовочную зону.

1. Изменяемые слова характеризуются указанием на их основные грамматические категории, неизменяемые слова – указанием на их лексико-грамматический разряд: ДУХ, *м.*; ВЛАГА, *ж.*; ДНО, *ср.*; ВЗДЫМАТЬСЯ, *несов.*; АККУРАТНЫЙ, *ая, ое*; АККУРАТНЕНЬКО, *нареч.*; А, *союз*; В /ВО/, *предл.*

2. Если слово переходит из одной части речи в другую, то переход этот обозначается в словарной статье в конце описания значения или оттенка:

БОЛЬНОЙ, *ая, ое*. 1. Пораженный болезнью. - - □ *в знач. сущ.* Но в эту / холодную, / страшную очередь // с детьми и больными / встали все. ВИЛ, 6, 301.

КРАСИВО, *нареч.* - - II Эффектно, выразительно. □ *в знач. сущ.* О красивых и пустых фразах, словах. Не затем // взвела [война] // по насыпям тел она, // чтоб, горестный, // сочил заплаканную гнусь; // страшной тяжестью всего, что сделано, // без всяких // "красиво" // прижатый, гнусь. Вим, 1, 229.

Такой переход может отмечаться арабской цифрой, если он связан с возникновением нового значения:

ТИХИЙ, *ая, ое*. 1. Негромкий, едва слышный. // Не производящий шума. — *в контексте олицетвор.* (О – слухи), со звуковым повтором. *Откуда-то на землю // нахлынули слухи. // Тихие. // Заходили на цыпочках. Вим, 1, 218. - - 2. □ *в знач. сущ.* Кто спокоен, мирен. — *в образении.* Тихие!// недолго пожили: - - Вим, 1, 216.

3. Авторская индивидуальность проявляется в характере использования грамматических свойств слов, поэтому при лексикографическом описании необходимо отмечать не только присущие слову грамматические категории, но и отклонения в составе форм, синтаксических связей и синтаксических функций.

V. Фразеологические единицы в структуре словарной статьи. Фразеология, одно из активнейших средств образности, выступает в художественном тексте в нетрансформированном и трансформированном виде [21].

1. Приемы использования фразеологических единиц в поэмах В.В. Маяковского разнообразны:

а) ФЕ получает семантический сдвиг, создавая олицетворение или анимализацию – СЕСТЬ, *сов.* - - Δ *Сесть на мель*. Потерпеть неудачу. | *Перен. олицетвор.* (О – киты). Не боюсь сесть на мель, // шагали киты сушей. 150 млн., 2, 153;

б) ФЕ становится центром речевого образа – РОССЫПЬ, *ж.* - - > *Золотая россыпь*. | *Образно.* Я знаю – // солнце померкло б, увидев // наших душ золотые россыпи! О, 1, 184;

в) ФЕ служит моделью образования нового фразеологизма (в комментарии приводится "прототип" фразеологического окказионализма): ГЛАЗОК, *м.* I. *Уменьш.-пренебр.* —> глаз I. - - ▲ *Высунуть глазки*. Появиться, показаться, высматривая. В улицах // люди жир продырявят в четырехэтажных зобах, // высунут глазки, // потертые в сорокгодовой таске - - О, 1, 191 (ср. Δ высунуть нос; *саркастич.*);

г) ФЕ отдает свою образность контексту, разрушаясь вследствие структурных перестроек, восстанавливая свое исходное значение (при знаке употребления используются пометы с *разложением фразеологизма, в буквализованном фразеологизме*): ВЫМЫТЬ, *сов.* 1. Удалять с чего-н. грязь, нечистоту, тщательно моя. - - — *в буквализованном фразеологизме* Δ *умыть руки*. *Делай, что хочешь.* // *Хочешь, четвертуй.* // Я сам тебе, праведный, руки вымою. Фл-п, 1, 202; НОЧЬ, *ж.* Часть суток без солнечного света от вечера до утра. - - — *с разложением фразеологизма* > *белые ночи*. В этом самом городе // скоро // ночи начнутся, // остекленелые, белесые. Ч, 1, 268;

д) ФЕ отдает свою образность отдельному слову, семантика которого тем самым усложняется ассоциативными связями с содержанием фразеологизма (при знаке семантического сдвига, используется помета *ассоциация с фразеологизмом*): САПОЖИЩЕ, м. Увеличит. —> сапог. - - I Ассоциативно с фразеологизмом Д сапогом в душу. — в образном контексте (Д — пожар сердца). Люди нюхают — // запахло жареным! // Нагнали каких-то. // Блестящие! // В касках! // Нельзя сапожища! // Скажите пожарным: // На сердце горящее лезут в ласках. О, 1, 180.

2. Создавая композицию словарной статьи, необходимо, как это принято в общих словарях, располагать фразеологические обороты в конце описания каждого лексического значения в порядке возрастания фразеологической связанности.

3. Фразеологические единицы неноминативного характера чаще всего получают "О - толкование" для оценочных фразеологизмов или указание на характер экспрессии для экспрессивных фразеологизмов [11:1:27]. ВОЛОС, *чаще мн.* Тонкие роговые нити на голове и коже человека. - -iv Паучьих волос не расчешешь колом. О бесполезности обращений, призывов. Октябрь прогремел, / карающий, / судный. // Вы под его огнеперым крылом // расставились, / разложили посудины. // Паучьих волос не расчешешь колом. Пэ, 4, 159 (Ср. vv хоть кол на голове теши).

4. В поэтической речи В.В. Маяковского встречаем особые контекстные группы, нуждающиеся в описании: в лексикографической практике составителей Словаря автобиографической трилогии М.Горького эти контекстные группы имели особое обозначение и систему истолкования —

а) контекстные сочетания с измененной сочетаемостью отмечаются знаком + перед цитатой; если эти сочетания включаются в словесный образ, то могут получить комментарий после цитаты: ДЕНЬ, м. Промежуток времени в 24 часа; сутки. - - + День / этот / был / огнеупорный. // В разливе зноя земли тихли. 150 млн., 2, 138 (О знойном, жарком дне);

б) метафорические сочетания, обладающие семантической целостностью ("поэтические словосочетания" — В.П. Тимофеев, А.Д. Григорьева, Л.Н. Синельникова); они отмечаются знаком X перед цитатой: РАБОЧИЙ, м. Человек, занятый трудом на производстве; трудящийся. - -X Белые рабочие. Облака. — *сравн.* Вдруг // и тучи // и облачнее прочее // подняло на небе невероятную качку, // как будто расходятся белые рабочие, // небу объявив озлобленную стачку. О, 1, 188;

в) словосочетание или контекстные фрагменты, в прямом, переносно-метафорическом, иносказательном смысле выражающие авторское видение, обладающие эстетической значимостью; они выделяются в цитате знаком * перед цитатой и могут быть истолкованы, если "в силу своей смысловой слитности могут быть выделены из контекста" [11:1:38]: БЕЛЫЙ, ая, ое. Цвета снега, молока, мела. - - □ в знач. суц., ср. — в образном контексте (Д — чемпионат классовой борьбы), с повтором корня. *Ни цветов, / ни оттенков, / ничего нет — // кроме // цвета, красящего в белый цвет, // и красного, / кровавящего цветом крови. // Багровое все становилось багровей. // Белое все белей и белее. 150 млн., 2, 145. Контекстные сочетания с измененной сочетаемостью, метафорические сочетания (перифразы) и сочетания с проявлением эстетической значимости представляют собой различные случаи индивидуально-авторской связанности слова, поэтому в словарной статье они должны предшествовать фразеологизмам.

VI. Образная реализация слова. При определении типа образной реализации слова (ЛЗ) следует учитывать: 1) характер отражения предмета, 2) соотношение с прямым значением для вновь образуемого производного значения, 3) соотношение с общеязыковой и индивидуально-авторской системой.

1. **Метафорический перенос** наименования основывается на отражении существенных (понятийно важных) признаков предметов / явлений или несущественных (периферийных, вероятностных). В поэтической речи В.В. Маяковского обнаруживаются оба типа переноса наименований, два типа метафор [22], основанных а) на совпадении существенных признаков сопоставляемых предметов и отражающих эти признаки понятийных, существенных сем: "щетина мачт" Пэ, 4, 158, "Пассажи — // перчаточных лавок початки" Пэ, 4, 175, "Не летим, а молнымся, // души зефирами вымыв!" 150 млн., 2, 127; б) на совпадении периферийных признаков, так называемая редкая метафора: "- - на седых ресницах — // - - на ресницах морозных сосулес // слезы из глаз — // из опущенных глаз водосточных труб. О, 1, 191. Отмечаются пометой *перен.*

Оба типа метафор могут быть развернуты в контексте и стать композиционной доминантой.

2. **Развернутая метафора**, столь характерная для поэтической системы В.В. Маяковского, реализуется в широком контексте с сохранением лексических связей прямого и перенос-

ного значений слов-доминант, составляя сложный по своей семантической природе словесный образ-амальгаму. Истолкование такого образно-семантического целого может только разрушить сложившийся речевой образ. "Образное употребление наглядно, картинно и, как правило, не требует толкования" [11:33]. В лексикографическом описании оно отмечается знаком семантического сдвига I и пометой *Образно*:

ВИТЬ, *несов.*, *что*. Соединять, сплетая, скручивая. I *Образно*. Прежде чем выстроиться сумев, / они [люди] // грянули: / – Начинаем! // "Голоса людские, / зверьи голоса, / рев рек // ввысь славословием вьем. // Пойте все и все слушайте / мира торжественный рекем - -". 150 млн., 2, 162.

Разновидностью образного применения слова является *иносказание*: 1. *Иносказ*.

3. **Метонимическое значение** определяется как результат переноса наименования по смежности – на основе внутренней или внешней связи между предметами. Лексическое значение расширяет состав сем за счет смежного лексического значения: *аудитория* – «помещение» и «люди, находящиеся в помещении». При этом лексическое значение может осложняться за счет содержания синтагматически связанного (смежного) с ним значения - своеобразное семантическое стяжение [23]:

ГРЕМЕТЬ, *несов.* 1. Издавать звуки каким-л. действием. - -2. *Метон.* Бежать, громко стуча ногами. Растерзанной тенью, // большой, // косматый, // несусь по стене, // луной облистый. // Жильцы выбегают, запахивая халаты. // Гремлю о плиты. Ч, 1, 271.

БИТЬ, *несов.* 1. Наносить удары. - - 2. *Метон.* Ударять, издавая звучание. — с олицетворением (О – барабан), со звуковым повтором. Бей, барабан! / Барабан, барабань! – // - - Эй, стальногрудые! / Крепкие, эй! // Бей, барабан! / Барабан, бей! 150 млн., 2, 127.

4. Для поэтической речи В.Маяковского характерно **обыгрывание значений** слова: совмещение значения и оттенка, совмещение значений, оживление исходного значения. Это создает семантическую многослойность текста:

ГОЛОВА, ж. 1. Верхняя часть тела человека, состоящая из черепной коробки и лица. - - II *Перен.* Передняя часть чего-л. Пятый день // в простреленной голове // поезда выкручивают за изгибом изгиб. // В гниющем вагоне // на сорок человек – // четыре ноги. Вим, 1, 228 (с *оживл. исх. знач.*).

Образная реализация слова представляет собой *монодоминантную* структуру, т.к. слово-доминанта организует вокруг себя художественный контекст. Слова, которые участвуют в таком контексте, несут на себе "отсвет" образного представления, связанного со словом-доминантой, характеризуются знаком употребления (—) и указанием на характер контекста: — *в образном контексте*.

VII. Организация образного контекста. Образное представление может возникать в результате реализации семантики двух и более слов-доминант, носителей образности; это *полидоминантные* структуры.

1. **Сравнение** заключается в уподоблении одного предмета другому на основе каких-л. признаков. Конструкция сравнения представляет собой два компонента: *центр* сравнения (— *сравн.*) и *объект* сравнения (— *в сравн.*). Центр сравнения может быть выражен: а) конструкцией с союзами *как, будто, как будто, точно, словно*, б) творит.п. сравнения, уподобления, в) родит.п. качества, г) родит.п. прикомпаративный. ЖИЛА, ж. - - — *в сравн.* Жилы и мускулы – молитв верней. // Нам ли вымаливать милостей времени! О, 1, 184.

Сравнение признаков, объединяемых В.В. Маяковским в речевой образ, может быть развернуто в **параллелизм**, **сопоставление**, **антитезу**. В сравнении выявлен момент сходства сопоставляемых явлений; сопоставление и антитеза, различаясь объемом, развернутостью речевых образов, фиксируют внимание на контрасте признаков сопоставляемых явлений:

ЖИТЬ, *несов.* - - — *в параллелизме*. Опять влюбленный выйду в игры, // огнем озаряя бровей загиб. // Что же! // И в доме, который выгорел, // иногда живут бездомные бродяги! О, 1, 179 (*Иносказ.*).

Все слова, входящие в такие образные конструкции, отмечаются "в-пометой": — *в антитезе*, — *в параллелизме*, — *в сопоставл.*

2. Постепенное нарастание в одном предмете/явлении признаков другого предмета / явления представляет собой явление **метаморфозы**:

СЛОВО, ср. - - — в *метаморф.* — По кабелю, / вижу, / слово ползет. // Страшнее слов — / из древнейшей древности, // где самку клыком добывали люди еще, // ползло / из шнура — / скребущейся ревности // времен троглодитских тогдашнее чудище. Пэ, 4, 146.

Активные компоненты этой образной структуры *чудище*, *ползло*, *скребущейся ревности* получают характеристику "в-пометой", пассивные компоненты — помету — в контексте метаморфозы (со знаком употребления). В поэтической речи В.В. Маяковского встречается и *обратная метаморфоза*:

БЕЛЫЙ, ая, ое. I. Цвета мела, молока, снега, - - П *Метон*. Одетый в одежду такого цвета. — в *обратной метаморф.* Тополи стали спокойствия мерами, // ночей сторожами, / милиционерами. // Расчетверившись, / *белый* Харон // стал колоннадой почтамтских колонн. Пэ, 4, 166.

3. **Гипербола** в поэмах В.В. Маяковского — это не только преувеличение количества, выраженное числительным ("миллион вольт напряжения" Пэ, 4, 141; "Тысячью церковей // подомной // затянул // и тянет мир: // "Со святыми упокой!" Ч, 1, 272; "В Чикаго / жара непомерная / градусов 100, а 80 — наверное". 150 млн., 2, 138), но и общая избыточность признака и действия, выраженная всей структурой контекста, подбором глаголов и имен в прямых и переносных значениях. Лексикографически это явление может быть выражено пометами: — в *гиперболе*, — в *литоте*, — в *контексте гиперболы*, — в *контексте литоты* со знаком употребления:

ГЛУБИНА, ж. Расстояние вниз от поверхности. X *Пекловая глубина*. Место пребывания злых духов и грешников; ад. — в *гиперболе*. Вот я богохулил. // Орал, что бога нет, // а бог такую из *пекловых глубин*, // что перед ней гора заволнуется и дрогнет, // вывел и велел: // люби! Фл-п, 1, 200.

4. В поэмах Маяковского **гротеск** рождается из отбора и комбинации слов, дающих резкие, эксцентрические характеристики, намеренно искажающие естественную линию и форму. В основе гротеска тот эксцентризм, в котором есть некоторое сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, показать алогизм обычного. Это один из приемов карикатуры, которые В.В. Маяковский, будучи живописцем острых форм, перенес в поэзию. Лексикографически описывается пометами: — в *гротеске*, — в *контексте гротеска* со знаком употребления:

ЧЕРЕП, м. - - — в *гротеске*. *Череп* [Повелителя Всего] блестит, // хоть надень его на ноги, // безволосый, // весь рассиялся в лоске. Ч, 1, 255.

5. Изображение какого-либо предмета или явления акцентированием значений, прямо описывающих или называющих предмет так, что оно воспринимается как нарочитое, неестественное, представляет собой явление **остраннения**, при котором "восстанавливается восприятие реальной обыденности тем, что ее описывают вновь найденными словами" (В. Шкловский). Лексикографический прием описания: — *остранненно*, — в *остранении*:

ЗАЛИВАТЬ, несов. - - — в *гротеске*, *остранненно*. На сердце тело надето, // на тело — рубаха. // Но и этого мало! // Один — // идиот! — // манжеты наделал // и груди стал заливать крахмалом. Л, 4, 85.

6. Слова и фразеологические единицы могут участвовать в создании речевых образов различных фантастических явлений и предметов. **Фантастичность** — одно из ярких свойств поэтической манеры В.В. Маяковского. Лексикографический прием описания: — в *фантастич. контексте* (часто в сочетании с другими пометами):

ИСКАТЬ, несов. - - — в *метаморф.*, в *фантастич. контексте*. Было ль, // чтоб срезанные ноги // *искали б* // хозяев, // оборванные головы звали по имени? // Вот // на череп обрубку // вспрыгнул скальп, // ноги подбежали, // живые под ним они. Вим, 1, 236.

7. Для В.В. Маяковского, особенно раннего периода творчества, характерно совмещение разных типов художественного видения — мысленного синтеза искусств (театр и массовые зрелища, живопись, кинематограф), при котором процесс понимания, познания и воспроизведения реального мира носит комплексный характер [24:129-131]. Особенностью поэтической манеры В.В. Маяковского является своеобразный словесный **кинематографизм**, проявляющийся в приемах монтажного конструирования широкого контекста. Выделение, подчеркивание отдельных художественных деталей, называемых словами в прямом или переносном значении, ассоциируется с крупным планом; перечисление явлений и предметов как сменяющих друг друга в короткий промежуток художественного времени создает ассоциацию с панорамным показом. Лексикографический прием описания: — *крупным планом*, — в *панораме*.

ИДТИ, несов. - - — *фантастич.*, в *панораме*. Бегу и вижу — / всем в виду // Кудринскими вышками // себе навстречу / сам / иду // с подарками подмышками. Пэ, 4, 159.

8. **Звуковая организация художественного текста.** Звуковая организация речи в поэмах В.В. Маяковского – одно из важнейших средств выразительности. Лексикографические приемы обозначения: — со звуковым повтором (ТИХИЙ, см. разд. IV), — с аллитерацией (ДЕНЬ, см. разд. III.1.3, ВБИВАТЬСЯ, см. разд. III 1.3), — с ассонансом (АВТОМОБИЛИЙ, см. разд. II.3). Отмечается сильное положение в конце строки: — в рифме.

9. **Иллюстрации.** Каждый элемент словарной статьи иллюстрируется фрагментами описываемого текста [11:1:46]. О пропуске в иллюстрирующем тексте сигнализируют знаки: - - , - - - - (в зависимости от объема пропущенного текста). Большое количество цитат сопровождает идеологически и эстетически значимые для творчества автора слова во всех их проявлениях, а также служебные слова [11:2:48].

Факты словоупотребления, не вошедшие в иллюстративную часть, даются в конце каждого значения после знака +.

10. **Пометы.** Пометы – это условные обозначения, содержащие сведения об описываемых семантических единицах.

По структуре пометы могут быть одиночными (ИДТИ, *несов.*) и комплексными (— *фан-тастич., в панораме; I Перен. олицетвор. (О - ...), I Метон. мн.ч.*).

По положению в словарной статье – предпометами, которые предшествуют толкуемому фрагменту (см. выше) и послепометами, которые следуют за толкуемым материалом (*Иносказ., с оживл. исх. знач.*).

По системно-функциональной значимости описываемой единицы пометы характеризуют эмоционально-экспрессивную специфику значения или употребления (см. раздел II. Состав словника), их грамматические (см. раздел IV. Грамматическая характеристика слова) и семантико-стилистические особенности (см. разделы VI. Образная реализация слова, VII. Организация образного контекста, VIII. Звуковая организация художественного текста). Вместе с условными обозначениями пометы составляют лексикографический язык, позволяющий полно и объективно представить семантико-стилистическую систему индивидуально-авторской речи.

Лексикографическое описание и основанный на нем контекстно-лексикографический метод исследования семантики поэтического слова позволяет, по мнению М.А. Карпенко, «опираясь на объективные системные отношения слова как компонента художественного текста с другими его единицами, анализируя семантическую структуру слова в ее авторской интерпретации, - раскрыть ряд существенных и разноплановых моментов функционирования слова в художественной речи» [25:72-74]. Словарное исследование дает возможность не только описать семантико-стилистический потенциал авторского поэтического слова [26:241-243; 27:259-261], но и представить речевое художественное целое в динамическом единстве его компонентов [28:101-106].

ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
2. Винокур Г.О. Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. – М. – Л., 1949.
3. Виноградов В.В. Предисловие // Словарь языка Пушкина: В 4-х т. –Т.1. – М., 1956.
4. Ларин Б.А. Основные принципы словаря автобиографической трилогии М.Горького. // Словоупотребление и стиль М.Горького. – Л., 1962.
5. Ковтун Л.С. О специфике словаря писателя // Словоупотребление и стиль М.Горького. – Л., 1962; Словарное описание семантико-стилистической системы писателя (О Словаре М.Горького) // Словоупотребление и стиль М.Горького. – Л., 1968.
6. Карпенко М.А., Сиротина В.А. Слово в художественной речи М.Горького. – Киев, 1968; Карпенко М.А. М.Горький и русский литературный язык советской эпохи. – Киев, 1972.
7. Борисова М.Б. Индивидуальное в семантике слова и отражение его в Словаре М.Горького (На материале языка драматургии) // Очерки по русскому языку и стилистике: Памяти А.Ф. Ефремова. – Саратов, 1967; Специфика словаря драматургических произведений М.Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького. – Саратов, 1982.

8. Григорьев В.П. Словарь Н.А. Некрасова в контексте проблем поэтической лексикографии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1971. – № 5; Введение // Поэт и слово: Опыт словаря. – М., 1973.
9. Поцелня Д.М. Образ мира в слове писателя. – С.-Петербург, 1997.
10. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М., 1955 – 1961. В лексикографическом описании поэм приняты следующие условные сокращения: «Облако в штанах» – О, «Флейта-позвоночник» – Фл.-п., «Война и мир» – Вим, «Человек» – Ч, «150 000 000» – 150 млн., «Про это» – Пэ, «Люблю» – Л, «Владимир Ильич Ленин» – ВИЛ, «Хорошо» – Х (с указанием тома и страниц).
11. Словарь автобиографической трилогии М.Горького. Инструкция... Тип словаря. Вводные замечания. – Вып.1. – Л., 1974; далее – САТГ.
12. Маяковский В.В. Как писать стихи // Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М., 1955 – 1961. – Т. 12.
13. Тимофеев Л. Проблемы поэтики Маяковского // Маяковский. Материалы и исследования. – М., 1940.
14. Тимофеев Л. Системность поэтики Маяковского // В мире Маяковского. Сб. ст. Кн. 2. – М., 1984.
15. Гофман В. Поэт-языкотворец // «Маяковскому». – Л., 1940.
16. Григорьев В.П. Введение // Поэт и слово. Опыт словаря. – М., 1973.
17. Маяковский В.В. Война и язык // Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М., 1955 – 1961. – Т. 1.
18. Ничик Н.Н. Прямое номинативное значение слов в поэтическом языке В.В. Маяковского // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Вып. Б. – Симферополь, 1982.
19. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940.
20. Ничик Н.Н. Олицетворение в поэтической речи В.В.Маяковского (на материале поэм 1914 – 1924 г.г.) // Исследование по семантике. Сб науч. статей. – Симферополь, 1987.
21. Ничик Н.Н., Ронгинский В.М. Словарь фразеупотреблений в поэтической речи В.В.Маяковского (на материале поэм). – Симферополь: СГУ, 1991.
22. Ничик Н.Н. О некоторых особенностях словоупотребления в поэтическом языке В.В. Маяковского (на материале ранних поэм) // Уч. зап. Дальневосточного государственного университета. – Т.62. – Владивосток, 1972.
23. Ничик Н.Н. Метонимическое значение слов в поэтической речи В.В. Маяковского // Русское языкознание. – Вып. 13. – Киев, 1986.
24. Ничик Н.Н. Когнитивный аспект индивидуально-авторского словоупотребления В.В. Маяковского // Когнитивные процессы в языковом общении: Теории и приложения. Доклады. Международная конференция 18 – 23 сентября 1995, Крым, Украина.
25. Карпенко М.А. Слово в художественной речи и принципы его лексикографического описания // Семантика языка и текста. – Кировоград, 1984.
26. Ничик Н.Н. Семантико-функциональный потенциал лексемы СЛОВО в поэтической речи В.В.Маяковского (на материале ранних поэм) // «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации» / X Международная конференция по функциональной лингвистике. Сб. науч. докладов. –Ялта, 2003.
27. Ничик Н.Н. Семантико-функциональный потенциал лексемы ВРЕМЯ в поэтической речи В.В. Маяковского (на материале ранних поэм) // Функциональное описание естественного языка и его единиц / XI Международная конференция по функциональной лингвистике. Сб. науч. докладов. – Ялта, 2004.
28. Ничик Н.Н. Речевая структура ранних поэм В.В. Маяковского (особенности авторского повествования) // Культура народов Причерноморья / Науч. журнал. – № 44. Симферополь, 2003.

О СЛОВАРЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ю.А. Романов (Украина, Харьков)

Статья представляет идею создания словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского, отражающую архетипный подход в литературоведении, который бурно развивается в наши дни. Проблематика данного словаря рассматривается на примере анализа архетипического образа "подпольного" героя.

Ключевые слова: архетип, архетипный подход в литературоведении, архетипический образ "подпольного" героя.

Стаття представляє ідею створення словника архетипічних образів Ф.М. Достоевського, що відображає архетипний підхід у літературознавстві, який бурхливо розвивається у наш час. Проблематика даного словника розглядається на прикладі аналізу архетипічного образу "підпільного" героя.

Ключові слова: архетип, архетипний підхід у літературознавстві, архетипічний образ "підпільного" героя.

The article gives the idea of "The Dictionary of the Archetypal Characters of F.M. Dostoyevsky" creation, reflecting the archetypal approach in the history and criticism of literature, which is rapidly developed at present. The problems of the dictionary are considered on the example of the archetypal character of "underground" hero analysis.

Keywords: archetype, the archetypal approach in the history and criticism of literature, the archetypal character of "underground" hero.

Словарное освоение творчества Ф.М. Достоевского началось относительно давно. Достаточно назвать "Словарь личных имен у Достоевского" под редакцией А.Л. Бема, составленный участниками семинара по изучению Достоевского при Русском Народном Университете в Праге (Прага, 1933), "Словарь к творениям Достоевского: не должно отчаиваться" митрополита Храповицкого (София, 1921), известный на Западе "A Dostoyevsky Dictionary" Р. Чеппля (Ann Arbor, 1983), конкордансы к романам "Преступление и наказание" и "Идиот" (Саппоро 1994, 2003–2004).

По мнению коллектива авторов-составителей "Словаря языка Достоевского" (главный редактор Ю.Н. Караулов), издаваемого в наши дни, "отечественная авторская лексикография, как и мировая теория и практика создания словарей писателей, накопили богатый опыт лексикографической интерпретации языка выдающихся личностей современности и прошлого", "созданы как полные словари ко всем произведениям авторов или отдельным текстам, так и словари "однопараметровые", отражающие отдельные показатели словоупотребления – частоту встречаемости лексических единиц, тропы, синонимы, фразеологизмы, эпитеты, неологизмы, экспрессемы, имена собственные и перифразы, редкие и устаревшие слова, рифмы в поэтических текстах, конкордансы и т.п." [1:Х].

Учитывая данный опыт и признавая многоплановость языковой личности такого мастера слова, каким был Ф.М. Достоевский, авторы "Словаря языка Достоевского" осуществляют его издание в качестве лексикографической серии, включающей несколько типов словарей – базовый, частотный, топонимов, грамматических слов, фразеологизмов и др. [о степени их готовности – см. там же, с.ХХХIII].

Цель настоящей работы – представить идею создания словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского, задачей которого, в отличие от упомянутых словарей, не является описание с максимальной полнотой идиолекта писателя. Идея данного словаря (впервые мы высказали ее более 10-ти лет назад [2]) – на стыке литературоведения и философии – и отражает архетипный подход в литературоведении, бурно развивающийся в наши дни.

Согласно "аналитической психологии" К.Г. Юнга, впервые разработавшего теорию архетипов, они определяются как изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого "коллективного бессознательного" и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов и других порождений фантазии, в том числе – художественной (см., например, такие работы К.Г. Юнга, как "Понятие коллективного бессознательного", "Психологические аспекты архетипа матери" и др. [3]). При этом архетипы, по Юнгу, обладают надперсональной природой и имеют, прежде всего, формальный, а не содержательный характер. Архетипы – не сами образы, а только схемы образов, их психологические предпосылки. Содержательную же характеристику первообразы приобретают лишь при

актуализации их в сознании и наполнении материалом сознательного опыта. В частности, для архетипа Матери К.Г. Юнг приводит "невообразимое множество аспектов" (образов): "мать или бабушка конкретного человека, крестная мать или свекровь и теща..., кормилица и нянька..., в высшем, переносном смысле – богиня, особенно мать Бога..., в более широком смысле – церковь, университет, город, страна..., в более узком смысле – место рождения или происхождения – пашня, сады, утес, пещера, дерево" и проч. [там же, с.128, 129]. Юнг же указывал и на возможность архетипного подхода к изучению литературных произведений, понимая под писательским процессом "бессознательное оживление архетипа" и его "перевод на язык современности, благодаря чему каждый становится способным... заново найти подход к глубочайшим источникам жизни, которые иначе были бы потеряны" [4:126, 129].

Следует однако отметить, что несмотря на то, что для архетипного подхода в литературоведении юнговская концепция архетипов по-прежнему остается значимой, в последующий период произошло значительное расширение данного понятия и на современном этапе под архетипами понимают просто "наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы уже без обязательной связи с юнгианством как таковым" [5:34].

В настоящее время по поводу архетипов не утихают споры [см. 6; 7]; на наш взгляд, одной из наиболее серьезных проблем является вопрос об их количестве: если у К.Г. Юнга их было не более десятка (архетипы Самости, Тени, Ребенка, Трикстера и др.), то при современной трактовке кажется, что их число безгранично. Очевидно так происходит потому, что понятия архетипа и мифологемы (мифологические мотивы и сюжеты) в современной понимании весьма сближаются [см., например, ряд работ в 8].

Что касается архетипических образов, то, как нам представляется, это понятие тесно связано с понятием об образе в литературоведении: это, прежде всего, художественное изображение человека (существуют так же образы-предметы, образы-явления), но такое, которое позволяет почувствовать связь с коллективным опытом, архетипической памятью поколений. Отличительными чертами архетипических образов являются наличие в каждом из них четко выраженной архетипической модели (в этом их связь с мифологеммами) и закреплённость в культурных и, особенно, в сакральных источниках. При этом понятие архетипического образа не является тождественным ни архетипу (как в юнгианском, так и в современной понимании), ни мифологеме.

Идея Словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского базируется на убежденности многих исследователей в существовании системы возвращающихся характеров в творчестве писателя и их опыте построения типологий его образов (начиная со второй половины XIX века в творчестве русского классика выделяли следующие типы: "кроткий", "ожесточенный" (Н. Добролюбов); "страстный", "смирный" (Ап. Григорьев); "двойник" (В. Переверзев); "мыслители", "мечтатели", "поруганные девушки", "подпольные" (Л. Гроссман); "мечтатели", "подпольные" (В. Одинокоев); "стихийно нравственные", "стихийно безнравственные" – на стадии патриархальности, "теоретики – раздвоенные натуры", "теоретики-дельцы" – на стадии цивилизации (Г. Щенников); "нигилисты-апокалиптики": "соблазнитель от революции и те, кто революцией соблазнен" (Г. Зябрева) и др. [9–11]).

При этом составители данных типологий все время настойчиво искали единый принцип соотношения героев у Достоевского (в качестве такового определялись: психологический, исторический, социальный, этический и иные принципы), от которого они и отталкивались в своих подходах к характерологии писателя.

Архетипный подход в литературоведении, и к творчеству Ф.М. Достоевского в частности, исходит из того, что в нем нашли свое воплощение наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, и рассматривает образную систему русского классика с этих позиций. С точки зрения архетипного подхода в данной системе существуют герои (точнее, группы героев), в которых с разной степенью полноты, но весьма отчетливо, воплощены архетипические модели личностного бытия. На наш взгляд, нет никаких сомнений в том, что такие архетипические образы, как человек из "подполья", двойник, "маленький" человек, образ шута, богородичный образ, а также некоторые другие (архетипических образов немного) в полной мере эти модели выражают.

Структуру словарной статьи Словаря обозначим на примере архетипического образа человека из "подполья" (феномен "подполья" как архетипическое и типологическое явление рассматривался в наших исследованиях [см. 12]). Ниже приводим ее фрагменты.

После "черного" слова **ЧЕЛОВЕК ИЗ "ПОДПОЛЬЯ" ("ПОДПОЛЬНЫЙ" ГЕРОЙ, "ПОДПОЛЬНЫЙ", "ПАРАДОКСАЛИСТ")** приводится пошаговое толкование архетипической модели "подпольного" бытия. При этом каждый шаг – это звено цепи, ее составляющей.

Архетипическая модель

- **Несправедливость устройства Божьего мира**

"Подпольного" героя отличает трагическое восприятие жизни, обостренное внимание к темным, уродливым ее сторонам, чувство несправедливости Божьего миропорядка. Такое видение мира ставит его "из ряда вон", обида на жизнь делает его ранимым аутсайдером, трагическим одиночкой.

- **Человекобожество**

Противостоит трагедии бытия в сознании "подпольного" героя человекобожеский идеал "прекрасного и высокого", которого он жаждет. С высот "прекрасного и высокого" "непосредственные люди и деятели" кажутся ему презренно малыми, в человеке из "подполья" кипит страстное желание изменить их жизнь сообразно своей воле ("Наполеон", "деспот в душе").

- **Самоказнь-наслаждение**

При соприкосновении с действительностью (с "живой жизнью") он болезненно осознает собственное несоответствие идеалу и жестоко казнит себя за это, доходит до самоуничтожения. Собственная душа кажется ему даже хуже, гаже, подлее, чем презируемая им душонка "непосредственного человека и деятеля". При этом его самоказнь носит эстетический характер: придавая собственному унижению поэтическую форму, "подпольный" герой вкушает "сок... странного наслаждения", "наслаждения от... сознания своего унижения" ("*Записки из подполья*").

- **Масочность**

Храня страшную тайну о своем несоответствии идеалу, "подпольный" герой смертельно боится того, как бы о его "подлости" не узнали другие. В межличностном общении он постоянно принужден к ношению масок – без маски его появление в свете невыносимо.

- **"Подпольный" покой**

Постоянное ношение масок, постоянное насилие, совершаемое над собой при обращении к "живой жизни", вызывает у "подпольного" героя духовную усталость, злобу на окружающий мир, более сильное неприятие, даже проклятие его и порождает стремление уйти, обрести покой. Этот покой, крайнее обособление – и есть "подполье".

Далее перечисляются герои Ф.М. Достоевского, отражающие слагаемые "подпольного" мотива (наиболее полно архетипическая модель "подпольного" существования отражена, безусловно, в "подпольном" герое "*Записок из подполья*", однако "подпольные" черты несут и такие герои, как Раскольников, Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Кириллов, Версиков, Аркадий Долгорукий, Федор Павлович, Иван Карамазов и ряд других), приводятся контексты, подтверждающие их выраженность.

Как показывают исследования, "подпольный" мотив с разной степенью полноты отражен не только в характерологии Достоевского, но и в творчестве мировых классиков, герои которых несут на себе печать "подпольного" образа. В словарной статье мы также обозначаем "подпольных" героев мировой литературы.

"Подпольные" герои мировой классики

"Перед нами проходит длинная череда "героев нашего времени" – подпольных парадоксалистов: маркиз Дезэссент Гюйсманса, Салавен Дюамеля, Гарин, Перкен, Чен и Ферраль Мальро, Кламанс и Тарру Камю, Джо Кристмас Фолкнера, Сомерс Лоуренса, Оливейра Кортасара, Боб Слокум Хеллера, герои "То, чего не было" Б. Савинкова, "Санина" М. Арцыбашева, "Имморалиста" А. Жида, "Контрапункта" О. Хаксли, "Голого завтрака" Э.Р. Берроуза, "Степного Волка" Г. Гессе, "Невидимого человека" Р. Эллисона, "Подземных" Д. Керуака, "Из замка в замок" Л. Селина, подпольные люди многих произведений Л. Андреева, А. Белого, А. Ремизова, Л. Каменского, В. Винниченко" [13:370].

Как уже отмечалось, одним из наиболее существенных признаков архетипического образа является его закреплённость (помимо мировой литературы) в фольклорных и сакральных источниках, на что также указывается в словарной статье.

САКРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Человекобожие "подпольного" героя – не что иное, как "притязание гордыни сатанинской" [14:68]; "подполье" коррелирует с библейским образом Ада – подземного царства, в котором правит Сатана [15].

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В русских сказках говорится о том, что "в подполье сидят остроголовые черти" (словарь В.И. Даля, статья "Подполье" [16:197]).

И, наконец, существенную роль при воплощении архетипического образа "подпольного" героя играют **ПОЭТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА** ("дурной бесконечности диалоги", "слово с оглядкой", "сло-

во с лазейкой" [17], "словесные турниры" [18] и др.). Они приводятся с контекстуальным подкреплением.

Выводы

Идея Словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского – на стыке литературоведения и философии – и отражает архетипный подход в литературоведении. Данный словарь не ставит перед собой задачу (в отличие от издаваемой в наши дни серии словарей языка Достоевского) полного описания идиолекта писателя.

Целью словаря является представление наиболее общих, фундаментальных общечеловеческих мифологических мотивов, отраженных в образах Достоевского, архетипических по своей природе.

Для воплощения цели лексикографического исследования в словарной статье приводится толкование мотива, являющегося стержнем архетипического образа, и рассматривается вся писательская характеристика причастности к выраженности данного мотива. Далее перечисляются герои из мировой классики, в которых прослеживается влияние данного архетипического образа, его сакральные и фольклорные источники, закреплённость в которых является одним из важнейших архетипических признаков. И, наконец, рассматриваются наиболее характерные поэтические приемы, используемые при воплощении архетипической модели.

Следует отметить, что проблема архетипических образов Ф.М. Достоевского (как, вероятно, и других классиков) еще мало исследована. Практически отсутствует опыт и ее лексикографического освоения. Этим, безусловно, и определяются **перспективы исследования** в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М., 2001. – С. IX–LXIII.
2. Романов Ю.А. Конструктивная основа словаря образов Ф.М. Достоевского // Вестник Харьковского политехнического университета: Сборник научных трудов. – 1994. – Вып. 1. – № 19. – С. 101-108.
3. Юнг К.Г. Бог и бессознательное. – М., 1998. – 480 с.
4. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы // Классический психоанализ и художественная литература / Сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. – СПб., 2002. – С. 106-130.
5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – 136 с.
6. Майкова А.Н. Архетипы и архетипические образы (на примере сказки о Царевне-лягушке и мифе о Гильгамеше) // Филологические науки. – М. – 1999. – №4. – С. 20-29.
7. Абрамович С.Д. К вопросу о литературном воплощении архетипов русской ментальности // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 23-39.
8. Вісник Харківського університету № 448. Серія Філологія. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно мовної свідомості. – Харків, 1999. – С. 84-87, 87-90, 128-131, 163-165.
9. Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск, 1981. – 145 с.
10. Щенников Г.К. Художественное мышление Ф.М. Достоевского. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1978. – 176 с.
11. Зябрева Г.А. Русский характер и русская революция. Логика взаимодействия // Русистика Украины. – 2001. – №2. – С.43-57.
12. Романов Ю.А. Феномен "подполья" в поэтике Ф.М. Достоевского: архетипическое и типологическое: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.01.02 – російська література / Таврійський національний університет ім В.І. Вернадського. – Симферополь, 2003. – 20 с.
13. Гарин И.И. Многоликий Достоевский. – М., 1997. – 396 с.
14. Лосский Н. О природе сатанинской // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. – Пб., 1922. – С.67-92.
15. Мифология. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – СПб., 1996. – С. 23.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т.3. – М., 1995. – 560 с.
17. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1994. – 174 с.
18. Лобов Л. Из наблюдений над словесными приемами Достоевского. – Пермь, 1927. – С. 3.

УДК 81'374

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНКОРДАНС КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Л.А. Петрова (Украина, АРК, Симферополь)

В статье обсуждается проблема составления электронного конкорданса. Конструирование электронного конкорданса открывает новые возможности в изучении функциональных свойств лексемы не только в синтагматическом и парадигматическом аспектах, но и позволяет интерпретировать ее ментальные характеристики в художественной картине мира.

Ключевые слова: художественная картина мира, импликационал, семантика слова, электронный конкорданс.

У статті обговорюється проблема складання електронного конкордансу. Конструювання електронного конкордансу відкриває нові можливості у вивченні функціональних властивостей лексеми не тільки в синтагматичному та парадігматичному аспектах, але дозволяє інтерпретувати її ментальні характеристики в художній картині світу.

Ключові слова: художня картина світу, імплікаціонал, семантика слова, електронний конкорданс.

The article deals with the problem of composition of the electronic konkordans. The constructing electronic konkordans opens the new possibilities in study of lexems functional properties in sintagmatical and paradigmatical aspects, allows to interpret its descriptions in art world picture.

Key words: art world picture, implication, word semantics, the electronic konkordans.

Проблема функционирования слова в художественной речи по-прежнему остается актуальной в современной лингвистике. Исследование текстовой семантики связывается с разработанными М.В. Никитиным понятиями интенционала и импликационала языкового лексического значения. Это позволяет рассматривать слово не изолированно, а в определенном контекстуальном окружении. Как отмечают исследователи, в контексте семантическая структура значения обогащается за счет наглядно-чувственного, эмоционально-оценочного и собственно культурного компонентов импликационала. В связи с этим важной является проблема построения конкордансов, в которых максимально полно была бы представлена реализация той или иной лексической единицы в тексте.

Цель предложенного исследования – наметить пути конструирования электронного конкорданса, позволяющего не только продемонстрировать возможности реализации лексического значения в художественном тексте, но и способствующего определению роли лексической единицы в формировании художественной картины мира.

Составление электронного конкорданса во многом облегчается существованием электронных текстовых корпусов. Корпус текстов – это вид корпуса данных, единицами которого являются тексты или их достаточно значительные фрагменты, включающие, например, какие-то полные фрагменты макроструктуры текстов данной проблемной области [1:182]. Важнейшее свойство корпуса текстов – его репрезентативность по отношению к проблемной области. Под репрезентативностью понимается способность корпуса текстов отражать все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в проблемной области [5:31].

Впервые большой корпус текстов на машинном носителе был создан в 60-е годы XX века в Брауновском университете (США). Авторы У. Френсис и Г. Кучера спроектировали его как набор из пятисот двухтысячесловных прозаических печатных текстов американского варианта английского языка. Тексты принадлежали пятнадцати наиболее массовым жанрам англоязычной печатной прозы США.

Как объект исследования корпус текстов представляет собой сверхсложную многоуровневую динамическую систему. Отношения в такой системе, возникающие на уровне «корпус текстов – отдельный его текст», а также другие проблемы, так или иначе связанные с корпусом текстов как языковым объектом, стали изучаться новой наукой – корпусной лингвистикой (cor-

pus linguistics) [2:29].

Работа над созданием корпусов текстов по русскому языку, как отмечают исследователи, начата сравнительно недавно. Первые разработки в этой области относят к началу 70-х годов. Реально используемых корпусов немного. В первую очередь это «Уппсальский машинный фонд русского языка», создававшийся с 1987 года в Уппсальском университете. Общий объем корпуса – около 1 млн. словоупотреблений. В корпус отбирались художественные тексты с 1960 г., специальные журнальные тексты – с начала 1985 г. и газетные статьи – с начала 1987 г.

Большой интерес для исследователей языка Ф.М. Достоевского представляет корпус текстов писателя. В качестве основного текстового источника использовалось полное академическое собрание сочинений классика русской литературы.

Объективную картину состояния современного русского газетного языка позволяет получить «Компьютерный корпус газетных текстов русского языка конца 20-го века» (<http://www.philol.msu.ru/~lex/korpus.html>), подготовленный в течение 2000 – 2002 гг. в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ.

Проблема электронного обеспечения конкордансов поднималась неоднократно. Можно согласиться с мнением М.Н. Михайлова, что конкорданс в формате базы данных гораздо эффективнее, поскольку пользователь имеет возможность автоматизировать работу с примерами: быстро выбирать их из требующихся источников, использовать базу данных конкорданса для пополнения словарной базы данных [5, 198].

Индивидуальная модель мира писателя находит свое отражение в иерархически организованной структуре текста и обуславливает отбор единиц, которые по своим языковым свойствам являются наиболее важными для отражения авторского понимания действительности.

Общие свойства моделей описаны М.И. Откупщиковой [6:101 – 105]. Самыми важными из них, на наш взгляд, являются следующие:

- 1) Дуализм ситуации моделирования. Любая ситуация моделирования очевидным образом предполагает наличие моделируемого объекта и модели (воспроизводимой и воспроизводящей конструкций). В языке моделируемым является окружающая человека действительность, а моделью – тексты, ее описывающие. Специфика языка как модели мира заключается в расширенном понимании действительности, включающей не только физический мир, но и интеллектуальную, духовную, социальную жизнь человека, а также ценности, созданные человеком.
- 2) Системность моделируемого. Модель воспроизводит некоторую систему, состоящую из элементов или частей, взаимосвязанных друг с другом и представляющих одно целое.
- 3) Системность модели. Любая модель представляет собой систему элементов, связанных между собой определенными отношениями.
- 4) Воспроизводимость моделируемого в модели. Обобщенный характер моделируемого.

Моделирование художественной картины мира может опираться на электронный конкорданс, иллюстрирующий функционирование наиболее частотных лексических единиц, например, в сатирико-юмористическом дискурсе. Одной из них является лексема ГОЛОВА.

В.Г. Гак, анализируя понятие *голова* и его отражение в русском языке, отмечает широкую разветвленность в системе значений этой лексемы и ее производных. Существует около 256 лексических единиц, мотивированных словом *голова* (*глава*), и более сотни заимствований, корни которых также восходят к данному понятию. Сама же лексема в русском языке является не мотивированной. Как отмечает исследователь, существует две гипотезы о происхождении слова *голова*: оно связывается со словами, обозначавшими «утолщение, желвак», «черепаха», либо с корнем, означавшим «лысый, голый» [3, с. 710].

Электронный конкорданс может быть составлен с опорой на систему значений слова. Из шести значений лексемы *голова*, зафиксированных в МАСе, в проанализированных художественных текстах функционируют следующие: 1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг. 2. *перен.* Ум, сознание; рассудок. || О человеке большого ума. || *с определением.* О человеке как носителе каких-либо свойств, качеств. В таком случае пользователь, утонув в море контекстов, сможет увидеть только случаи употребления слова в авторских текстах. На наш взгляд, это не принесет должного эффекта. Поэтому можно предложить другой вариант. Выделив при помощи компонентного анализа семы, прису-

щие понятию, расклассифицировать все контексты по семантическим полям. Например:

1. Голова как верхняя часть тела:

а) форма

Голова – шишом, покрытая очень редкими толстыми волосами, похожими на пенки срубленного, но не выкорчеванного леса [Аверченко, Бельмесов].

На стене колебался **большой темный круг, увенчанный двумя рогами**. Лешка догадался, что круг этот не что иное, как **тень от головы** его тетки с торчащими вверх концами платка [Тэффи, Выслужился].

б) внешний вид

Вдруг это неизвестное тело затрепетало, забилося и стало вырываться... показалась голова... **прекрасная женская голова** с печальными молящими глазами... [Аверченко, Русалка].

Это был очень упитанный молодой человек с глазами навывкате, толстыми губами и **горделиво откинутой назад головой** [Аверченко, Секретарь из почтового ящика].

Сенаторская голова, **седая голова с профилем римского патриция** никнет... [Аверченко, Осколки разбитого вдребезги].

– Верно, батюшка, замучает, – сказала Поликарповна, забрав подбородок в руку и скорбно покачав опущенной **головой в черненьком платочке** [П. Романов, Яблоневого цвет].

в) размер

Все, свесив **большие**, тяжелые **головы**, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание... [Аверченко, Геракл].

Петр повернул свою **огромную на толстой шее голову** и вдруг, не удержавшись, усмехнулся так, что профессору стало жутко [П. Романов, Русская душа].

– А он высокого роста? – спросила я, стараясь представить себе этого героя. – Очень высокий. **Выше меня на три четверти головы** и еще на три вершка. А может быть, даже немножко ниже [Тэффи, Брат Сула].

г) действия **головы**

– **голова** как субъект действия

Нарымский очнулся на песчаном берегу. **Голова** его **лежала на коленях** Прова Акациева, который заботливой рукой растирал грудь и руки утопленника [Аверченко, Робинзоны].

Рабочий контроль переглянулся.

– Замечаете, товарищ? Форменный саботаж! То ему не разговаривай, то не смотри на него, а то он еще, пожалуй, и дышать запретит! Небошь, когда нас не было – писал! Тогда можно было, а теперь нельзя? Под контролем-то небошь трудно! Когда все на виду, без обмана, – тогда и **голова не работает?**! Хорошо-с!.. Так мы и доложим, куда следует! [Аверченко, Контроль над производством].

– Что ж вы бродите до двенадцати часов, как сонные мухи! – крикнул какой-то военный, быстро проезжавший на лошади, как ездит управляющий, осматривая в поле работы, – пристанища себе нигде не найдете?

– А что ж, когда отовсюду гонят, – сказал угрюмо провожатый.

– **Голова-то не работает ни черта**, вот вас и гонят. Поворачивай назад. Идут молча, словно утопленники... [Романов, Значок].

Старушка вздохнула, потом, помолчав, сказала:

– Да. Вот иной раз лежишь ночью и думаешь: царица небесная, матушка, за что ж ты наказала, на старости лет маяться заставила. Иные бога молят, чтобы на такое место попасть, а тут место как раз такое, а все ничего нет. Другой какой-нибудь в бюро около карточек трется и то, глядишь, только и знает – муку домой таскает.

– Это есть такие. **Головы работают здорово**, – сказал бывший торговец, – оттого, что смальства приучен к делу [П. Романов, Несмелый малый].

Голова рассказчика **уныло свисла на грудь** [Аверченко, Леденящая душу история].

Сенаторская голова, седая **голова** с профилем римского патриция **никнет**... [Аверченко, Осколки разбитого вдребезги].

Голова его кружилась, и так странно окончившийся грабеж наполнял сердце обидой [Аверченко, Страшный человек].

Может быть, у них и было чудесно, но у дедушки лицо было расстроенное и **голова тряслась как-то вбок, словно отрицательно, словно сама себе не верила** [Тэффи, Дедушка Леонтий].

– О-ох! О-ох! И не простужены мы, а звон нас донял. Четверо суток с утра до вечера гудет! Везде на Святой любителям звонить разрешается, ну эдакого, как в нашем городе, - нигде нет. Сапожник Егоров и трубочист Гвоздев. Один гудит, другой очереди ждет. **И как у них головы не треснут!** Житья от них нет, хоть из дому беги! [Тэффи, Звонари].

Он <Котомко> сам был в ужасе. Глаза у него закатились, как у покойника, **голова свесилась набок**, и одна нога, неловко поставленная, дрожала отчетливой крупной дрожью [Тэффи, Концерт].

– **голова** как объект действия

Все, **свесив** большие, тяжелые **головы**, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание...

Скорбно склонив голову, господин Цацкин сидел и молчал, будто ожидая исполнения моего обещания [Аверченко, Рыцарь индустрии].

Она <демоническая женщина> знает, что проклята, что спасенья нет, и **покорно склоняет голову**, уткнув нос в меховой шарф [Тэффи, Демоническая женщина].

Папа сидел, широко расставив ноги и **опустив голову**. Усы у него повисли, словно мокрые, бараньи глаза уныло уставились в одну точку [Тэффи, Когда рак свистнул].

– Почему же, Николай Степанович, – **опустил голову** учитель Тачкин [Аверченко, Невозможное].

Костя безнадежно отмахнулся рукой и, **опустив голову**, принялся рассматривать песок под ногами с таким видом, который ясно показывал, что для Кости никогда уже не наступят светлые дни, что Костя унижен и втопан в грязь окончательно и что праздные утешения друзей ему не помогут [Аверченко, Геракл].

Он [Синюхин] сердито вскочил, стал на цыпочки, дотянулся до уха учителя и, **нагнув его голову**, потащил за ухо в угол [Аверченко, Невозможное].

Синюхин Николай побледнел, **потупил голову**, приблизился к кафедре и открыл судорожно искривленный рот [Аверченко, Невозможное].

Стоя на коленях и **уткнув голову в угол**, учитель истории Максим Иванович Тачкин горько плакал... ..Тачкин улыбнулся себе в усы, **поднял от журнала голову** и сказал, обращаясь к угнетенному единицей, растерянному Синюхину Николаю... [Аверченко, Невозможное].

Поднял он <знакомый> **от книги** тяжелую **голову**, поглядел на меня ничего не видящими глазами и опять уставился в книгу [Аверченко, Язык богов].

Издатель **подпер голову руками**, облокотился на стол и тоже долго, любясь смотрел в красное, широкое лицо своего гостя [Аверченко, Спермин].

Он [Костя] **схватился за голову** и простонал, вспомнив все перенесенные обиды:

– Господи! За что? Что я кому сделал? [Аверченко, Геракл].

– Антиноем назвал! – крикнул Костя и **сжал руками голову**. – Лучше бы ты меня **палкой по голове треснул**... [Аверченко, Геракл].

– Погодка, кажется, благоприятствует, – пробормотал он, **с довольным видом кивнул головой**, – я рад, что погода не помешает народным массам веселиться в радостный для них день юбилея [Аверченко, Почести].

– Почему не можете? – **добродушно кивнул он головой**, в то же время укоризненно погрозив пальцем по направлению окна второго этажа [Аверченко, Рыцарь индустрии].

Сия вещь решительно мне нравится. Я **радостно киваю головой**: – Панталончики? [Аверченко, Здание на песке].

– К черту! – ревел жилец из-под шубы. – Он уже и сейчас въехал ногами в плацдарм Степана Ивановича! А тогда за чемоданом он будет **въезжать головой** в мое расположение. Нет нашего благословения! [Аверченко, Сентиментальный роман].

...Девушка шагала по опустевшему Невскому, **спрятав голову в боа** и глубоко задумавшись [Аверченко, Веселый вечер].

А писатель в это время **тер голову**, почесывая у себя за ухом, кричал и наконец вскопился в отчаянии... [Аверченко, Контроль над производством].

Он <писатель Покойников> долго **тер** свою талантливую **голову**, стараясь придумать что-нибудь особенно трогательное, но не мог [Аверченко, История одного рассказа].

Он погрузился в вычисления, потом оторвался, **покрутил головой**: – Гм... да! Выходит, что к концу второго года вы получите ежемесячно 64 миллиарда, а к середине третьего года свыше четырех миллиардов в месяц [Аверченко, Леденящая душу история].

Держался он <Дыбович> беспокойно, все время **нервно вертя головой** направо и налево [Аверченко, Дело Ольги Дыбович].

Дожидавшиеся на улице люди в самодельных суконных башмаках, с холстинными сумками за спинами, всунув руки в рукава, топтались на месте от холода и всякий раз **повертывали головы** к входной двери, когда кто-нибудь выходил оттуда со свертком. Некоторые притворяли дверь и заглядывали в магазин. Но стоявший у двери малый в фартуке сейчас же нажимал дверь на **всунувшуюся голову** и выпирал ее обратно [П. Романов, Несмелый мальчик].

– За что?.. – говорил Костя, **как медведь качая головой**. – Божже ж мой... Что я ему такое сделал? А?.. «Тезей! Геракл!» [Аверченко, Геракл].

– Верно, батюшка, замучает, – сказала Поликарповна, забрав подбородок в руку и **скорбно покачав опущенной головой** в черненьком платочке [П. Романов, Яблоневый цвет].

Тетя Женя, та подкатывает глаза и **качает головой, точно с укором**. Вот, значит, так надо любить [Тэффи, Подземные корни].

Карнаухий крикнул, **покачал укоризненно головой**, сунул деньги в карман и взялся за шапку [Аверченко, Спермин].

Наконец Лешка направился к выходу, но у самой двери остановился и стал озабоченно рассматривать влажное пятно на полу, затем перевел глаза на гостьюны ноги и, увидев на них калоши, **укоризненно покачал головой** [Тэффи, Выслужился].

Он <господин> мог бы засмеяться, или просто безмолвно усмехнуться, или даже, в крайнем случае, **покачать одобрительно головой** [Аверченко, Юмор для дураков].

Как-то зашли во двор два парня в картузах, попросили позволения конька посмотреть, а если продадут, так и купить. Уткин выгнал их и долго кричал вслед, что ему за эту лошадь давно тысячу рублей давали, да он и слышать не хочет. Слышал все это соседний лавочник и **неодобрительно качал головой** [Тэффи, Даровой конь].

– Хацкин! Да опомнитесь! Ну какую вы царственную пышность видели? Участок вы видели, а не пышность.

Хацкин **покачал головой мечтательно и грустно** [Тэффи, Монархист].

Ихневмонов **качнул соболезнующе головой** и снова сел за книгу [Аверченко, Ниночка].

Да, черт ее знает, до каких пор это будет, – сказал третий, черный мужик, **покачав над коленями головой** [П. Романов, Кулаки].

А перед ужином дедушка снова съезжился, затих, сел около посудного стола и **вертел головой по-воробьиному**, пока его за стол не позвали Тэффи, Дедушка Леонтий].

Федосья шла, легко переступая поджарыми босыми ногами, с сухой, как у скаковой лошади, щиколоткой, и **вертела по-птичьей головой** [Тэффи, Сердце].

– Пойти рассказать, – задумчиво прошептала торговка и, **повертеев головой, как ворона на подоконнике**, пустилась вдоль улицы [Тэффи, Веселая вечеринка].

Она <лошадь> шагом пошла с круга, сверху вниз **мотая вспотевшей головой** [П. Романов, Актриса].

Рыжая не понимала, за что ее бьют. И только при всяком приближении людей начинала дрожать и храпеть, **рывком вскидывая голову**, когда к ней протягивали руку [П. Романов, Актриса].

Тут я **гордо вскинула голову** и швырнула смятую бумажку на пол: – С мужиком я драться не стану! [Тэффи, Любовь и весна].

Грациозно откинув длинноволосую голову, держа шляпу в горизонтально вытянутой руке, стоял у подножия насыпи маленький худощавый господин, в клетчатом костюме, с развевающимися концами странного зеленого галстука, и не смотрел, а созерцал растерявшуюся Софью Ивановну [Тэффи, Забытый путь].

Учительница застучала каблуками, протянула Кате руку. Она действительно похожа была на старого умного цепного пса, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а **голову поворачивала она быстро** и прищелкивала при этом зубами, словно мух ловила [Тэффи, Неживой зверь].

Вспоминается, что Бог все видит и все знает и за все накажет. Мама не все знает, а и то тошно. И Бога надо любить! Вот Варвара кланяется в пояс, крестится, **закидывая голову назад** и потом сжатой горстью дотрагивается до полу [Тэффи, Подземные корни].

У Филаретовой часовни поднимали богомольцы длинный камень, служивший Филарету изголовьем, **клали его на голову** и обходили с ним часовню три раза посолонь – исцелились от головной боли [Тэффи, Соловки].

Глава семьи, дядя Тема, круглый, с седыми усами, похожий на огромного кота, щурился, жмурился и подшучивал над Катей. – Что, индюшонок, скучаешь? Вот погоди, приедет Гришенька, он тебе **голову скрутит** [Тэффи, Книга июнь].

Потом, видя его разочарованное лицо, <Лидия Николаевна> быстро подошла к нему и неожиданно **поцеловала его в голову**... [П. Романов, Арабская сказка].

С отца весь восторг сразу слетел, и он, обескураженный, подошел к матери, нагнулся и **нежно поцеловал ее в голову** [Аверченко, Отец].

Когда к нему [депутату Карнаухому] бросились депутаты, он выругал всех хамами и дохлыми верблюдами, и потом, схватив стул, **разбил голову** депутату Рыбешкину [Аверченко, Спермин].

Садитесь, пожалуйста, в это мягкое кожаное кресло, в котором **тонешь чуть не с головой** [Аверченко, Фокус великого кино].

Ей <городской женщине> подавай нелепейшую шляпу с перьями, бантами и шпильками, которыми она **проткнет** свою **многострадальную голову** [Аверченко, Смерть девушки у изгороди].

Он <Химиков> часто встречался с Полиной и, рыцарски вежливый, рабски исполнял все капризы девушки, очень любившей автомобили и театральные представления. Долги зловещего авантюриста росли с **головокружительной** быстротой, и **ряд** прозаических **неприятностей обрушился на его бедную голову** [Аверченко, Страшный человек].

д) принадлежность кому

Сенаторская голова, седая голова с профилем римского патриция никнет... [Аверченко, Осколки разбитого вдребезги].

2. Голова – место, где

а) растут волосы

Собственно говоря, чего тут трагического, что дама три дня подряд понемножку выпивает? Но демоническая женщина сумеет так поставить дело, что у всех **волосы на голове зашевелиятся** [Тэффи, Демоническая женщина].

Голова – шишом, **покрытая очень редкими толстыми волосами, похожими на пенки срубленного, но не выкорчеванного леса** [Аверченко, Бельмесов].

Она <Лидия Николаевна>, сидя перед столом и держа еще руку на саквояже, с улыбкой повернула к нему через спинку кресла свою **завитую, кудрявую головку** [П. Романов, Арабская сказка].

Почесывая **спутанную со сна голову** с соломой в волосах, <Захар> откроет заскрипевшие на пятке ворота и в распоясанной рубашке выйдет на улицу... [П. Романов, Актриса].

– Оставьте ваши пробные флакончики при себе, – раздражительно сказал я. – Мне их не надо. Не такая у меня наружность, чтобы внушить к себе любовь. **На голове порядочная лысина**, уши оттопырены, морщины, маленький рост... [Аверченко, Рыцарь индустрии].

В крайней комнате по коридору жил доктор с семьей, полный и представительный человек, **с большой, во всю голову лысиной**, с толстым перстнем на мизинце, когда-то богатый, владелец большой лечебницы [П. Романов, Хорошие люди].

Он сдвинул с **бритой головы** фуражку, вынул папиросу и, продолжая смотреть на лошаадь, закурил. ...Люди оглянулись. Среди них был и Семушкин с своей **голой головой**... [П. Романов, Актриса].

Стриженная голова приподнялась, блеснули острые зубки и хохолок взъерошился [Тэффи, Приготовишка].

– Уйти бы, – томился он <Мясорыбов>, но какая-то цепкая ночная жуть сковала ему ноги, и он не мог пошевелиться. Зато **волосы на его голове** шевелились сами собой [Тэффи, Факир].

б) может чувствоваться боль

А сбоку у стола сидел один молчаливый бородатый человек и, опустив **буйную голову** на ладони рук, сосредоточенно печально молчал [Аверченко, Русские в Европах].

Поднял он <знакомый> от книги **тяжелую голову**, поглядел на меня ничего не видящими глазами и опять уставился в книгу [Аверченко, Язык богов].

Все, свесив большие, **тяжелые головы**, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание... [Аверченко, Геракл].

Опускаю **усталую голову** на еще не разобранный груды и – нет слез, нет мыслей, нет желаний, – все осталось позади и тысячью насмешливых глаз глядят на нас, бедных... [Аверченко, Моя старая шкатулка].

У Филаретовой часовни поднимали богомольцы длинный камень, служивший Филарету изголовьем, клали его на голову и обходили с ним часовню три раза посолонь – исцелялись **от головной боли** [Тэффи, Соловки].

И **больно было в голове** от этого резкого медного крика и от палящего солнца, удалявшего злым лучом по завитку трубы [Тэффи, Счастливая].

От стихов **в голове стало совсем худо и даже страшно**. Ухватила я только одну фразу, но итога было довольно, чтобы прийти в ужас [Тэффи, Любовь и весна].

– Да, вы, действительно, правы, – тактично заметил жилец. – От политики у нас у всех **в голове трезвон шел** [Тэффи, Взамен политики].

Ей <городской женщине> подавай нелепейшую шляпу с перьями, бантами и шпильками, которыми она проткнет свою **многострадальную голову** [Аверченко, Смерть девушки у изгороди].

б) расположен мозг, а следовательно ум, рассудок

– Вот станьте-ка здесь в углу на колени – может быть, это отрезвит вашу **пустую голову**... [Аверченко, Невозможное].

В голове у него <у Котомко> **было пусто**, в ушах звенело, в сердце тошнило [Тэффи, Концерт].

Троцкий, посасывая мундштук, совсем, **с головой, ушел в газетный лист**... [Аверченко, Короли у себя дома].

Но **крепкоголовый** чиновник замотал **тем аппаратом, который возвышался у него над плечами** [Аверченко, Хлопотливая нация].

– Ежели **дурацкая голова** чего не понимает, должна молчать, – сказал член совета. – Никто их <жен> не гонит, а требуют только, чтоб печать приложили [П. Романов, О коровах].

– Господи, чуть-чуть не опоздала, – говорила старушка, отходя после записи, – **голова, как в тумане**, совсем.

Когда кончили работу и стали выдавать значки, оказалось, что старушке не хватило значка.

– Какой же тебе значок, когда тебе больше шестидесяти лет, могла бы совсем не приходиться.

– Господи батюшка, ведь вы ж меня записали. Вот все видели.

– Не полагается. Поняла? Свыше пятидесяти лет освобождаются от работы. А тебе сколько?

– Семьдесят первый, батюшка.

– Ошалела, матушка, приперла.

– **Стоит в голове туман какой-то**, ничего не поймешь, – сказала старушка.

...Все возвращались веселой толпой со значками на груди и смотрели недоброжелательно на встречающихся прохожих, шедших без значков.

...А старуха спешила сзади всех и бормотала:

– Вот **стоит в голове туман**, ничего не поймешь... [П. Романов, Значок].

В мою **затуманенную голову** давно уже просачивалась мысль, что лучше всего - поехать домой и хоть отчасти выспаться [Аверченко, Чад].

– Ежели у человека **голова с мозгом**, – пустяковой работы не будет, – сказал электрический монтер [П. Романов, Пробки].

Вдруг в очереди, где до того была тишина, послышался шум и крик.

– Что ж они мне дали-то?! – кричал какой-то человек в куртке, с недоумением глядя в полученную бумажку. – Я записан был по столярному делу, а они меня в булочную посылают?

– Молчи, дурак, что ты!.. Благодарю бога, что дали, – сказал пожилой человек в подпоясанной теплой куртке. – Тебе в булочной-то благодать будет. Будешь пироги есть да глазами хлопать, а ежели **голова на плечах есть**, так и там командовать можешь [П. Романов, Иродово племя].

Он <писатель Покойников> долго тер свою **талантливую голову**, стараясь придумать что-нибудь особенно трогательное, но не мог [Аверченко, История одного рассказа].

Слушайте, Заклятын... Я не знаю, на чем вы там помешались и каким **вздором** сейчас **наполнена** ваша **голова**... [Аверченко, Сазонов].

б) происходят мыслительные операции

Мог бы Синюхин сказать и то, что он пытался несколько раз вчитаться в книгу, несколько раз начинал «от сих», но сухие, не будившие пылкого воображения **факты путались в голове**, рассыпались и своей ненужной громоздкостью мешали Синюхину добраться «до сих», до этих милых, манящих каждого прилежного, зубрящего ученика своим уютом и грядущей свободой – «сих» [Аверченко, Невозможное].

Ведь вы получаете деньги не за то, чтобы дуться по ночам в винт, пить водку и потом являться на уроки в таком настроении, при котором никакая **география вам в голову не идет**... [Аверченко, Невозможное].

– Идиотская жизнь, – поддержал молодой человек. – Я вот целый час стою здесь, и **ничего** мне **не приходит в голову** [Аверченко, Коса на камень].

– Если мы любим кого-нибудь, то мы стараемся сделать для него все, что только в наших силах, но **называть почтенного человека курицей никому и в голову не придет** [Тэффи, О нежности].

Молодому Человеку **пришла в голову** оригинальная **мысль**: объяснить с девушкой и предложить ей руку и сердце [Аверченко, Сентиментальный роман].

И вдруг **в голове мелькнула** ужасная, потрясающая **мысль**: ее серьезно приняли за даму из общества [Аверченко, Веселый вечер].

Петя спать пошел, но думать про рака не перестал. Напротив, **мысль эта так засела у него в голове**, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Лошадки стояли с невыдранными хвостами, из заводного солдата пружина осталась невыломанной, в паяце пищалка сидела на своем месте – под ложечкой, – словом, всюду мерзость запустения. Потому что хо-

зяину было не до этой ерунды. Он ходил и раздумывал, как бы так сделать, чтобы рак поскорее свистнул [Тэффи, Когда рак свистнул].

В мою затуманенную **голову** давно уже **просачивалась мысль**, что лучше всего - поехать домой и хоть отчасти выспаться [Аверченко, Чад].

Изумленный Химиков взял свой кинжал и побрел домой. **В голове его мелькала мысль**, что сегодня можно к Полине не пойти, а завтра сказать, что с ним случилось странное приключение: какие-то неизвестные люди похитили его, увезли в карете и продержали сутки в таинственном подземелье [Аверченко, Страшный человек].

– Не бурчи под нос! – кричал Карпов. – Лицом к публике! Роли не знаешь! Роли не знаешь!

– Я знаю роль! – обиженно говорила Гринева.

– Знаешь? Ну ладно. Суфлер! Молчать! Пусть жарит без суфлера, на постном масле!

Карпов был плохой психолог. Никакая **роль в голове не удержится** после такой остротки [Тэффи, Псевдоним].

Лиза схитрила. Но что же оставалось ей делать? Ведь не признаться же прямо, что у них дома никаких мальчиков не бывает, и что ей и **в голову не приходило влюбиться** [Тэффи, Весна].

И могло ли кому-нибудь из взрослых, глядя на худенькую, белобрысую, стриженую девочку, тихо вяжущую бисерное колечко, – могло ли кому-нибудь **прийти в голову**, какие грозные и властные **мечты бродят в ее голове?** [Тэффи, Кишмиш].

А попробуйте ее <городскую женщину> обидеть... Ей ни на секунду **не придет в голову мысль** затаить обиду. Она сейчас же начнет шипеть, жалить вас, делать тысячу гадостей [Аверченко, Смерть девушки изгороди].

– Куда ж ты их пригнал сюда? – крикнул стоявший на площади высокий человек с лопаткой в руке.

– А я почему знаю?... Мне сказано сюда...

– Что у них там, **шарики, что ли, в головах не работают**, – уж третью партию ко мне присылают [П. Романов, Значок].

А попробуйте ее обидеть... Ей ни на секунду **не придет в голову мысль** затаить обиду. Она сейчас же начнет шипеть, жалить вас, делать тысячу гадостей. [Аверченко, Смерть девушки изгороди].

Это странное представление **рождается в мозгу**, вероятно, потому, что чаще всего мне приходилось видеть отца взбирающимся по лестнице, в сопровождении кряхтящих и ругающихся носильщиков [Аверченко, Отец].

3. Голова – человек

– Да с чего вы взяли, **дубовая голова**, что я хочу прыгнуть в воду? Просто я стоял на месте, где мне никто не мешал, и хотел выжать тему для нового фельетона [Аверченко, Коса на камень].

– Так-с, – говорит, – теперь, когда мы математически установили вздорожание жизни в месяц ровно вдвое (ох, и математик же был шельма! **Светлая голова!** Недаром – инженер!)... [Аверченко, Леденящая душу история].

Говорю ж вам – **светлая был голова инженер Пятеркин** – все высчитал – даже сторожей не забыл! [Аверченко, Леденящая душу история].

Когда в тихий дремлющий летний день вдруг откуда-то сорвется и налетит порыв ветра, как испуганно и озабоченно закачаются, зашелестят верхушки деревьев, как беспокойно завопят и защебечут примолкшие от зноя птицы, какой тревожной рябью вдруг подернется зеркально-уснувший пруд!

Вот так закачались и озабоченно, **удивленно защебетали венгерские, французские, японские головы**: так же доселе гладкие зеркально-спокойные лица подернулись рябью тысячи самых различных взаимно борющихся между собой ощущений – Русский? Да что вы говорите? Настоящий? [Аверченко, Русские в Европах].

– Здорово! – усмехнулся он <Кузя>. – Мы-то в простоте душевной думали, что «игра с Куколкой» – просто новенькая забава скучающей части русского мыслящего общества, а Моты-

лек – вишь ты, дай Бог ему здоровья – взял да и подвел под эту дурацкую историю прочный идеологический фундамент... **Умная голова – наш Мотылек!** [Аверченко, Шутка мецената].

Из двери начали показываться мужики и, надевая шапки, почему-то сначала оглядывались по обе стороны улицы. Человек пять нехотя пошло в ту сторону, куда ушел председатель. Остальные, посмотрев на них и опять на обе стороны улицы, тоже пошли.

– Эй, вы куда? – крикнул овчинник.

– Пойти посмотреть, что эти **умные головы** орудовать будут, – ответили уходившие [П. Романов, Кучка разбойников].

На длинной платформе вокзала колыхалось целое **море голов**, солдатских шинелей, со вскинутыми на плечи сундуками и мешками [П. Романов, Родной язык].

Из бокового окна **выглядывала голова** и печально продавала билеты [Тэффи, Прорвство рук].

Расположенные подобным образом лексические единицы могут быть снабжены гиперссылками, которые связывают их с однокоренными словами, демонстрируя эпидигматические отношения, с единицами, семантика которых развивается одинаково (например, в художественном, переносном значениях) либо с семемами, представляющими смежные лексико-семантические поля, и т.п.

Таким образом, конструирование электронного конкорданса открывает новые возможности в изучении функциональных свойств лексемы не только в синтагматическом и парадигматическом аспектах, но и позволяет интерпретировать ее ментальные характеристики в художественной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Автоматизация лингвистических исследований: корпус текстов как лингвистическая проблема // Русистика сегодня. – № 1 – 2/98. – С. 179 – 191.
2. Баркович А.А. Корпус текстов как источник и база новых номинаций // Словообразование и номинативная деривация. Материалы Международной научной конференции, посв. памяти профессора В.М. Никитевича. – Гродно, 2004. – С. 29 – 32.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998. – 768 с.
4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981. – 366 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002. – 264 с.
6. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999. – 368 с.
7. Михайлов М.Н. Компьютерное обеспечение корпуса текстов (Взгляд пользователя) // Русистика сегодня. – № 1 – 2/98. – С. 192 – 201.
8. Откупщикова М.И. Моделирование языка // Прикладное языкознание: Учебник / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Г.Я. Мартыненко и др. Отв. редактор А.С. Герд. – СПб., 1996. – С. 100 – 112.
9. Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. – Л., 1975. – 327 с.
10. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб., 1997. – 264 с.
11. Рыков В.В. Прагматически ориентированный корпус текстов // Тверской лингвистический меридиан: Теоретический сборник / Ред. И.П. Сусов. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 89 – 96 (<http://www.tol.tversu.ru/Meridian3.htm>).
12. Сичинава Д.В. К задаче создания корпусов русского языка в Интернете // <http://corpora.narod.ru/article/html> (Сентябрь, 2001).

УДК 81'374+81'373.612

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Л.Е. Бессонова (Украина, АРК, Симферополь)

В статье раскрывается концептуальное содержание понятия власть как одного из доминирующих концептов языковой картины мира. Рассматриваются функциональные особенности его лексикографического описания.

Ключевые слова: культурный концепт, языковая картина мира, лексикография.

У статті розкривається концептуальний склад поняття влада як одного з домінуючих концептів мовної картини світу. Розглядаються функціональні особливості його лексикографічного опису.

Ключові слова: культурний концепт, мовна картина світу, лексикографія.

In the article is discussed conceptual maintenance of conception "power" as one of the fundamental concept of linguistic world's picture.

Key words: culture concept, language world picture, lexicography.

Лингвистика последних десятилетий характеризуется возникновением новых научных парадигм, что приводит к поиску эффективных методов исследования. Одним из приоритетных направлений в изучении концептов является его лексикографическое описание. При этом необходимость обсуждения основных положений теории концепта вызвана тем, что практически неисследованным фрагментом коммуникативно-функциональной парадигмы являются модели смысловой реализации концептов.

Основные цели статьи: 1) определение семантического содержания концепта «Власть» как одного из центральных социокультурных концептов, образующих основу институционального дискурса; 2) выделение концептуальных зон поля *власть* как системных языковых образований; 3) построение модели смыслового воплощения феномена *власть* в русской политической коммуникации.

Определив, таким образом, основные цели нашего исследования, прежде сделаем ряд важных замечаний.

Первое. При описании концептуального содержания лексемы *власть* важной остается проблема соотношения языка и власти: во-первых, способы концептуализации *власти* и, во-вторых, возможности реализации понятия *власть* в языке.

Второе. Исходя из социально обусловленного характера концепта *власть* комплексное исследование данного явления не должно ограничиваться лингвистическим описанием: перспективы научного осмысления данного концепта предполагают использование методов социолингвистики и когнитивного анализа.

Концептуальное изучение «языка власти» предполагает на первом этапе установление системных отношений семантической структуры слова-имени концепта. Отметим сразу, что семантическая структура лексемы *власть*, на первый взгляд, не самая интересная – «не блещет семантическим богатством». И не только, вероятно, оттого что лишена ярко выраженных в языке символических значений. Однако, устанавливая семантическое содержание его полисемантической структуры, мы можем построить, как говорят лингвисты, «семантические мосты между значениями», описывая тем самым время и идеи, характерные для исследуемого концепта.

Отсюда становится понятной и ценность диахронического рисунка слова *власть*, который позволяет увидеть первичные понятийные признаки, лежащие в основе концепта. Такие наблюдения над происхождением обозначений власти, например, в индоевропейских языках относятся к одному из наиболее исследованных аспектов семиотической истории политической коммуникации, что подтверждает особую роль описываемого концепта для мысли о человеке и мире. Здесь было бы уместно вспомнить список генетически исходных смыслов *Власти*, составленный Э.Бенвенистом на материале индоевропейских языков: Царь (власть) – прямая линия – справедливость; власть – авторитет – сила – превосходство; власть – чудо – религия; власть – общение – говорение [2:249–292].

В «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Преображенского отмечается, что лексема *власть* в русском языке выделилась из церковнославянского (изъ владети, отъ власти) и получила др.-рус. вариант *волость* в значении «власть», «право», «государство», «область» [9:88]. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [16:327, 344], «Историко-этимологический словарь русского языка» связывают ст.-слав. *volǫtь > volstь* с и.-е. *ual –d (h)- (корень *ual- «иметь силу», «быть сильным»), подтверждая семантическую наполненность слова компонентами «осуществлять право собственности в отношении чего-л.», «обладать чем-л.», «управлять», «иметь силу» и в других языках: укр. влада, белорус. улада, болгар. власт, сербохорв. власт, чеш. vlast, пол. władza, wlosc, лат. valsts, лит. valdz'ia, др. нем. waltan, дат., норв. volde, лат. valeo [18:156-157].

Таким образом, история рождения слова *власть* позволяет зафиксировать время формирования концепта; эволюцию его доминантных признаков определяет лексикографический анализ, проведенный на материале словарей различных временных срезов.

«Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)» выделяет пять лексико-семантических вариантов: 1. Область, княжество, государство. // Население определ. территории, организ. в виде отряда, войска. 2. Владение, собственность. 3. Власть, господство, владычество. // Могущество, сила. 4. Право, возможность что-л. делать. 5. *Мн.* Лица, облеченные властью [12:444-446]. Нетрудно заметить, что с течением времени семантическая структура слова начинает изменяться: в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» мы находим четыре ЛСВ, объединенных интегральными семами «сила», «господство». Семантический компонент «область, территория» сохранил вариант 3. *Область, находящаяся под одной верховной властью, приближающийся к периферии семантической структуры.* Ясно, что в этом случае нужно говорить не о новом значении, а о модификации имеющегося значения как результате одного из активных процессов семантики политического слова. Заметим при этом, что семантический вариант «область, государство», характеризующий территориальный признак данной лексемы *власть*, просуществовал до конца XVIII века, а затем в результате семантического перехода закрепился в структуре самостоятельной языковой единицы «владение» – в прошлом, как уже отмечалось нами, одного из значений слова *власть*. Интересное наблюдение: в языке XVI –XVII вв. в семантике слова впервые появляется значение «власть – возможность поступать по своей воле», т.е. возможность реализовать свои желания. Каким образом соотносятся *власть* и *воля*, какие семы активизируются в семантической структуре слова *воля* для создания концептуального образа власти – предмет наших будущих изысканий.

Совершенно очевидно, что *воля* входит в ряд важных культурных понятий и природа этого концепта была описана не только с точки зрения его семантики, но и с позиции культурно-исторических представлений о нем (А.Вежбицка, А.Д. Шмелев, Е.В. Урысон). Семантический компонент *воля* доминирует в трактовке лексемы *власть* в «Словаре Академии Российской (1789): 1. Воля, произвол, свобода делать то, что заблагорассудится. 2. Начальство, право управлять и повелевать другими. 3. Означает также и самого начальника, правителя. [11:748].

«Социальный компонент» *право* становится определяющим при толковании лексемы *власть* в «Словаре русского языка, составленном 2-м отделением императорской Академии наук» (1895): 1. Право, сила или возможность действовать по своей воле или по обязанности. *Это не въ моей власти, отъ меня не зависит.* 2. Сила, могущество. *Подъ властью страстей, – идеи.* 3. То же, что должность. 4. Начальство, лицо, облеченное властью. Последнее значение, относящееся к субъекту, грамматически маркировано – *особенно мною*.

Таким образом, семантические компоненты слова *власть*, выделенные в результате лексикографической интерпретации, позволяют говорить о наличии общей системы концептуальных признаков, которые конструируют данный образ в наивной картине мира: *право, сила, влияние, воля, обязанность*.

Такой цельный образ *власти* талантливо создает В.И. Даль: право, сила и воля, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; // начальство, начальник или начальники, ср.: *Всякому дана власть надъ своимъ добромъ. Законъ определяетъ власть каждому должностнаго лица, а верховная власть выше закона. Всякая власть Богу ответъ даетъ* [4:213]. Как отмечает В.И. Даль, *властный* – тот, кому дана власть, сила, право и воля распоряжаться; сильный и могучий властью; *властно* – вольно, свободно и по праву.

Общеизвестно, что культурный концепт отличается силой своей ценностной составляющей. Оценка *власти* как объекта является условием формирования концепта в сознании определенного культурно-языкового сообщества. Естественно, «оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир» [1:181]. В словарном этюде «Власть» В.И. Даля такими ценностными

парадигмами, которыми живет человек во властных отношениях, являются *право и свобода/воля*.

Толковые словари XX века демонстрируют различную семантическую наполненность слова *власть*. Так, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935) четко выводит определенные взаимоотношения (управление, подчинение, влияние) между людьми в качестве одного из основных значений слова *власть*: 1. *только ед.* Право и возможность подчинять кого-что-н. своей воле, распоряжаться действиями кого-н. *Государственная в. Братъ, взять в. Быть под властью кого-н., во власти кого-н. Иметь в. над кем-то.* 2. Права и полномочия правительства, правительственного лица (*полит.*) *Вся власть Советам!* (лозунг Октябрьской революции). 3. *только ед.* Образ правления, государственный строй (*полит.*). *Советская в.* 4. *перен., только ед.* Могущественное влияние, принудительная сила. *В. тьмы. В. золота.* 5. *чаще мн.* Лица, облеченные властью, начальство. *Местная в. Да он властей не признает!* Грибоед. [15:310]. Иллюстративный материал словарной статьи включает в себя и связанные, фразеологические сочетания, что подчеркивает идею власти в неограниченном социальном пространстве.

Так, категориально-смысловой признак «действие-отношение» концепта *власть*, обозначенный в словаре советской эпохи, прочно входит в лексикографический дискурс и постсоветского времени, представляя собой одну из его языковых реализаций.

Однако при описании имен культурных концептов в современной практике словарных интерпретаций всё заметнее становится процесс семантического сдвига – смещение акцента с социального компонента на личностный. «Словарь современного русского литературного языка» в 20-ти т. дает глубокое понимание лексемы *власть*: 1. Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л. – *Голова моя в твоей власти, отпустишь меня – спасибо; казнишь – бог тебе судья. Пушкин. Кап. дочка.* 2. Могущественное влияние чего-л.; неодолимая сила чего-л. *Власть денег, золота.* 3. Форма управления страной. *Советская власть.* 4. Право и возможность управления государством. *Законодательная власть. Исполнительная власть.* 5. *Обычно мн.* Органы государственного и местного управления. *Местные власти. Сельская власть.* // О должностных лицах, начальстве, администрации.

На основании описанных лексикографических фактов можно выделить несколько гиперсем внутрисловной парадигмы слова *власть*, которые и составляют сущность «функционально-семантического варьирования» (Э.В. Кузнецова): *право (как возможность или полномочия), сила, влияние, система государственных органов, лица*. Эти гиперсеммы «пронизывают» всю историю слова и отражают социальные и культурные аспекты его когнитивного мира. Являясь концептуальными признаками, они структурируют пространство *власть*, разделяя его на две концептуальные зоны: *власть – влияние, власть – система*.

При точном и полном конструировании образа власти как фрагмента концептуальной модели мира нам представляется важным обращение к научным трудам по политологии, философии и социологии. Отметим, что в большинстве научных определений *власть* трактуется как многоаспектное и универсальное явление, проявляющееся в различных сферах человеческой деятельности, более того, на всех уровнях социальной субъектности: политическая, президентская, экономическая, олигархическая, духовная, избирательная, военная, теневая *власть*, ветви государственной власти – законодательная, исполнительная, судебная *власть*, четвертая *власть* (информационная), пятая *власть*, родительская, семейная *власть*.

Кроме того, данный феномен имеет свои формы: господство, руководство, управление, организация, контроль, а также свои методы: авторитет, право, насилие, убеждение, манипуляция. Все эти системообразующие параметры, выделенные на основе лексикографических описаний, позволяют сделать вывод о реляционном характере власти: *власть – это всегда отношение, взаимосвязь, власть кого-то над кем-то, власть – взаимодействие между теми, у кого она есть, и теми, у кого ее нет*. Эти характеристики и представляют смысловое содержание *власти* в «Большом энциклопедическом словаре» (2002) как «особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю» [3:134]. Заметим при этом, что, по теории М.Фуко, такая способность лежит в основе процесса конфликтующих отношений, пронизывающего силовыми полями весь социум, все общество [17:45].

«Краткий словарь по социологии» (1988) дает следующее определение *власти*: «*Власть – форма социальных отношений, характеризующихся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций и насилия*» [5:29].

Словарь-справочник «Политология» (2001) предлагает рассматривать *власть* как «один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение по крайней мере

между двумя субъектами, один из которых подчиняется распоряжениям другого, в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы» [7:34].

Таким образом, слово *власть* включает в себя понятие особого волевого отношения, при котором основными структурными элементами являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения действий другого агента (объекта), и объект власти – агент, изменение деятельности которого есть следствие воздействия со стороны субъекта. При отсутствии каузальной связи между ними никакие отношения не могут считаться властными.

Идея субъективизма проявления власти убедительно обоснована в «Современном философском словаре» (2004): это способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии (авторитет, силу, традиции, закон, технологии манипулирования сознанием и т.д.)... Сама природа отношений, отношений зависимости, независимости и взаимозависимости между всеми уровнями социальной субъектности, и составляют основу универсализма власти [14:111]. С этой точки зрения власть предстает и как самостоятельное общественное отношение, и как определенное измерение, сквозь призму которого мы можем понимать качество и смысл других социальных отношений.

Исследованные нами научные интерпретации «поля власти» позволили определить и его структуру, которое организуется не только в разных сферах общества, но и на трех уровнях социальной структуры: общественном, публичном и личном. Можно конструировать различные концептуальные типологии понятия *власть* в соответствии с особенностями ее функционирования. Однако цели лингвистической статьи не предполагают подробного описания этих типологических признаков, поэтому ограничимся лишь универсальными характеристиками поля, проясняющими механизмы концептуализации власти.

Следуя традициям лингвистических лексикографических изданий «Словарь современных понятий и терминов» (2002) отмечает две составляющие одного понятия «власть»: 1) возможность и способность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-л. средств – авторитета, воли, права, насилия; 2) социально-политическое господство, система государственных органов [13:77].

Здесь же уточним, что характер социального отношения власти обуславливает и различные способы ее реализации в коммуникации. По справедливому утверждению Н.Лумана, функция власти состоит как раз именно в том, что власть устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, основываясь при этом на каузальных связях [6:23, 25]. Эта идея созвучна с представлением власти Р.Бартом: власть существует в форме дискурсивных стратегий, выражая себя через язык «идеологической природы».

Сопоставление словарных описаний приводит к мысли о том, что репрезентации понятия *власть*, соотнесенного с ценностным объектом, в обыденном и научном сознании не различаются.

Однако «непосредственная данность жизни», острые социальные изменения или политические потрясения обязательно вносят свои коррективы в концептуальное представление мира. И это объяснимо известным постулатом лингвистического концептуализма: концепт как общее представление об объекте следует рассматривать как ментальное образование с нечеткими границами. Анализируя специфику политического дискурса, Л.Н. Синельникова отмечает: «Слабая верифицируемость контекстом действительной жизни общества объясняет феномен семантической дихотомии: слово пребывает в двух пространствах – в словарной кодификации, ориентированной на этимологическую строгость толкования, и в объяснительных дискурсах так называемой «стихийной лингвистики»... Обострение языковой рефлексии носителей языка, стремление самостоятельно (на уровне обыденного сознания) объяснить значение слова или выражения – своеобразная реакция на замечаемую обществом мимикрию понятий, их «неустойчивую» концептуализацию [10:85].

При достаточно полном анализе современных интерпретаций политической власти несложно отметить два концептуальных подхода: субстанциональный, рассматривающий власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта, и реляционный, описывающий власть как социальное отношение между людьми или группами людей, обществом или его частями, т.е. субъектами, наделенными сознанием, волей, способностью к деятельности.

Власть как объект управления субъектом может быть приобретена, передана, завоевана, утрачена, потеряна. Независимо от содержания или характера события она является целью борьбы или существования в обществе: *иметь, получить, приобрести, передать, захватить, завоевать, перехватить, утратить, лишиться, потерять, отказаться от власти, претендовать на власть, мечтать о власти, добиваться власти, любить власть, жаждать власти, разочаровываться во власти, злоупотреблять властью, передел власти*. В этом

случае власть может быть осмыслена как физический предмет с четкими границами, который может «уместиться в руках и быть перемещаемым в пространстве» (О.Г. Ревзина). Обозначенность в пространстве позволяет определять и местонахождение других субъектов относительно него: *стоять у власти, быть при власти/под властью, идти к власти, двигаться к власти, попасть под власть, вхождение во власть, восхождение к власти, рваться к власти.*

Как и все физические предметы, с одной стороны, этот объект имеет свои пространственные параметры, то есть определяется формой и ее геометрическими характеристиками: *пирамида власти, вертикаль власти, властная вертикаль, треугольник власти.* С другой стороны, этот объект сам определяет открытое пространство, в котором разворачиваются политические события и действия: *властное поле, арена власти, властное пространство, география власти; границы, пределы, горизонты власти; фасад власти.* Власть может быть определена размером и масштабом: *огромная, большая, неограниченная, полнота власти, измерение власти, мера власти.*

Так как реальным воплощением власти являются люди, то и смысловая реализация концепта *власть* связана с действенным характером субъекта: *власть думает, решает, заявляет, борется, берет на себя ответственность, пользуется поддержкой, протестует, боится, преследует, разочаровывает, уклоняется, игнорирует, контролирует и т.д.*

При такой дуальной модели концептуального содержания *власти*, отмеченного словарями как субъектно-объектные отношения, совершенно очевидными оказываются и характеристики власти как субъекта с активным началом: *чистая, прозрачная, грязная, позорная, чужая власть, наша/своя власть – их/другая власть.* В этом еще один взгляд на *власть* с точки зрения оценки говорящего, когда концепт становится объектом рефлексии как в политическом, так и бытийном дискурсах.

Итак, 1) являясь одним из основных социокультурных концептов, концепт «*власть*» структурирует политическую лексику и терминологию от ядра до периферии несколькими гиперсемами; 2) концептуальное поле «*власть*», образуемое концептом как системное полевое образование, весьма чувствительное по своей природе, тонко реагирует на социально-политические события, вбирает в себя новые лексемы и возвращает старые, забытые для заполнения образовавшихся лакун; 3) историческая семантика многозначной структуры слова *власть* позволяет описать его концептуальное содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. – 456 с.
2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – Т.1. – М., 1959. – 717 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – Т.1. – М., 1964. – 562 с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-т. – Т.1. – М., 1999.
5. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. – Т.1. – М., 1988. – 526 с.
6. Словарь Академии Российской. – СПб.: При Императорской Академии Наук. – Ч.1. – отъ А до Г. – 1789. – 1150 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. –Т.1. – М., 1989. – 699 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т.1. – М., 1935. – 1562 с.
10. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. научн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн, 2002. – 1008 с.
11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. – М., 1996. – 448 с.
12. Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. – М., 1988. – 479 с.
13. Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин. – М., 2001. – 328 с.
14. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М., 2004, – 864 с.
15. Словарь современных понятий и терминов / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. Сост. В.А. Макаренко. – М., 2002. – 527 с.
16. Луман Никлас. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М., 2001. – 256 с.
17. Синельникова Л.Н. Подвижность вербальной среды как свойство языка и возможность манипуляции сознанием // Культура народов Причерноморья. – 2003. – №37. – С. 83-87.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

УДК 81'44=161.1=161.2=162.1

ЗІСТАВНИЙ АНАЛІЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИХ СТРУКТУР СЛОВТВІРНИХ ГНІЗД З ВЕРШИНАМИ *САЖАТЬ, САДИТИ І SADZIC*

Н.О. Ярошенко (Україна, Донецьк)

Стаття посвячена сопоставительному аналізу лексико-семантичних структур словообразовательних гнезд з вершинами *сажать, садити і sadzić* в російському, українському і польському мовах XIX-XX вв.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, сопоставительный метод, семантика, производящее слово, производное слово.

Статтю присвячено зіставному аналізу лексико-семантичних структур словотвірних гнізд з вершинами *сажать, садити і sadzić* у російській, українській і польській мовах XIX-XX ст.

Ключові слова: словотвірне гніздо, зіставний метод, семантика, твірне слово, похідне слово.

The article deals with comparative analysis of lexical-semantic structures of derivational families with basic verbs *sazhat', sadyty and sadzicz* in Russian, Ukrainian and Polish languages of the 19-th-20-th centuries.

Key words: word-forming family of words (derivational family), comparative method, semantics, primary word, derivative word.

У сучасній дериватології набуває актуальності вивчення словотвірних систем кількох споріднених або типологічно дистантних мов на підставі зіставного аналізу комплексних одиниць словотвору (див., наприклад, [1; 4; 17; 18; 19]).

У пропонованій статті ми ставимо собі за мету зіставити лексико-семантичні структури словотвірних гнізд (далі – СГ) з вершинами *сажать (садить), садити (сажают, садовити, сажают)* і *sadzić (sadzać, sadowić)* у російській, українській і польській мовах XIX-XX ст.

Під лексико-семантичною структурою СГ, слідом за О.М. Тихоною, розуміємо “сукупність значень, що передаються всіма спільнокореновими словами в гнізді, у їх системних зв'язках і взаємовідношеннях” (цит. за [11:56]).

Отже, предметом вивчення передусім є такі аспекти:

1. Реалізація моно- і полісемії похідних у складі зіставлюваних СГ.
2. Повна й неповна семантична співвіднесеність у парі “твірне → похідне”, а також різновиди неповної семантичної співвіднесеності.

У дериватології вже накопичено певний досвід вивчення семантичних відношень між твірними і похідними словами (роботи О.М. Тихонова, І.О. Ширшова, І.І. Ковалика, О.П. Єрмакової, О.С. Кубрякової, Н.О. Пугієвої та ін.) [15; 21; 8; 3; 9; 12]. Проте на сьогодні як у лексикології, так і в дериватології залишаються дискусійними проблеми опису лексичного значення, полісемії (статус лексичних значень у семантичній структурі багатозначного слова, розмежування окремих лексико-семантичних варіантів (далі – ЛСВ) і відтінків значень, з'ясування ієрархії ЛСВ), визначення меж між омонімією й полісемією, мотивованості/немотивованості, вивчення різноманітних семантичних змін (зокрема семантичної декореляції похідних і твірних слів) тощо.

Під час укладання схем СГ ми спиралися на зразки статей у словотвірних словниках О.М. Тихонова [16] і Є.А. Карпіловської [7]. При дослідницькому формуванні СГ, по-перше, гнізда були доповнені фактичним матеріалом, дібраним шляхом суцільної вибірки з різнотипних лексикографічних джерел, із творів художньої літератури, джерел ЗМІ (для польської мови використовуються аналогічні джерела); по-друге, у деяких випадках вилучалися або додавалися певні лексеми з огляду на різні погляди щодо синхронних меж СГ (російський іменник *сад*, українське дієслово *надсадити* та їхні похідні); по-третє, видозмінюємо спосіб інтерпретації схем СГ за рахунок розширення так званих зон схеми, які містять додаткову інформацію щодо компонентів гнізд.

Цією додатковою інформацією є 1) позначення за допомогою низки умовних символів лексикографічних або інших джерел, у яких фіксується та чи інша лексема (для нас це передусім компонент СГ); 2) відображення у круглих дужках після символу кількості значень слова за кожним із джерел; 3) наприкінці у квадратних дужках після знаку тире подано загальну кількість значень слова, що її отримано внаслідок аналізу різних словникових статей.

Слова, які залучаємо до складу СГ із творів художньої літератури, джерел ЗМІ, словників, де немає фіксації семантичних структур слів, розглядаємо як однозначні (навіть за наявності контексту вони реалізують у ньому одне значення). Наприклад: “Завтра, 16 сентября, как обещают синоптики, будет ясно и *безосадисто*, т. е. дождя не будет” (15.09.2001 “ХитFM”), “*Лысо-насаждения*, лысопарок – пейзаж современного города” (Ф. Кривин), “...грузчики-берегаши торопливо швыряют в трюм пустые бочки, – кранец им, разумеется, лень подставить, и от ударов клепки разойдутся, бондарю будет работа *переосаживать* обручи...” (Г. Владимов); *садорозведення, посадовець, зліт-посадка; przesadzarka* ‘машина для пересадки’, *zasadowo, zasadolubny*.

За даними деяких лексикографічних джерел, зокрема словника В.І. Даля, семантична структура полісемантичного слова може бути визначена тільки умовно, оскільки тут відсутнє чітке розмежування окремих значень і відтінків значень. Наприклад: *всадъ* Даль [> 2] → *всадъ-к(а)* Даль [> 2].

Для тих твірних слів, що їх не зафіксовано в жодному із джерел, хоча наявні їхні похідні слова, семантична структура “відновлюється” на підставі значень деривата. Звичайно, не можна виключати можливості утворення подібних слів шляхом черезступенчатого словотвору, механізмом якого, як відомо, керує закон аналогії. До структури СГ з метою запобігання зайвої лакунарності вводимо твірні слова зазначеного типу із позначкою “*” як такі, що гіпотетично відновлені у складі словотвірних ланцюжків (пор. [2, с. 5]). Наприклад: рос. **сад-ЫКНУ(ть)* [≈ 1] → *садыкнутъ-ся* НО (1) [= 1]; укр. **засад-ник* (≈ 1) [≈ 1] → *засаднич-ок* ‘хліб’ НД (1) [= 1]; пол. **przesadzka-ować* [*=1] → *przesadzkowa-ni(e)* SJPД (1) [= 1].

Проте в переважній більшості випадків виведення цифри у квадратних дужках, що відповідає загальній кількості значень слова як компонента макрогнізда, не є наслідком простого зіставлення й додавання даних різних лексикографічних джерел, а являє собою результат тривалого й багатоетапного аналізу.

Можна виділити декілька головних причин, що зумовлюють необхідність такого аналізу:

1. Кількість значень певною мірою визначається обсягом і типом словника.
2. *Розбіжності також визначаються різним порядком розташування значень (навіть для тих випадків, коли відбито майже однаковий семантичний обсяг), тобто різні погляди на ієрархію ЛСВ.*
3. Різне трактування розмежування значень слів (ЛСВ) і відтінків значень (підзначень).
4. Дискусійні питання щодо встановлення межі полісемії й омонімії.
5. Непослідовне врахування полісемії похідних слів, що є результатом співвіднесення із ЛСВ багатозначного твірного слова (пор. аналіз у монографії С.О. Соколової семантичних структур похідного слова *пересажают* і його твірного *сажать* [13, с. 259]).

Зрозуміло, що першим етапом вивчення лексико-семантичних відношень між компонентами СГ є встановлення семантичної структури його вершини, оскільки базове слово (слова) гнізда є вихідним елементом усіх словотвірних ланцюжків і являє собою своєрідний семантичний інваріант СГ. Зіставлення діапазону ЛСВ у семантичних структурах вершин аналізованих СГ трьох мов за даними лексикографічних джерел виключно літературної мови подано в одній із наших статей [22]. На наступному етапі аналізу з’ясування семантичної структури кожного із дієслів-вершин здійснювалося на підставі даних усіх джерел, де це слово зафіксовано. Наведемо кінцеві результати цього аналізу:

1) рос. *сажать* Т БАС (16) МАС (11) У (12) О (6) Еф (15) БТС (10) Даль ПА (1) ДГ (1) Де (1) [= 16];

2) рос. *садить* Т БАС (2=17) МАС (3=11) У (12) О (2) Еф (2) БТС (3=6) Даль СП (5) КП (1) СЗ (1) ВС (1) ДВ (3) ПА (3) ЗБ (1) НГ (1) НО (3) СУ (1) ЭС (1) БСЖ (2) [=17]

3) укр. *садити* СУМ (9) ВТС (8) НТС (8) СГр (3) НД (1) ЖЗ (1) [= 9]

4) укр. *саджати* К СУМ (7) ВТС (7) НТС (7) СГр (1) [= 7]

5) укр. *садовити* К СУМ (9) ВТС (9) НТС (8) СГр (1) [= 9]

6) укр. *сажати* К СУМ (≈ 9) ВТС (≈ 9) НТС (≈ 8) СГр (4) [≈ 9]

7) пол. *sadzić* SJPД (5) Sz (4) MSP (3) SWP (II/2) STG (2) TWM (1) [= 5]

8) пол. *sadzać* SJPД (3) Sz (3) MSP (1) SWP (2) STG (1) [= 3]

9) пол. *sadowić* SJPD (2) Sz (1) MSP (1) SWP (1) [= 2]

Прокоментуємо деякі похідні слова у складі зіставлених СГ, під час з'ясування семантичних структур яких доводилося зважати на вищезазначені дискусійні питання:

(1) рос. *сад-ок* II Т БАС (5) МАС (3) У (3) О (1) Еф (III/5) БТС (4) БСЖ (4) Даль И (1)

СУ (1) Де (1) НГ (1) ВС (1) [= 8]

Семантичні структури слова *садок* II (щоправда, у словниках воно супроводжується індексом I, у той час як індекс II має омонім, який є зменшувально-пестливим дериватом від *сад*) у тому вигляді, у якому вони репрезентовані в БАС, МАС, словниках Д.М. Ушакова, С.І. Ожегова, С.О. Кузнецова, перебувають між собою у відношеннях включення (розбіжності полягають у визначенні статусу ЛСВ і розрізненні окремих ЛСВ і відтінків значень) [БАС XIII, стлб. 45; МАС IV, с.12-13; У IV, стлб. 23; О, с. 681; БТС, с. 1140]. У територіально-діалектних словниках це слово фіксується із значеннями тотожними до тих, які відомі в літературній мові. У деяких випадках ці значення дещо конкретизуються, проте загалом вони перебувають у межах значень, що є спільними із літературною мовою: пор. 1. 'штучне водоймище для утримання і розведення риби; // прилад для утримання живої пійманої риби' [БАС XIII, стлб. 45] – і 'яма, що її вибито у льоді, звичайно чотирикутної форми, наповнена водою для тимчасового утримання живої риби' [ВС 1931, с. 99], 2. 'приміщення для утримання, розведення чи відгодівлі тварин, птиці' [БАС XIII, стлб. 45] – і 'курятник' [И III, с. 3], 'гратчастий ящик, зроблений із дощок чи дранки або сплетений із лози, призначений для перевезення порослят' [Де, с. 499], 'вулик' [СУ V, с. 104], 'корзина із кришкою для підсадних вуток' [НГ X, с. 4]. Наведені діалектні значення слова *садок* II розглядаємо як такі, що накладаються на відповідні значення цього слова в літературній мові, тобто вони мають статус підзначень у семантичній структурі слова *садок* II як елемента макрогнізда. Натомість значення жаргонізму *садок* розподіляємо за цією ознакою на дві групи: 1) 'трамвай, автобус, тролейбус' [БСЖ, с. 520] – із статусом підзначення, свого роду конкретизація словотвірного значення 'місце, а саме: місце дії' і 2) 'зупинка громадського транспорту', 'кишенькова крадіжка під час посадки пасажирів до громадського транспорту' [БСЖ, с. 520] – із статусом окремих ЛСВ. Щодо межі між окремим ЛСВ і підзначенням, то в цьому випадку (насамперед нас цікавлять значення 'трамвай, автобус, тролейбус' і 'зупинка громадського транспорту', оскільки інші значення – це результат розвинутої полісемії) визначення статусу окремого ЛСВ чи підзначення здійснюємо на семному рівні. Для наведених територіально-діалектних підзначень і підзначення 'трамвай, автобус, тролейбус' із відповідними літературними ЛСВ, конкретизацією яких вони виступають, спільною є сема 'приміщення, місце із зовнішніми окресленими межами', у той час як інші значення слова *садок* II як жаргонізму – це конкретизація словотвірного значення 'місце дії', для якого притаманна просторова локалізованість у її загальному вигляді. Під час визначення значень слова *садок* II виникає проблема розмежування полісемії й омонімії, оскільки у словнику Т.Ф. Єфремової п'ять значень цього слова, із якими воно фіксується в БАС, розведені по трьох омонімах [Еф II, с. 535]. Оскільки приєднуємось до позиції тих словників, де для цього слова подано не омонімію, а полісемію, то в зоні слова після символу словника Т.Ф. Єфремової у круглих дужках наводимо римську цифру три (у цьому лексикографічному джерелі цьому слову відповідають три омоніми), а після скісної риски наводимо цифру п'ять (сума значень цих омонімів дорівнює п'яти, і ці значення можуть розглядатися як такі, що ще не настільки втратили семантичну близькість, щоб відбувся розпад полісемії). Отже, після аналізу з'ясували, що семантична структура слова *садок* II як компонента макрогнізда складається з восьми значень, або ЛСВ.

(2) рос. *высаживать-ся* 1 Т БАС (2) МАС (2/1=3) У (1) Еф (2/1) БТС (1=3) Даль [= 3]

По-перше, із зіставлення із словом *высаживаться* 2 впливає, що маємо справу з явищем множинності словотвірної структури слова (як і в словнику О.М. Тихонова, множинність словотвірної структури слова позначається за допомогою арабських цифр [15, с. 327]). У словниках у слова *высаживаться* фіксується від одного до двох значень [БАС II, стлб. 1208; МАС I, с. 228; У I, стлб. 497; Еф I, с. 272; БТС, с. 181]. По-перше, за наявності у словнику двох значень цього слова (значення недоконаного виду і значення пасивного дієслова) з огляду на явище множинності словотвірної структури "залишаємо" те значення, яке співвідноситься із цією структурою, тобто те значення, яке слово реалізує як активне дієслово недоконаного виду. На наступному етапі співвідносимо це значення слова *высаживаться* як активного дієслова недоконаного виду із семантичною структурою його твірного слова – дієслова *высадиться*. Отже, дієслово *высаживаться* має три значення. Графічно в зонах схеми СГ ці етапи аналізу після символів джерел наведено так: (2/1=3) або (1=3), а на останньому синтезуючому етапі – [= 3].

(3) рос. *засажива-ни(е)* Т БАС (1=4) МАС (1=4) БТС (1=4) Еф (1=4) Даль [= 4]

Іменник *засаживание* являє собою *nomina actionis* від дієслова *засаживать* I. Якщо виходити із словникових статей цього слова в лексикографічних джерелах, то можна зрозуміти, що

цей іменник – однозначний [БАС IV, стлб. 874; МАС I, с. 569; Еф I, с. 522; БТС, с. 334]. В усіх словниках, де зафіксований цей іменник, семантизація його здійснюється шляхом відсилання до семантичної структури твірного дієслова. Проте залишається неясним, яким є, так би мовити, обсяг цього відсилання. По-перше, певні труднощі створює скорочення слова *значення* (рос. *значение*) у формулюванні на зразок *засаживание* ‘дія за значенням (значеннями – ?) дієслова *засаживать*’ [БАС IV, стлб. 874; МАС I, с. 569] або ‘процес дії за значенням (значеннями – ?) дієслова *засаживать*’ [Еф I, с. 522]. По-друге, на цьому тлі для часткового словотвірного синоніма *засадка* ← *засадить* чітко окреслено семантичну структуру, а саме: *засадка* ‘дія за дієсловом *засадить*–*засаживать* у першому значенні. *Засадка клумбы цветами*’ [БАС IV, стлб. 873; МАС I, с. 569; БТС, с. 343-344]. Отже, із сказаного випливає, що під час аналізу словникових тлумачень семантики слова *засаживание* було виявлено неврахування полісемії цього слова, яка виникла за рахунок твірної основи – іменник *засаживание* є чотиризначним, тобто це результат відображеної (рос. *отраженной*) полісемії.

Варто зауважити, що на відміну від Н.О. Пугієвої [12:92] термін *відображена полісемія* вживаємо в широкому розумінні, тобто по відношенню не тільки до успадкованих похідним словом переносних значень твірного, а також щодо успадкованих прямих значень. Н.О. Пугієва за цими ознаками розмежує відображену полісемію (для успадкованих переносних значень) і паралельну деривацію (для успадкованих прямих значень). Вважаємо, що як явище паралельної деривації (частковий випадок **словотвірної** полісемії) не можна розглядати ті випадки, коли різні лексичні значення похідного слова виникають “на базі не одного, а двох чи декількох значень твірного. Лексичні значення похідного і твірного у цьому випадку знаходяться у відношенні симетричної відповідності” [12:121]. Це рівень лексики, а не словотвору, і тут немає “результату неодноразової деривації різних словотвірних моделей” (трактування паралельної деривації за І.О. Ширшовим) (цит. за [12:118]).

Слово *засаживание* у всіх своїх лексичних значеннях має **одне** словотвірне значення ‘дія за значенням дієслова’, тобто значення абстрактної процесуальної дії. У той час як різні значення багатозначного дієслова *отвести* ‘ведучи, доставити куди-небудь’ (*отвести детей в школу*) і ‘ведучи, спрямувати в бік’ (*отвести ребенка к окну*), що мотивуються одним значенням твірного дієслова *вести* ‘допомагати йти, супроводжувати того, хто йде’ (приклад Н.О. Пугієвої) [12:120], конкретизують **різні** часткові словотвірні значення, а отже, являють собою “різні реалізації однієї словотвірної моделі” [12:120] і є прикладом паралельної деривації.

(4) рос. *осад-к(и)* БАС (1) МАС (4/1) У (4/1) О (1) Еф (1) БТС (4/1) [= 1]

Іменник *осадки* ‘атмосферна волога’, який до складу СГ російської мови вміщено як кодериват із словом *осадок*, у лексикографічних джерелах подається або як одне із значень іменника *осадок* [МАС II, с. 642; У II, стлб. 856; БТС, с. 727], або як окрема лексема [О, с. 451; Еф II, с. 1145]. Своєрідну проміжну позицію посідає спосіб фіксації цього слова в БАС, де, з одного боку, його значення розкривається в межах семантичної структури слова *осадок* як один із його чотирьох ЛСВ [БАС VIII, стлб. 1052-1053], а з іншого боку, слово *осадки* подано як окреме реєстрове слово словникової статті з відсиланням ‘див. *осадок*’ [БАС VIII, стлб. 1052]. Визначаючи семантичну структуру і статус слова *осадки* ‘атмосферна волога, що випадає з обlačків або осаджується на земній поверхні і на предметах безпосередньо з повітря (у вигляді дощу, снігу, граду тощо)’, приєднуємось до тих лексикографічних джерел, де його подано як самостійну лексему. Отже, аналізоване слово в СГ російської мови є однозначним, графічно це для деяких джерел показано як (4/1), тобто із чотирьох значень слова *осадок*, якщо у словнику немає окремої лексеми *осадки*, нас цікавить тільки одне зазначене значення. На користь цього, на наш погляд, свідчать також примітки, якими супроводжуються словоформа/слово *осадки* ‘гірські породи, що утворилися на дні водних басейнів шляхом відкладання мінеральних речовин, а також розчинних хімічних продуктів; осадові гірські породи’ і *осадки* ‘атмосферна волога’, а саме: *звичайно множина і тільки множина* відповідно. *Осадки* із значенням ‘атмосферна волога’ і приміткою *тільки множина* – це самостійне слово, що являє собою *pluralia tantum*.

У дериватології також існує погляд, згідно з яким виникнення лексем на зразок *осадки* ‘атмосферна волога’ розглядається як один із різновидів лексико-семантичного способу словотвору (за М.М. Шанським), а саме: концентрація значення фразеологічного звороту в одному опорному слові й еліipsis залежних від нього слів: *осадки* ← *атмосферные осадки, температура* ← *повышенная (высокая) температура*, *песок* ← *сахарный песок* [20:187].

(5) рос. *пересад-к(а)* Т БАС (2=10) МАС (2=4) У (2/1) О (2=4) Еф (2=5) БТС (4)

БСЖ (1) Даль СНГ (3) [= 8]

Під час аналізу словникових статей російського іменника *пересадка* було виявлено такі моменти:

а) у деяких словниках, зокрема в БАС, зафіксовано процес, зворотний щодо непослідовного врахування полісемії похідного порівняно із твірним, а саме: відсилання 'дія за значенням (значеннями – ?) дієслів *пересаживать*, *пересадить* і *пересаживаться*' [БАС IX, стлб. 869] справляє враження, що іменник *пересадка* співвідноситься з цими дієсловами (насамперед із своїм безпосереднім твірним – дієсловом *пересадить*) за повним обсягом семантичної структури, тобто за дев'ятьма значеннями. Проте зіставлення з даними інших лексикографічних джерел дає змогу скоректувати цей попередній висновок, оскільки в цих словниках для іменника *пересадка* подано відсилання лише до певних значень твірного слова [МАС III, с. 93; О, с. 500; БТС, с. 816]. Отже, іменник *пересадка* характеризується неповною семантичною співвіднесеністю із своїм безпосередньо твірним словом – дієсловом *пересадить* (за зведеними даними словників літературної мови із дев'яти значень твірного похідне корелює лише з трьома значеннями);

б) у семантичній структурі іменника *пересадка* відбито явище полікорелятивності як часткового випадку словотвірної полісемії, а саме: "полікорелятивність відбиває факт полісемії похідного слова, що виникає внаслідок співвіднесеності **різних** (підкреслення наше – Н. Я.) значень похідного з **різними** (підкреслення наше – Н. Я.), як правило, спільнокореновими твірними" [12:123]. Найбільш чітко цю полікорелятивність, яку Н.О. Пугієва відмежовує від множинності словотвірної структури, для слова *пересадка* семантизовано в словнику Д.М. Ушакова – 'дія за значенням дієслова *пересесть* у другому значенні, у другому значенні – *пересаживаться*, перерва в дорозі під час поїздок потягом і пароплавом для переходу на інший потяг або пароплав' [У III, стлб. 191]. Варто зауважити, що російській та українській лексемам *пересадка* – *пересадка* у значенні 'перехід з одного поїзда, пароплава і т. ін. на інший або з одного виду транспорту на інший для дальшого пересування в дорозі, подорожі' [БАС IX, стлб. 869; СУМ VI, с. 271-272] у польській мові відповідають іменники *przesiadanie się* (ця лексема скоріше за все корелює із словами *пересаживание* – *пересаджування*) і *przesiadka* [PSRP, с. 506], які є девербативами від *przesiadać się* (← *przesiadać* ← *siadać*, де польському *siadać* відповідають російське *садиться* й українське *сідати*). Як бачимо, простежуються різні формально-семантичні перехрещення похідних у межах лексичного гнізда, що об'єднує дієслова дії, каузативні (транзитивні) дієслова і дієслова статального способу дії (дієслова стану);

в) аналіз словникових статей слова *пересадка* в жаргонних [БСЖ, с. 429] і діалектних [СНГ XXVI, с. 212] словниках дає підстави для виявлення ще чотирьох ЛСВ слова *пересадка*. До речі, у цій сфері у семантичній структурі слова *пересадка* відбувається конкретизація словотвірних значень цієї похідної лексеми як *nomina patientis*.

Отже, похідний іменник *пересадка* як компонент макрогнізда має вісім значень і характеризується неповною семантичною співвіднесеністю із дієсловом *пересадить*, що реалізує в лексико-семантичній структурі макрогнізда чотирнадцять значень.

(6) рос. *саж-ок* I Од (2/1) [=1]

саж-ок II Од (2/1) [=1]

Іменник *сажок* зафіксовано в "Словаре русских говоров Одесщины" як такий, що має два значення: '1. Те саме, що *сажик* <...>'. '2. Садок, прилад для утримання пійманої живої риби' [Од II, с. 151-152]. У свою чергу *сажик* є демінутивом від іменника *саж*, який позначає 'хлів для свиней' [Од II, с. 151]. Із словотвірного погляду у слові *сажок* (чи вже у двох омонімах) реалізовано два тавтологічні суфікси: *-ок* I і *-ок* II, один із яких, на думку Є.А. Карпіловської, належить до тих суфіксів, що "стають тавтологічними внаслідок втрати модифікаційних значень (демінутивності, аугментативності, сингулятивності або збірності) і завдяки цьому увиразнюють, підсилюють предметне значення або, ширше, значення субстанції твірного безсуфіксного іменника" [6:103]. Дослідниця пропонує називати такі суфікси від'ємно-модифікаційними (за аналогією до від'ємно-мутаційного типу) [6:33-34].

Дійсно, слово *сажок* із значенням 'прилад для утримання пійманої живої риби' є конкретизацією такого від'ємно-модифікаційного значення. Проте до складу СГ вміщуємо його як кодироване не для демінутива *сажок* I, а як слово-омонім, що є рівнопохідним із словами *саж*, *сажик* II, *садок* II, з якими воно перебуває в одній зоні словотвірної парадигми дієслова *сажати*. Ця зона об'єднує у своєму складі *nomina loci*, і як *nomina loci* іменник *сажок* II є однозначним, як і демінутив *сажок* I (← *саж*). Отже, під час виникнення від'ємно-модифікаційного значення іменник *сажок* II скоріше за все своїм твірним мав іменник *саж*, але, втративши значення демінутивності і набувши значення предметності, він, на наш погляд, сприймається як девербатив.

Є.А. Карпіловська, аналізуючи трактування терміна *десемантизовані демінутиви* у Л.О. Родніної, пише: "Проте аналіз тлумачень поданих нею (Л.О. Родніною – Н.Я.) прикладів у СУМі переконав нас у тому, що ці утворення перебувають на різних стадіях десемантизації, або ж втрати модифікаційного значення суфікса, а отже, й на різних стадіях віддалення від твірних

одиниць, пор.: *ватаг - ватажок, гурт - гурток, колос - колосок, сад - садок, став - ставок* <...>. Деякі з таких слів ще зберігають асоціативний семантичний зв'язок з безсуфіксними іменниками <...>, а деякі вже повністю його втратили" [6:105].

Для порівняння наведемо аналіз семантичної структури українського іменника *садок* I, який у деяких лексикографічних джерелах фіксується із двома значеннями: '1. Те саме, що *сад*'. '2. Зменшення до *сад*' [СУМ IX, с. 13; ВТС, с. 1095]. Утративши значення демінутивності (від'ємно-модифікаційне значення, за Є.А. Карпіловською), слово *садок* в одному із своїх значень стає повним функціональним еквівалентом слова *сад*. Проте якщо вищенаведений російський іменник *сажок* II 'прилад для утримання живої пійманої риби' протиставляється за значенням іменнику-омоніму *сажок* I 'демінутив від *саж*' (*саж* 'хлів для свиней'), то український іменник *садок* II у своєму "віддемінутивному значенні" лише підсилює значення предметності, але ця конкретизація перебуває у межах єдиної семантичної структури полісемантичного слова.

(7) укр. *сад* I К СУМ (1) ВТС (1) НТС (1) СГР (2/1) [=1]

сад II 'жорна' СГР (2/1) [= 1]

Для іменника українського СГ *сад* I, крім спільного з літературною мовою значення 'спеціально відведена значна площа землі, на якій вирощують плодові дерева, кущі тощо' [СУМ IX, с. 9; ВТС, с. 1094; НТС III, с. 229; СГР IV, с. 95], у словнику Б. Грінченка наведено також значення 'млинове жорно' [СГР IV, с. 95]. До складу СГ української мови вводимо іменник-омонім *сад* II, лексичне значення якого 'млинове жорно' конкретизує словотвірне значення *nomina instrumenti*. По-перше, значення іменників *сад* I (*nomina patientis*) і *сад* II (*nomina instrumenti*) настільки різняться одне від одного, що розгляд їх у межах однієї семантичної структури полісемантичного слова не видається можливим і доцільним, а по-друге, український іменник *сад* II 'млинове жорно', який ми аналізуємо як самостійну лексему, корелює із російським іменником *сад* III 'маточина, жорна' [И III, с. 3; ДГ III, с. 101], перебуваючи з ним у відношеннях включення лексичних значень. До речі, у словнику донських говорів (російської мови) подано три самостійні іменники-омоніми: *сад* I 'город поза межами садиби', *сад* II 'хлів' і *сад* III 'пара млинових жорен' [ДГ III, с. 101].

(8) укр. *садівнич-ий* II _{імен.} СУМ (2/1) ВТС (2/1) СГР (2/1) [= 1]

До складу СГ як самостійний компонент залучаємо субстантивованій прикметник *садівничий* (*садівничий* II _{імен.}), значення якого в словниках подається в межах семантичної структури прикметника *садівничий* (*садівничий* I _{прикм.}), а саме: 'у значенні іменника *садівничий*, чого, ч(оловічий рід). Те саме, що *садівник*' [СУМ IX, с. 12; ВТС, с. 1095], тобто 'фахівець із садівництва, особа, що вирощує та доглядає садівні рослини' [СУМ IX, с. 12; ВТС, с. 1095]. Похідне *садівничий* II _{імен.} розглядаємо у складі СГ як самостійне слово-омонім на тій підставі, що під час морфологічно-синтаксичного словотворення, зокрема субстантивації прикметників (цей різновид вважається типовим прикладом конверсії), по-перше, перехід слова з однієї частини мови до іншої супроводжується перетворенням відповідних парадигматичних ознак, а по-друге, "похідне слово (підкреслення наше – Н. Я.) нічим не відрізняється зовні від мотивуючого, але дістає нове значення. **Омоніми** (підкреслення наше – Н. Я.) легко нейтралізуються у відповідних контекстах" [14:274].

(9) укр. *насадж-енн(я)* К СУМ (2=3) ВТС (2=3) [= 3]

Іменник *насадження* має три значення, два з яких конкретизують його словотвірне значення як *nomina actionis* (число два отримуємо врахувавши всі відсилання до семантичної структури твірного дієслова), а третє значення (у словниках воно подається як друге) являє собою наслідок розвинутої полісемії, а саме: іменник *насадження* у значенні 'посаджені дерева, рослини' [СУМ IX, с. 181] – це іменник із непроцесуальним значенням. Отже, девербатив *насадження* у своїй структурі поєднує дві семеми: дія за дієсловом і вторинна денотативна семема, що позначає об'єкт дії.

(10) укр. *пересад-к(а)* К СУМ (2=3) ВТС (2=3) [= 3]

Український іменник-девербатив *пересадка*, як і проаналізований раніше російський віддієслівний іменник *пересадка*, характеризується наявністю двох типів значень:

а) позначення дії за двома значеннями твірного дієслова (графічно у словниках ці два значення фіксуються як одне [СУМ VI, с. 271; ВТС, с. 743]);

б) *пересадка* у значенні 'перехід з одного поїзда, пароплава і т. ін. на інший або з одного виду транспорту на інший для дальшого пересування в дорозі; подорожі' [СУМ VI, с. 271; ВТС, с. 743] – це реалізація явища полікорелятивності.

(11) укр. *посад-ник* I 'намісник князя' К СУМ (2/1) ВТС (2/1) НТС (3/2) [= 2]

посад-ник II 'поселенець' К СУМ (2/1) ВТС (2/1) НТС (3/1) [= 1]

У словниках української мови подано один багатозначний іменник *посадник*, який, за даними різних джерел, має два або три значення: 1) 'намісник князя; виборний правитель з бояр'; 2) 'те саме, що поселенець'; 3) 'голова, мер міста' [СУМ VI, с. 307; НТС II, с. 821; ВТС, с. 889]. До складу СГ залучаємо два похідні, а саме: двозначний девербатив *посадник* I 1) 'намісник князя; виборний правитель з бояр'; 2) 'голова, мер міста' (← *посадити* 'призначити або обрати когонебудь на якусь посаду') і відіменниковий іменник *посадник* II 'поселенець' (← *посад* 'частина міста'). Варто зауважити, що іменник *посадник* II 'поселенець' можна розглядати як двомотивований (пор. *посадити* у значенні 'помістити або поселити когонебудь кудись, десь'), проте при укладанні схем СГ доводиться обирати якусь одну мотивацію, спираючись при цьому на відношення похідності, формально-семантичної виводимості. Іменник *посадник* II 'поселенець' розглядаємо, по-перше, як кодериват із прикметником *посадський* I, а по-друге, як частковий синонім до іменника *посадський* II 'у значенні іменника *посадський*, кого, ч(оловічий рід). Той, хто живе в посаді і належить до стану ремісників, торговців і міської бідноти' [СУМ VII, с. 308; ВТС, с. 889], з яким *посадник* II має спільну ланку у словотвірному ланцюжку, а саме: іменник *посад* I 'частина міста' [СУМ VII, с. 305; НТС II, с. 820; ВТС, с. 884] (← *посадити* 'помістити або поселити когонебудь кудись, десь' [СУМ VII, с. 306; ВТС, с. 888]).

(12) пол. *sad-ow/in(a)* I SJPD (2/1) [= 1]

sadow-in(a) II SJPD (2/1) [= 1]

У словнику за редакцією В. Дорошевського подано одну двозначну лексему *sadowina*: 1) 'поганий, чахлий сад' і 2) 'плоди, врожай із саду, фрукти' [SJPD VIII, с. 5]. До складу СГ польської мови вміщуємо два іменники-омоніми *sadowina* I і *sadowina* II, кожен із яких є однозначним. На нашу думку, навряд чи є можливим поєднання в межах однієї семантичної структури пейоративного значення і значення *nomina collectiva*, хоча обидва вони і належать до модифікаційних значень, але ця видозміна значення твірною є дуже різноплановою. До того ж, *sadowina* I як експресивний іменник розглядаємо як похідне від *sad* I: *sad* I → *sad-ow/in(a)* I, а *sadowina* II (*nomina collectiva*) – як відад'єктивний іменник (спираємось на словотвірну структуру і на лексичне значення): *sadowy* I → *sadow-in(a)* II (пор. російське *садовый* → *садов-ун(a)* 'все, що росте в саду' й українське *садовий* → *садов-ун(a)* 'садові дерева; плоди садових дерев, фрукти').

(13) пол. *osad-nik* I SJPD (2/1) Sz (2/1) MSP (2/1) SWP (1) [= 1]

osad-nik II SJPD (2/1) Sz (2/1) MSP (2/1) SWP (1) [= 1]

У більшості лексикографічних джерел польської мови подано один двозначний іменник *osadnik*, у семантичній структурі якого об'єднані значення *nomina agentis* і *nomina instrumenti* [SJPD V, с. 1109; Sz II, с. 547; MSP, с. 517]. Натомість у словнику за редакцією Б. Дуная ці два значення розподіляються між двома іменниками-омонімами: *osadnik* I 'той, хто оселився на сталю заселених територіях, або той, кого десь оселили' [SWP, с. 694] (в інших словниках під час семантизації наводиться ще синонім *колоніст*) і *osadnik* II 'резервуар для осадження відходів, часток, нечистот, що містяться у воді; відстойник' [SWP, с. 694]. Під час укладання схеми СГ у цьому випадку схилилися до позиції словника за редакцією Б. Дуная щодо вирішення питання про розмежування полісемії й омонімії.

(14) пол. *osad-k(a)* I SJPD (2/1) MSP (2/1) [= 1]

osad-k(a) II SJPD (2/1) MSP (2/1) [= 1]

Як і в попередньому випадку, аналіз слова *osadka* пов'язаний із розмежуванням полісемії й омонімії. За даними лексикографічних джерел, семантична структура іменника *osadka* має такий вигляд: 1) 'зменшення від *osada*'; 2) 'подовження плодоніжки, на якому розташовані (пол. *osadzony*) чашечка, вінчик, маточка і зав'язь; дно квітки' [SJPD V, с. 1109; MSP, с. 517]. На нашу думку, для цього слова є підстави для того, щоб говорити про розпад полісемії й утворення двох іменників-омонімів: відіменникового демінутива *osadka* I й іменника-девербатива *osadka* II, який перебуває в тій клітині дієслівної словотвірної парадигми, що відповідає *nomina loci* (← *osadzić* 'прикріпити до чогось, закріплювати щось у чомусь, на чомусь, накладати' [SJPD V, с. 1111-1112; Sz II, с. 547; MSP, с. 517; SWP, с. 694], пор. *osadzony* 'уміщений, розташований' [SWP, с. 695]).

(15) пол. *osad-k(a)* I SJPD (2/1) MSP (2/1) [= 1]

Іменник-демінутив *osadka* I, окрім проблеми розмежування полісемії й омонімії, потребує уваги також щодо визначення діапазону семантичної співвіднесеності із своїм твірним – іменником *osada*, який, за даними різних лексикографічних джерел, має від двох [Sz II, с. 547; MSP, с. 517; SWP, с. 694] до шести [SJPD V, с. 1108-1109] значень. Проблема ця зумовлена тим, що в жодному із джерел чітко не окреслено, за якими конкретно значеннями чи за всім їхнім спектром демінутив співвідноситься із своїм твірним. Іменник *osada* як компонент макронізда є шестизначним, у складі його семантичної структури, окрім значень міжстильових і нейтральних,

наявні також значення, супроводжувані певними стилістичними примітками: *застаріле* (*osada* 'колонія тварин'; 'екіпаж пароплава, охорона укріпленого замку'; 'оправа, насадка, рукоятка'), *ботанічний термін* (*osada* 'головний паросток суцвіття') [SJPD V, с. 1108-1109]. 3-поміж шести значень твірного іменника *osada* на особливу увагу заслуговують два значення, які послідовно фіксуються всіма джерелами: 1) 'поселення типу військового, що посідає проміжну позицію між селом і невеликим містом; колонія; мешканці такого поселення'; 2) 'екіпаж веслової лодки' [SJPD V, с. 1108-1109; Sz II, с. 547; MSP, с. 517; SWP, с. 694]. Оскільки друге значення супроводжується приміткою, яка вказує на те, що іменник реалізує це значення як спортивний термін, то утворення на ґрунті цього значення похідного іменника-демінутива є малоймовірним. Отже, однозначний іменник *osadka* I корелює з одним із шести значень свого твірного слова – іменника *osada* I і характеризується неповною (частковою) семантичною співвіднесеністю з ним.

(16) пол. *o-sadzić* I SJPD (8/7) Sz (6/5) MSP (5/4) SWP (4) [= 7]

o-sadzić II 'zatrzymać' SJPD (8/1) Sz (6/1) MSP (5/1) SWP (2) [= 2]

Під час визначення семантичних структур цих дієслів виникає щонайменше дві проблеми: розмежування, з одного боку, полісемії й омонімії, а з іншого боку, – окремих значень (ЛСВ) і відтінків значень (підзначень). Так, у тих словниках, де подано одну дієслівну лексему *osadzić*, діапазон значень у її семантичній структурі коливається від п'яти до восьми [SJPD V, с. 1111-1112; Sz II, с. 547; MSP, с. 517]. Натомість у словнику за редакцією Б. Дуная зафіксовано розпад полісемії, унаслідок якого виникло самостійне дієслово *osadzić* II [SWP, с. 694], семантична структура якого в інших джерелах розглядається з-поміж інших значень дієслова *osadzić*, тобто *osadzić* I: 'несподівано, різко затримати. *Osadzić konia w mejscu; // переносне* дати комусь науку, вгамувати чиїсь пориви. *Próbował coś powiedzieć ale z mejsca go osadzono*' [Sz II, с. 547]. Варто зауважити, що у складі СГ російської мови на підставі аналізу даних лексикографічних джерел також виділяємо два дієслова-омоніми *осадить* I 'примусити опуститися вниз; поселити; обсадити деревами' і *осадить* II 'примусити зупинитися', у той час як до українського СГ вводимо одне дієслово *осадити*, оскільки жоден із словників української мови, включаючи новітні, не фіксує для нього розпаду полісемії. Щодо дієслова польського СГ *osadzić* II в аспекті питання про розмежування окремих ЛСВ і відтінків значень, підзначень, то, як і в словнику за редакцією Б. Дуная, вважаємо його двозначним [SWP, с. 694]: друге переносне значення 'втримати когось, вгамувати чиїсь пориви' – це результат семантичної деривації, розвинутої полісемії.

Отже, прокоментувавши ці конкретні приклади, ми спробували подати своєрідний огляд проблематики, пов'язаної із визначенням лексико-семантичної структури СГ, окресленням семантичних меж гнізда, поетапним аналізом семантичної структури кожної лексеми як компонента макрогнізда.

Наступний етап дослідження можна назвати синтезуючим, узагальнюючим, оскільки тут оперуємо інформацією щодо семантичних структур похідних, отриманою на попередній стадії вивчення лексико-семантичної структури кожного із зіставляваних СГ.

У таблиці 1 наведено співвідношення однозначних і багатозначних похідних у складі СГ дієслів *сажать*, *садити* і *sadzić*. Як видно з цієї таблиці, з-поміж дериватів російського і польського СГ перше місце посідають багатозначні лексеми: 379 (або 51,5 %) і 140 (або 52,8 %) відповідно, натомість в українському СГ – однозначні (223, або 58,7 %). При цьому в СГ російської і польської мов багатозначні похідні переважають однозначні в 1,1 раза (для обох СГ), а в СГ української мови однозначні похідні переважають багатозначні в 1,4 раза (тобто перевага є більшою).

Таблиця 1

**Співвідношення однозначних і багатозначних похідних
у складі СГ дієслів *сажать*, *садити* і *sadzić***

СГ	Похідні				Разом похідних:	
	однозначні		багатозначні		к-ість	%
	к-ість	%	к-ість	%		
СГ рос. мови	357	48,5	379	51,5	736	100
СГ укр. мови	223	58,7	157	41,3	380	100
СГ пол. мови	125	47,2	140	52,8	265	100

Якщо до цього часу визначення лексико-семантичної організації СГ здійснювалось переважно на лексичному рівні, тобто ми мали справу з лексемно-словотвірним СГ (термін Т.Ф. Іванової [5]), то зараз перейдемо до розгляду цих параметрів СГ на власне словотвірному рівні:

1. Розподіл однозначних і багатозначних похідних між кінцевими ланками структурних типів словотвірних ланцюжків (далі – СЛ).

2. Типи семантичної співвіднесеності в парі “твірне → похідне”.

Результати аналізу кінцевих елементів СЛ у складі кожного із зіставлюваних гнізд щодо ознаки моно- та полісемії подано в таблицях 2, 3 і 4 відповідно.

Таблиця 2

Кінцеві елементи СЛ російського СГ з вершиною *сажать (садить)* щодо ознаки моно- та полісемії

Структурні типи СЛ	Кінцеві елементи СЛ				Разом СЛ:
	Однозначні		Багатозначні		
	к-ість	%	к-ість	%	
Одноланкові	44	14,4	17	7,3	61
Дволанкові	121	39,7	99	42,3	220
Триланкові	119	39	109	46,6	228
Чотириланкові	21	6,9	9	3,8	30
Разом ланок:	305	100	234	100	539
Разом СЛ:	305	56,6	234	43,4	539; 100%

Таблиця 3

Кінцеві елементи СЛ українського СГ з вершиною *садити (саджати, садовити, сажати)* щодо ознаки моно- та полісемії

Структурні типи СЛ	Кінцеві елементи СЛ				Разом СЛ:
	Однозначні		Багатозначні		
	к-ість	%	к-ість	%	
Одноланкові	32	17	14	14,7	46
Дволанкові	78	41,5	42	44,2	120
Триланкові	62	33	36	37,9	98
Чотириланкові	16	8,5	3	3,2	19
Разом ланок:	188	100	95	100	283
Разом СЛ:	188	66,4	95	33,6	283; 100 %

Таблиця 4

Кінцеві елементи СЛ польського СГ з вершиною *sadzić (sadzać, sadowić)* щодо ознаки моно- та полісемії

Структурні типи СЛ	Кінцеві елементи СЛ				Разом СЛ:
	Однозначні		Багатозначні		
	к-ість	%	к-ість	%	
Одноланкові	9	8,8	2	2,4	11
Дволанкові	48	47,1	42	50	90
Триланкові	32	31,4	37	44	69
Чотириланкові	11	10,8	2	2,4	13
П'ятиланкові	2	1,9	1	1,2	3
Разом ланок:	102	100	84	100	186
Разом СЛ:	102	54,8	84	45,2	186; 100

Зіставлення даних зазначених таблиць дає можливість зробити такі висновки:

1) з-поміж кінцевих елементів одноланкових, дволанкових і чотириланкових СЛ у кожному СГ переважають однозначні похідні;

2) у межах кінцевих елементів триланкових СЛ у СГ російської й української мов перше місце посідають однозначні, а в СГ польської мови – багатозначні деривати;

3) останні ланки п'ятиланкових СЛ (цей структурний тип СЛ реалізовано лише в СГ польської мови) здебільшого однозначні;

4) загалом 3-поміж кінцевих елементів СЛ у складі кожного із зіставляваних СГ переважають однозначні деривати: 305, або 56,6 % – російське СГ; 188, або 66,4 % – українське СГ і 102, або 54,8 % – польське СГ.

Щодо типів семантичної співвіднесеності похідних і твірних у складі СГ дієслів *сажать*, *садити* і *sadzić* (послугуємося класифікацією О.М. Тихонова [15, с. 190-196]), то, як свідчить аналіз фактичного матеріалу, цей рівень зіставного вивчення зазначених СГ дає підстави тільки для виділення спільних ознак (див. таблицю 5):

1. Перше місце в кожному СГ посідають випадки неповної семантичної співвіднесеності (далі – НСС) між похідними і твірними словами, а саме: 540, або 73,3 % – російське СГ; 259, або 68,2 % – українське СГ і 191, або 72,1 % – польське СГ.

2. 3-поміж похідних, що характеризуються НСС із своїм твірним, переважають деривати, семантичний обсяг яких є меншим порівняно із кількістю значень твірного слова: 528, або 71,7 % – російське СГ; 245, або 64,5 % – українське СГ і 168, або 63,4 % – польське СГ (відсоткові показники підраховано від загальної кількості похідних кожного СГ, що її прийнято за 100 %).

Таблиця 5

Зіставний аналіз семантичної співвіднесеності похідних і твірних у складі СГ дієслів *сажать*, *садити* і *sadzić*

СГ	Разом похідних:	ПСС		НСС			
		к-ість	%	Більше значень		Менше значень	
				к-ість	%	к-ість	%
СГ рос. мови	736	196	26,6	12	1,6	528	71,7
СГ укр. мови	380	121	31,8	14	3,7	245	64,5
СГ пол. мови	265	74	27,9	23	8,7	168	63,4

Отже, зіставний аналіз лексико-семантичних структур СГ дієслів *сажать*, *садити* і *sadzić* на власне словотвірному рівні щодо зазначених параметрів дав змогу з'ясувати певні спільні тенденції виникнення однозначних і багатозначних похідних кожного із гнізд у парі "твірне → похідне". Проте зіставлення мов на будь-якому рівні, як відомо, має бути спрямоване на виявлення як подібностей, так і відмінностей між ними. Оскільки кожне похідне слово, утворившись на словотвірному рівні, починає функціонувати як одиниця лексичного рівня, то, як видається, під час зіставлення лексико-семантичних структур СГ кількох мов такий зіставний аналіз варто продовжити спираючись на досягнення в галузі контрастивної лексикології.

У такому разі наступний етап зіставного вивчення лексико-семантичних структур аналізованих СГ полягатиме у встановленні основних типів міжмовних лексико-семантичних відношень між компонентами словотвірних гнізд як одиниць проміжного рівня мови.

У роботі спираємось на класифікацію міжмовних лексико-семантичних корелятивів В.М. Манакіна [10], проте зважаючи на обсяг статті залишаємо поза увагою розгляд типів міжмовних лексико-семантичних відповідників (явища еквівалентності, включення, пересічення і безеквівалентності), оскільки це потребує окремого дослідження.

Література¹:

1. Аминова А.А. Словообразовательное гнездо в сопоставительном освещении // Словообразовательное гнездо и принципы его описания. – М., 1997. – С. 24.

¹ З огляду на обсяг статті, ми не подаємо переліку умовних скорочень лексикографічних джерел (це раз підкреслимо, що під час аналізу лексико-семантичних структур СГ насамперед спиралися на дані найавторитетніших тлумачних словників трьох мов).

2. Борисова Л.П. Развитие словообразовательных гнезд с синонимичными исходными словами (на материале гнезд с вершинами питать и кормить): Автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – К., 1990. – 16 с.
3. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М., 1984. – 152 с.
4. Зых А. Словообразовательная парадигма как единица конфронтативного анализа близкородственных языков (русско-польские соответствия) // <<http://www.filoljgija.vukhf.lt/4-9/doc/Zych.doc>>. 12.11.04>.
5. Иванова Т.Ф. Типы мотивационных отношений в лексико-словообразовательном гнезде // Учен. записки Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – № 1. – С. 355–360.
6. Карпілівська Є.А. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація. – К.: Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні, 1999. – 297 с.
7. Карпілівська Є.А. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями. – К., 2002. – 912 с.
8. Ковалик І.І. Про семізацію і семемізацію у словотвірному гнізді кореня зелен- в українській мові // Українське мовознавство. – Вип. 11. – К., 1983. – С. 50–60.
9. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М., 1981. – 199 с.
10. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – К., 2004. – 326 с.
11. Маторина Н.М. Эволюция словообразовательных гнезд с вершинами делать и деять в русском языке XI-XX вв.: Дис... канд. филол. наук: 10.02.01. – Донецк, 1994. – 352 с.
12. Пугиева Н.А. Полисемантизм глагольного слова, место и роль его в толково-словообразовательном словаре // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу. – Грозный, 1991. – С. 74–137.
13. Соколова С.О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. – К., 2003. – 283 с.
14. Сучасна українська літературна мова / За ред. А.П. Грищенка. – 2-ге вид., перер. і доп. – К., 1997. – 493 с.
15. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: Курс лекций. – Самарканд, 1971. – 387 с.
16. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – 2-е изд., стереотип. – М., 1990.
17. Тихонов А.Н. Состояние научной разработки гнезда и перспективы его исследования // Материалы VII Междунар. науч. конф. "Актуальные проблемы русского словообразования". – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. – 2001. – С. 10–21.
18. Фатхутдинова В.Г. Лингвистические основы сопоставительного анализа отглагольных словообразовательных гнезд в русском и татарском языках // Сопоставительная филология и полилингвизм. – Казань, 2003. – С. 147–155 // <http://www.kcn.ru/tat_ru /uviversitet/fil/kn7/ index/phpsod=23.18.02.04>.
19. Фатхутдинова В.Г. Словообразовательная цепочка как объект сопоставительного анализа (на материале русского и татарского языков // Труды и материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность" (Москва, 18–21 марта 2004 г.). – М., 2004. – С. 461–462.
20. Цыганенко Г.П. Русский язык: Морфемика. Словообразование. Этимология: Учебно-справочная книга. – Донецк, 1999. – 316 с.
21. Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. – М. – 1996. – № 1. – С. 55–66.
22. Ярошенко Н.О. Словотвірні гнізда з базовими дієсловами сажать, садити і sadzić у російській, українській і польській мовах XIX-XX ст. (семантика вершини) // Мова і культура (Науковий щорічний журнал). Серія Філологія. – Вип. VI. – Т. 5. – Ч. 1. – Національні мови у їхній специфіці та взаємодії. – К., 2003. – С. 133–141.

УДК 81'373.611

ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ЛСГ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ: ГНЕЗДА СЛОЖНЫХ СЛОВ

А.В. Петров (Украина, АРК, Симферополь)

В статье исследуется лексико-семантическая группа глаголов речи под углом зрения деривационных отношений – способности порождать сложные слова разных типов. В качестве конструкта было выбрано словообразовательное гнездо.

Ключевые слова: ЛСГ глаголов речи, словообразовательное гнездо, словообразовательная ступень.

The article deals with the lexico-semantic speech verbs group under point of viewing of derivativ ability relations to germinate complicated words of different types. A word-formative nest was select in quality konstruktion.

Key words: lexico-semantic speech verbs group, word-formative nest, word-formative degree.

У статті досліджується лексико-семантична група дієслів мови з точки зору дериваційних відносин здатності породжувати складні слова різних типів. У якості конструкта було вибрано словотворче гніздо.

Ключові слова: ЛСГ дієслів мови, словотворче гніздо, словотворчий рівень.

Постановка проблемы. В коллективной монографии «Лексико-семантические группы русских глаголов» Г.Н. Плотникова и М.Ф. Скорнякова [Плотникова, Скорнякова 1989] впервые предприняли попытку обобщить конкретные исследования, посвященные выявлению словообразовательных связей, описанию словообразовательных структур производных и членимых глаголов в зависимости от их принадлежности к отдельным лексико-семантическим группам (ЛСГ). В результате исследователи предложили типологию ЛСГ русских глаголов, учитывающую их деривационные особенности: были выделены группы с преобладанием непроизводных или только производных лексем.

«Важность признака производности или непроизводности глагола для типологии ЛСГ подтверждается еще и тем, что почти все ЛСГ русских глаголов "поляризуются" по этому признаку, формируясь преимущественно из непроизводных или производных лексем» [Попова 1997:300].

Следующим этапом в развитии типологии ЛСГ, основанной на деривационном факторе, являются исследования Т.В. Поповой, выделившей разновидности ЛСГ: «1. Лексико-центрические ЛСГ, 2. Деривационно-центрические ЛСГ: 2.1. деривационно-именные ЛСГ (точнее: деривационно-неглагольные), 2.2. деривационно-глагольные ЛСГ: 2.2.1. деривационно-корневые, 2.2.2. деривационно-аффиксальные» [Попова 1997:303-304].

Предметом предлагаемого нами направления является исследование деривационных особенностей различных ЛСГ глаголов в аспекте образования сложных слов. Этот аспект проблемы «ЛСГ и деривация» наименее всего изучен в русистике.

Проведенный анализ различных публикаций показал, что деривационному анализу, как правило, подвергаются отдельные гнезда [Шереметьева 1979; Зализняк 1981; Шарафиддинов 1982; Борисова 1990; Боюн 1996; Гірняк 1999; Ситникова 2004] или отдельные лексико-семантические группы [Морозов 1988; Хурамшина 1987; Яковенко 1987; Плужникова 1989], при этом зачастую за границами исследования остаются сложные слова.

Первой попыткой изучить сложные слова с точки зрения принадлежности исходных глаголов к лексико-грамматическим разрядам действия и состояния является работа Р.Ф. Газизовой «Сложные слова и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском и сербохорватском языках» [Газизова 1989].

Исследователь пришла к выводу о том, что «иерархическое строение семантических разрядов глагола находит отражение и в неоднородности словообразовательного потенциала отдельных групп. Ведущая позиция в данном аспекте принадлежит разновидностям глаголов действия... Полярными по отношению к ним являются глаголы состояния» [Газизова 1992:5].

Объект проведенного Р.Ф. Газизовой исследования ограничен сложными именами существительными – композитами, тем самым представлено узкое понимание сложных слов. К сложным словам мы относим композиты, аббревиатуры и юкстапозиты [Клименко 1984].

Р.Ф. Газизова анализирует базовые глаголы, которые входят в два семантических поля – поля действия и состояния. В то же время классификация ЛСГ глаголов покрывает собой три семантических поля: поле действия, состояния и отношения [Гайсина 1981; Шведова 1983; Лексико-семантические группы русских глаголов 1988; Казак 2004]. В то же время исследование Р.Ф. Газизовой проводилось без учета многозначности базовых глаголов в составе исходных словосочетаний, вне отнесенности лексико-семантических вариантов к различным ЛСГ.

В предлагаемом нами исследовании распределение исходных глаголов по лексико-семантическим группам осуществляется с опорой на семантическую классификацию, предложенную уральской лингвистической школой во главе с Э.В. Кузнецовой и представленную в лексикографических изданиях «Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ.» /Под общ. ред. Т.В. Матвеевой (Свердловск, 1988), «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» /Под ред. проф. Л.Г. Бабенко (М., 1999). Согласно этой классификации, глаголы речи относятся к семантическому полю действия и деятельности.

Для целей предлагаемого исследования наиболее всего приемлема системно-парадигмальная классификация, отражающая вхождение отдельного значения многозначного глагола в ту или иную ЛСГ [ср. также Казак 2004].

Цель статьи – изучить деривационный аспект ЛСГ глаголов речи в аспекте образования сложных слов – композитов, юкстапозитов и аббревиатур, показать зависимость появления дериватов от семантических подгрупп и словообразовательных ступеней.

Исследование проводится на материале справочных изданий «Новое в русской лексике» (далее НРЛ), словарей-справочников по материалам прессы и литературы 60-х, 70-х, 80-х годов «Новые слова и значения» (НСЗ), а также Словообразовательного словаря А.Н. Тихонова и Словаря сокращений русского языка.

Глаголы речи неоднократно становились предметом системных исследований. Отдельные работы посвящены изучению парадигматических связей внутри данной ЛСГ [Степанова 1970; Васильев 1971, 1981], синтагматических свойств глаголов речи [Ничман 1980], семантико-стилистических особенностей предикатов [Кочеткова 1978; Крылова 1996], функциональным характеристикам [Бабенко 1980; Болотнова 1986].

Г.К. Касимова выделяет в самостоятельную ЛСГ глаголы со значением информации, отмечая при этом, что «отдельные группы слов данного класса описываются в ряде работ о так называемых «глаголах речи» [Касимова 1989:212]. Информацию исследователь понимает «как ‘сообщение кому-л. о чем-л.’, ‘извещение кого-л. о чем-л.’, ‘передача некоторых сведений от того, кто ими обладает, к адресату’» [Касимова 1989:215].

В данной работе мы придерживаемся традиционного понимания ЛСГ глаголов речи, включая в данный класс предикатов и лексические единицы со значением информации.

Процесс речи представляет собой “сложный денотат”, который предполагает следующие компоненты ситуации: 1) говорящего, 2) слушающего, собеседника, 3) процесс произношения (или написания), 4) процесс выражения мысли (чувства), 5) речевой контакт, 6) объект (содержание) речи и 7) характеристику процесса или объекта речи [Васильев 1981]. Как отмечает Л.М. Васильев, факторы 1 – 5 являются обязательными, факторы 6 – 7 факультативны.

Одним из ядерных глаголов группы является многозначный предикат *говорить*, который в каждом из трех значений входит в разные подклассы ЛСГ: *ребенок начал говорить, говорить по-английски, говорить уверенно, говорить об эксперименте*. Исследователи выделяют следующие наиболее общие подклассы глаголов речи:

1) глаголы, характеризующие акустически-физиологическую и графическую сторону речи (*бормотать, разг. вопить1, выкрикнуть/выкрикивать, возгласить/возгласить, выговорить1/выговаривать; перен., разг. греметь1//, говорить1, декламировать, кричать3, кричать4; орать, петь1, петь4; произнести1/произносить, писать2, провозгласить2/провозглашать, проговорить1/проговаривать; перен., прост. припечатать4/припечатывать, разг. реветь1//А, разг. реветь1//Б; прост. рычать2, скандировать; перен., разг. трещать2, перен. чеканить2, разг. шуметь2// и др.);*

2) глаголы, характеризующие содержание мысли (*устар., простор. баять, разг. болтать1, врать1, выразиться2/выражаться, высказать/высказывать, высказаться/высказываться, выступить5/выступать, говорить2, разг. дерзить, жаловаться1, злословить, изъяснить/изъявлять, импровизировать1//, иронизировать, разг. кричать5, молить-*

ся1, напутствовать, объявить1/объявлять, плести4, книжн. празднословить, предсказать/предсказывать, предвещать, книжн. предречь/предрекать, прорицать, пророчить, пророчествовать1, пророчествовать2; путать3, разг. разглагольствовать, рассуждать, резонерствовать, сетовать2; перен., разг. склонять3, разг. толковать3, разг. умствовать; перен., разг. шуметь3, шутить1 и др.);

3) глаголы, характеризующие коммуникативную сторону устной и письменной речи (афишировать, декларировать, заявить1/заявлять, известить/извещать, изложить/излагать, устар. изобразить3/изображать, информировать, комментировать2, консультировать1, кричать2, наставлять, обнародовать, объявить2/объявлять, объяснить1/объяснять, огласить1/оглашать, оповестить/оповещать, повествовать, подтвердить1/подтверждать, подтвердить3/подтверждать, пояснить/пояснять, приветствовать1, провозгласить3/провозглашать, книжн. прокламировать, протестовать1, разъяснить/разъяснять, рассказать/рассказывать, свидетельствовать1, сказать1, советовать1, сообщить1/сообщать, разг. толковать4, уведомить/уведомлять, упомянуть1/упоминать, упомянуть2/упоминать и др.);

4) глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта (адресоваться1, беседовать, разг. бранить, браниться1, книжн. дебатировать, дискутировать и дискуссировать, исповедовать1, консультировать2, обратиться4, перен. отразить1//, перен. парировать2, полемизировать, препираться, пререкаются, ругаться2, советоваться1, советоваться2, совещаться, спорить1, разг. толковать2 и др.);

5) глаголы со значением побуждения, выражаемого устной или письменной речью (велеть вынудить2/вынудать, запретить/запрещать, звать1, простор. клянчить, разг. неволить, побудить/побуждать, подговорить/подговаривать, подстрекнуть1/подстрекать, подучить2/подучивать, поручить1/поручать, предписать1/предписывать, пригласить1/приглашать, приказать1/приказывать, просить1, разг. раззадорить/раззадоривать, перен. склонить3/склонять, убедить/убеждать и др.);

6) глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством устной или письменной речи [Васильев 1981; Крылова 1996].

Шестую подгруппу, выделяемую исследователями в составе ЛСГ глаголов речи, мы относим к семантическому полюсу отношения и поэтому не рассматриваем в данном исследовании.

Внутри подгрупп были определены базовые для деривации предикаты, которые рассматриваются нами как вершины гнезд сложных слов.

1. Деривационный потенциал глаголов, характеризующих внешнюю сторону речи (базовые глаголы произнести1, говорить1, декламировать, писать2, петь1, чеканить2)

Гнездо с вершиной произнести1

Глагол *произнести/произносить* имеет 3 значения; актуальным для деривации является первое значение «передать голосом звуки, слова своего или чужого языка; выговорить» (*произнести французские слова*).

Субстантивный блок составляют композиты, образованные на III ступени: *правопроизношение – произношение по правилам* и *звукпроизношение – произношение звуков*.

Адъективный блок составляют композиты II и III ступеней.

На II ступени образуется производное *удобопроизносимый (удобопроизносимый текст)*, которое имеет словообразовательную пару и словообразовательную цепочку: *удобопроизносимый – удобопроизносимость, удобопроизносимый – неудобопроизносимый – неудобопроизносимость*.

На III ступени образуются композиты с основой *произносительн-* в начальной позиции: *произносительно-акустический, произносительно-нормативный, произносительно-слуховой*.

Гнездо с вершиной говорить1

«пользоваться, владеть устной речью» (*ребенок начал говорить*)

Субстантивный блок

На I ступени образуются композиты *скороговорка – говорить скоро, быстроговорка – говорить быстро, частоговорка – говорить часто, чистоговорка – говорить чисто*;

на III ступени – аббревиатуры *МГУ [эм-гэ-у] – мощная громкоговорящая установка, ЛГС [пэ-гэ-эс] – производственная громкоговорящая связь, АГС [а-гэ-эс] – артиллерийская громкоговорящая связь*.

Адъективный блок

1 ступень представлена композитом *скороговорный*; II ступень – композитами *самоговорящий* «воспроизводящий звуки речи посредством какого-л. механизма» (*самоговорящий аппарат*), *громкоговорительный* (*громкоговорительные уста*) (НРЛ-86) и юкстапозитом *громко/говорящий* (*громкоговорящая установка, громкоговорящая связь*).

Гнездо с вершиной декламировать

Глагол *декламировать* имеет значение и оттенок; актуальным для деривации является значение «выразительно читать художественные произведения» (*декламировать стихотворения, декламировать Пушкина*).

На 1 ступени образуется глагол *мело/декламировать* «декламировать под аккомпанемент музыки», который составляет три словообразовательные пары: *мело/декламировать* – *мелодекламироваться*, *мелодекламировать* – *мелодекламация*, *мелодекламировать* – *мелодекламатор*.

Вторая ступень представлена композитом ритмодекламация и юкстапозитами сказитель-декламатор, чтец-декламатор, вирши-декламации; III ступень – адъективами с основой декламационн- в начальной и конечной позиции: декламационно-речитативный (декламационно-речитативный стиль) (НРЛ-88), декламационно-поэтический, декламационно-психологический и тяжеловесно-декламационный, музыкально-декламационный, вокально-декламационный.

Гнездо с вершиной писать2

«письменно составлять какой-л. текст» (писать письмо, писать отчет)

Субстантивный блок составляют производные I, II, III и IV ступеней.

На 1 ступени образуются композиты *рукопись* – писать рукой, *клинопись* – писать в виде клиньев, *тайнопись* – писать тайно, *летопись* – писать по летам, *нотопись* – писать нотами, *машинопись* – печатать на пишущей машинке, *скоропись* – писать скоро. Производные *клинопись*, *тайнопись*, *летопись*, *машинопись* развивают регулярную многозначность; значения их реализуют метонимическую модель «определенное действие – результат действия»: *роман написан клинописью* – *клинописи древней Ассирии*, *изучать тайнописи* – *найденной тайнописи около 4000 лет*, *вести летописи* – *Лаврентьевская летопись*.

Лексемы образуют следующие словообразовательные пары: *рукопись* – *рукописный*, *клинопись1* – *клинописный*, *тайнопись1* – *тайнописный*, *машинопись1* – *машинописный*, *скоропись1* – *скорописный*.

Производное *рукопись* имеет два значения: «текст какого-л. произведения, написанный от руки, а также отпечатанный на пишущей машинке» и «рукописный памятник древней письменности». Словообразовательную пару лексема образует только от второго значения: *рукопись2* – *рукописный* (*рукописный отдел библиотеки*); в первом значении производное не образует пары. Аналогичная зависимость построения словообразовательной пары от ЛСВ производного слова отмечается в лексеме *летопись*. Первое значение композита – значение определенного процесса – является устаревшим, это значение реализуется также в лексеме *летописание*. Деривационно активным является производное *летопись* во втором значении «книга с погодными записями исторических событий, происходивших в древней Руси»: *летопись2* – *летописный* (*летописный язык, летописные своды*), *летопись2* – *летописец* «составитель летописей». Лексема *летопись* со временем развила третье переносно-метафорическое значение «совокупность, собрание каких-л. записей, произведений, снимков, кинолент и т.п., в которых нашли отражение отдельные моменты развития, хода чего-л.» (*летопись Днепростроя, архитектурная летопись Кузьминок*). В этом значении производное составляет следующие словообразовательные пары и словообразовательные цепи: *летопись* – *радиолетопись*, *летопись* – *кинолетопись*, *летопись* – *фотолетопись*; *летопись* – *кинолетопись* – *кинолетописец* «создатель кинолетописи (режиссер, оператор и т.д.)», *летопись* – *кинолетопись* – *кинолетописный* «относящийся к кинолетописи» (*кинолетописный материал*) (НСЗ 70-х), *летопись* – *летописец* – *летописец-художник* (НРЛ-85).

На II ступени образуются а) компози́ты с абстрактным значением *правописание* – писание по правилам, *рукописание* – писание рукой, *летописание* – писание по летам, *нотописание* – писание нотами; б) юкстапозиты *документ-письмо*, *письмо-исповедь*, *письмо-рекомендация*, *письмо-размышление*, *альбом-летопись* (НРЛ-78), *письмо-итог*, *письмо-обещание*, *письмо-память*, *письмо-приглашение*, *письмо-просьба* (НРЛ-79), *письмо-памфлет*, *письмо-обращение*, *письмо-обязательство*, *письмо-призыв* (НРЛ-80), *письмо-предложение*, *письмо-совет*, *письмо-приказ* (НРЛ-81), *письмо-благодарность*, *письмо-воспоминание*, *письмо-напоминание*, *письмо-статья* (НРЛ-82), *письмо-анализ*, *письмо-рапорт*, *письмо-сигнал*, *письмо-отклик* (НРЛ-84), *письмо-анкета*, *письмо-обвинение*, *письмо-мольба*, *письмо-раздумье*,

письмо-треугольник (НРЛ-85), *письмо-разрешение*, *письмо-ультиматум*, *письмо-гарантия*, *письмо-надпись*, *письмо-ходатайство*, *кисть-самописка* (НРЛ-86), *письмо-пожелание* (НРЛ-87), *письмо-намерение*, *письмо-опровержение*, *письмо-петиция* (НРЛ-88), *письмо-заявка*, *письмо-очерк*, *видео/летопись*; в) аббревиатуры *изо/летопись* (НРЛ-86), *пиш/машинка* (НРЛ-87), *авиа/письмо*.

На III ступени образуются аббревиатуры АУЗ [ауэ] – автоматическое управление записью (прибор), *теле/запись* – телевизионная запись, *грам/запись* – запись на граммофонную пластинку, *стерео/запись* – стереоскопическая запись; юкстапозиты *описание-инструкция*, *описание-характеристика*, *радио/запись* – запись на радио, а также компози́ты *звукозапись* – запись звуков, *фильмозапись* – запись фильма.

Производные мотивируются синтагмой с опорным компонентом *-запись*, который употребляется в процессуальном значении (*запись концерта на пленку*); в композите *фильмозапись* опорный компонент синтагмы употребляется в метонимическом значении «то, что является звуковой передачей, изложением чего-л.» (*транслировать запись концерта*). Дериваты, кроме лексемы *фильмозапись*, являются многозначными, развивают регулярные метонимические значения «опредмеченная процессуальность – результат». Аналогичную семантическую структуру имеют производные с иноязычными первыми компонентами *аудиозапись* и *фонозапись*.

Компози́ты *землеописание* – описание Земли, *жизнеописание* – описание жизни, *нравоописание* – описание нравов, *естествоописание* – описание естества (естество – «устар. Природа») имеют только значение опредмеченного процесса, а производные *землеописатель* – описатель Земли, *жизнеописатель* – описатель жизни, *нравоописатель* – описатель нравов имеют только значение лица.

На IY ступени образуется аббревиатура КЗА [ка-зэ-а] – контрольно-записывающая аппаратура.

Адъективный блок составляют производные II, III и IV ступеней.

На II ступени образуется композит *счётно-пишущий* (*счётно-пишущие приборы*).

На III ступени образуются юкстапозиты *выше/описанный* и *ниже/описанный*, а также компози́ты с основой *описательн-* в начальной и конечной позиции с преобладанием начальной позиции: *описательно-биографический*, *описательно-дидактический*, *описательно-зрительный*, *описательно-изобразительный*, *описательно-мотивировочный*, *описательно-нормативный*, *описательно-повествовательный*, *описательно-статистический*, *описательно-функциональный*, *описательно-эмпирический* и *информационно-описательный*, *историко-описательный*, *парадно-описательный*, *пейзажно-описательный*, *тематически-описательный*, *конкретно-описательный*, *теоретико-описательный*.

На IV ступени образуются компози́ты *контрольно-записывающий* (*контрольно-записывающая аппаратура*) «производящий контроль и фиксирующий, записывающий его результаты (о приборах)» (НРЛ-80), *счётно-записывающий* (*счётно-записывающая машина*), *приемозаписывающий* (*приемозаписывающий аппарат*), *звукозаписывающий* (*звукозаписывающий аппарат*), *самозаписывающий* (*самозаписывающие контрольно-измерительные приборы*), *сейсмозаписывающий* (*сейсмозаписывающие приборы*); юкстапозит *видео/записывающий* (*видеозаписывающая техника*) (НСЗ 70-х).

Гнездо с вершиной петь 1

Глагол *петь* имеет 7 значений; в ЛСГ речи он входит тремя значениями, однако для деривации актуальным является только первое значение – «издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение» (*петь песню*, *петь романс*). В структуре выделенного ЛСВ содержится также сема «звук».

На I ступени образуется юкстапозит *петь-аукать* (НРЛ-85).

Субстантивный блок составляют производные I, II, III и IV ступеней.

На I ступени образуются компози́ты со значением лица *песнопевец*, *псалмопевец*, *псалмопевец* «сочинитель, певец псалм», *сладкопевец* «тот, кто приятно, нежно, красиво поет». Производные *песнопевец* и *псалмопевец* являются многозначными: лексема *песнопевец* развивает значения «*книжн., устар.* Тот, кто слагает и поет псалмы» и «*трад.-поэт.* Поэт»; единица *псалмопевец* имеет значения «певец псалмов» и «эпитет древнееврейского царя Давида, которому богословской традицией приписывалось сочинение псалмов». Как видно из приведенных толкований, во вторичных ЛСВ происходит погашение семы «звук». Отмеченная тенденция проявляется и в образных употреблении производных *псалмопевец* и *сладкопевец*, в семантической структуре которых нейтрализуется сема «звук» и актуализируется сема «речь»:

«Молодое поколение с ужасом отпрянет от *псалмопевцев виселицы*, от *клякеров Муравьева*, от всех этих *Коцебу православия* и *фельетонных Аракчеевых*» (Герцен, *Виселицы* и журналы); «Генерал Баранов одно время почему-то особенно покровительствовал П.П. Зубову, выдвигал его и сам направлял к нему *сладкопевца г-на Шарапова*» (Короленко, *В голодный год*).

На II ступени по различным моделям образуются а) компози́ты с абстрактным значением *песнопение*, *псалмопение*, *сладкопение*. Производные являются многозначными, во вторичных ЛСВ лексем *песнопение* и *псалмопение* также прослеживается закономерность, связанная с процессом погашения семы «звук»; б) аббревиатуры *КСП* – клуб самодельной песни (НРЛ-77), *полит/песня* (НСЗ 80-х), *стерео/пение* (НРЛ-83) и в) юкстапозиты *песня-дайна*, *песня-новелла*, *песня-победитель* (НРЛ-79), *кино/песня*, *песня-исповедь*, *песня-фельетон* (НРЛ-81), *концерт-песня* (НРЛ-84), *песня-скетч*, *песня-соискательница* (НРЛ-86), *песня-обращение*, *песня-предупреждение*, *песня-пьеса* (НРЛ-88), *поп-песня*, *рок-песня* (НСЗ 80-х), *песня-баллада*, *песня-былина*, *песня-импровизация*, *песня-контата*, *песня-колядка*, *песня-марш*, *песня-молитва*, *песня-памфлет*, *песня-плач*, *песня-пляска*, *песня-поэма*, *песня-призыв*, *песня-размышление*, *песня-романс*, *песня-сказ*, *песня-танец*, *песня-шутка*; *рок-певец* (НСЗ 80-х), *певец-актер*, *певец-ашуг*, *певец-импровизатор*, *певец-кобзарь*, *певец-композитор*, *певец-лауреат*, *певец-любитель*, *певец-музыкант*, *певец-педагог*, *певец-поэт*, *певец-рапсод*, *певец-сказитель*, *певец-солист*, *певец-танцор*, *мальчик-певец*.

На III ступени образуются юкстапозиты *панк-певица* (НРЛ-79) и *певица-панк* (НРЛ-88), *певица-солистка*, *певица-цыганка*, *пелунья-пташка*, *музыкант-песенник*, *композитор-песенник*, *песенник-производственный*, *фразы-запевы*, *фразы-попевки*, *мотив-попевка*.

На IV ступени образуется юкстапозит *припевка-импровизация*.

Адъективный блок составляют производные I, III и V ступеней.

На I ступени образуется композит *сладкопевный*, который имеет словообразовательную пару: *сладкопевный* – *сладкопевность*.

На III ступени образуются композиты с основами *певческ-* в конечной позиции *актерско-певческий* (*точность актерско-певческой интонации*) (НРЛ-88), *народно-певческий* (*народно-певческие традиции*) и *песенн-*, которая может занимать начальную и конечную позицию: *песенно-хоровой* (НРЛ-77), *песенно-поэтический*, *песенно-широкий* (НРЛ-79), *песенно-эфирный* (НРЛ-81), *песенно-распевный* (*песенно-распевная интонация*) (НРЛ-85), *песенно-ариозный*, *песенно-лирический*, *песенно-музыкальный*, *песенно-повествовательный*, *песенно-поэтический*, *песенно-речитативный*, *песенно-романсовый*, *песенно-романсный*, *песенно-танцевальный*, *песенно-фольклорный*, *песенно-хореографический* и *солно-песенный* (*солно-песенные антологии*) (НРЛ-80), *народно-песенный*, *былинно-песенный*, *музыкально-песенный*, *агитационно-песенный*.

На V ступени образуются композиты с основами *распевн-* (*распевно-протяжный*, *широкораспевный*) и *напевн-* в начальной и конечной позиции: *напевно-декламационный*, *напевно-лирический*, *напевно-мелодический*, *напевно-простой*, *напевно-речитативный*, *напевно-эпический* и *мелодически-напевный*, *музыкально-напевный*.

На III ступени образуется наречие *певуче-весело*, на IV ступени – наречие *певчески-театрально*.

Гнездо с вершиной говорить¹

«**владеть каким-л. языком**» (*говорить по-французски*)

Адъективный блок.

На II ступени образуются композиты *франкоговорящий* (*франкоговорящее население*) «говорящий на французском языке; имеющий французский язык в качестве государственного» (НСЗ 70-х), *германоговорящий* (НРЛ-87), *немецкоговорящий*, *русскоговорящий* (НСЗ 80-х), *англоговорящий* (НРЛ-80), *испаноговорящий* (*испаноговорящая община*) (НРЛ-85).

Незначительный удельный вес составляют сложные слова в гнезде глагола *чеканить²* «четко делать что-л. (произносить, шагать и т.п.) (*перен.*)» (*чеканно-отчетливый*, *чеканно-ясный*).

II. Деривационный потенциал глаголов, характеризующих содержание мысли (базовые глаголы баять, вещать¹, болтать, прорицать, сказать¹, шутить¹)

Гнездо с вершиной сказать¹

Глагол *сказать* имеет 7 значений; в ЛСГ речи глагол входит в трех значениях, деривационно активным является первое значение «выразить словесно (в устной речи) какую-л. мысль, мнение, сообщить что-л.; произнести» (*сказать неправду, сказать свое мнение*).

Субстантивный блок составляют производные I, II и III ступеней.

На I ступени образуется композит *иносказание*; на II ступени – юкстапозит *повесть-сказание* (НРЛ-77); на III ступени образуются аббревиатуры *авто/подсказчик* «устройство, отображающее на телеэкране бегущий текст выступления актера, диктора и т.п.» (НРЛ-84), *теле/подсказчик* «устройство, позволяющее выступающему по телевидению читать текст, не видимый телезрителю» (НРЛ-88), *теле/кино/рассказ* (НРЛ-85), *моно/рассказ* (НРЛ-86), *кино/рассказ*, *фото/рассказ*, а также юкстапозиты *рассказ-исповедь* (НСЗ 80-х), *рассказ-миниатюра*, *рассказ-портрет* (НРЛ-80), *рассказ-минутка* (НРЛ-84), *рассказ-размышление* (НРЛ-85), *радио/рассказ*, *рассказ-анекдот*, *рассказ-беседа*, *рассказ-быль*, *рассказ-воспоминание*, *рассказ-миниатюра*, *рассказ-новелла*, *рассказ-очерк*, *рассказ-фельетон*, *рассказчик-импровизатор* и *импровизатор-рассказчик*, *рассказчик-исследователь* (НРЛ-84), *герой-рассказчик*, *автор-рассказчик*, *повествователь-рассказчик*, *рассказчик-свидетель*.

В адъективный блок входят композит 1 ступени *иносказательный* (*иносказательное выражение*) и юкстапозиты II ступени: *выше/сказанный*, *ниже/сказанный*. Композит образует две словообразовательные пары: *иносказательный* – *иносказательно*, *иносказательный* – *иносказательность*.

Гнездо с вершиной вещать 1

Глагол *вещать* имеет 3 значения; актуальными для деривации являются первое и третье: 1. *Устар.* и *высок.* Говорить что-л. значительное, важное. 3. Передавать для слушания (о радиостанциях).

На базе первого ЛСВ глагола *вещать* на 1 ступени образуются адъективные композиты *слабковещательный*, *широковещательный* (*широковещательные рассуждения*) «многословный, велеречивый» и субстантивный композит *чревовещатель* – вещать как будто из чрева; на II ступени – *командно-вещательный*, *чревовещание* – вещание как будто из чрева и (*устар.*) *широковещание* «многословность, разглагольствование». Производные 1 ступени имеют следующие словообразовательные пары: *чревовещатель* – *чревовещательница*, *широковещательный* – *широковещательно*.

Гнездо с вершиной шутить 1

Глагол *шутить* имеет 4 значения; актуальным для деривации является первое значение «говорить, делать что-л. ради забавы, потехи, развлечения» (*шутить умно, шутить в компании друзей*).

Субстантивный блок представлен юкстапозитами III ступени: *шутка-сказка* (НРЛ-85), *шутник-балагур*.

Адъективный блок составляют композит IV ступени *шуточно-романтический* (*шуточно-романтический танец*) (НРЛ-85), а также композиты III ступени, у которых основа *шутливо-* занимает преимущественно начальную позицию: *шутливо-вызывающий* (*шутливо-вызывающие слова*) (НРЛ-80), *шутливо-неунывающий* (*шутливо-неунывающее настроение*) (НРЛ-85), *шутливо-интеллигентный* (*шутливо-интеллигентная манера общения*) (НРЛ-86), *шутливо-бранимый* (*шутливо-бранимый стиль общения*), *шутливо-веселый* (*шутливо-веселая интонация*), *шутливо-иронический* (*шутливо-иронический рассказ*) и *полушутливый* (*полушутливый вопрос*), *иронически-шутливый* (*иронически-шутливое повествование*), *шутливо-настойчивый*, *шутливо-приятельский* (*шутливо-приятельская манера*), *шутливо-сатирический* (*шутливо-сатирическое изложение событий*), *шутливо-укоризненный* (*шутливо-укоризненная фраза*).

Словообразовательную пару имеет адъектив *полушутливый*: *полушутливый* – *полушутливо*.

Адвербиальный блок представлен производными III ступени (*излагать*) *шутливо-снижительно*, (*относиться*) *шутливо-уважительно*, (*говорить*) *полушутя*.

Гнездо с вершиной баять

Глагол *баять* является моносемичным и имеет значение «*прост.*, *устар.* и *обл.* Говорить» («*свет о белке правду баяет*»).

Субстантивный блок составляют композиты, образованные на 1 ступени: *краснобай* «красноречивый, пустой говорун, любитель красивых фраз (*пренебр.*)» – баять красно; по аналогии образовалось новое слово *ласкобай* – баять ласково: «*Ласкобаем он* (Золотарев) никогда

ни с кем не был, но за многие годы дружбы с Басовым выработались у них отношения скорее семейные, чем служебные» (Шумаров, Дороги бортхирурга Басова).

Композит *краснобай* имеет словообразовательные пары и входит в состав словообразовательной цепочки: *краснобай* – *краснобайка*, *краснобай* – *краснобайство* – *краснобайствовать* (НРЛ-78), *краснобай* – *краснобайничать*: «Высокий, статный Шатерников неохотно поднялся, красивое, мужественное лицо его залилось румянцем, он не умел и не любил "*краснобайничать*"» (Нагибин, Павлик).

Незначительный удельный вес сложных слов в гнездах глаголов *вещать*² «предсказывать, пророчить» (*сновещатель*); *отозваться*⁶ «высказать свое мнение о ком-, чем-л., дать какую-л. оценку кому-, чему-л.» (*отзыв-рекомендация* (НРЛ-77), *бланк-отзыв* (НРЛ-78), *статья-отзыв* (НРЛ-85)); *плетсти*⁴ «говорить что-л., обычно несурзное (разг.)» (*пустоплет*, *словоплет*); *прорицать* «предсказывать» (*пророк-провидец*, *лжепророк*, *лжепророчество*); *болтать*¹ «вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать (разг.)» (*болтология*, *радио/болтовня* (НРЛ-77), *психо/болтология* (НРЛ-79), *теле/болтун* (НРЛ-84)).

III. Деривационный потенциал глаголов, характеризующих коммуникативную сторону устной и письменной речи

(базовые глаголы *говорить*², *декларировать*, *информировать*, *комментировать*, *консультировать*¹, *объяснять*, *объявлять*, *повествовать*, *поздравить*, *приветствовать*, *просветить*, *сообщить*)

Гнездо с вершиной *говорить*²

«выражать в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т.п.» (*говорить о государственных делах*)

На 1 ступени образуются субстантивные композиты *громкоговоритель* и *судоговорение* «юр. Устное изложение дела сторонами в судебном заседании».

На III ступени образуется юкстапозит *радио/переговоры*.

На IV ступени образуются композиты-адъективы *переговорно-сигнальный*, *переговорно-вызывной* (*переговорно-вызывное устройство*) и аббревиатуры *видео/переговорный* (*видеопереговорное устройство*) «передающий звук и изображение ведущих переговоры» (НРЛ-81), *ПВУ* [пэ-вэ-у] – *переговорно-вызывное устройство*, *ТПУ* [тэ-пэ-у] – *танковое переговорное устройство*, *СПУ* [эс-пэ-у] – *самолетное переговорное устройство*, *ПТ* [пэ-тэ] – *переговорная таблица (связь)*.

В гнезде отражена словообразовательная пара *радиопереговоры* – *радиопереговорный*.

Гнездо с вершиной *повествовать*

Глагол *повествовать* имеет одно значение «сообщать, рассказывать о каких-л. событиях, фактах» (*повествовать о событиях 1812 года*, *повествовать с длинными отступлениями*).

Субстантивный блок составляют производные II ступени – аббревиатуры *теле/повествование* (НСЗ 80-х), *кино/повествование* и юкстапозиты *герой-повествователь* (НРЛ-81), *героиня-повествователь* (НРЛ-84), *повествователь-рассказчик*, *повествователь-хроникер*, *автор-повествователь*, *историк-повествователь*.

В адъективный блок входят композиты с основой *повествовательн-*, образованные на II ступени. Глагольно-адъективная основа в производных может занимать начальную и конечную позицию: *повествовательно-восклицательный*, *повествовательно-дидактический*, *повествовательно-жанровый*, *повествовательно-летописный*, *повествовательно-описательный*, *повествовательно-эпический*, *повествовательно-юмористический* и *распространительно-повествовательный*, *событийно-повествовательный*, *фольклорно-повествовательный*, *импровизационно-повествовательный*, *образно-повествовательный*, *балладно-повествовательный*, *лирическо-повествовательный*, *книжно-повествовательный*, *композиционно-повествовательный*, *конфликтно-повествовательный*, *лирико-повествовательный*, *драматически-повествовательный*, *жанрово-повествовательный*, *вопросительно-повествовательный*, *графически-повествовательный*, *художественно-повествовательный*.

Гнездо с вершиной *информировать*

Глагол *информировать* имеет одно значение «сообщить (сообщать) о положении каких-л. дел в какой-л. области, о каких-л. событиях и т.п.» (*информировать о положении на фронте*).

Субстантивный блок составляют производные II и III ступеней.

На II ступени образуются аббревиатуры *парт/информатор* (НСЗ 70-х), *авто/информатор* («автоматическое устройство для передачи по телефону справок, интересующих многих абонентов»), *агит/информация* (НРЛ-82), *тех/информация* (НРЛ-87), *аудио/видео/информация* «информация в виде звуко- или видеозаписей» (НРЛ-88), *теле/информация*, *фото/информация*, *био/информация*, *полит/информация*, *Информэнерго* – Центр научно-технической информации по энергетике и электрификации), *СМИ* – средства массовой информации, *СПИ* [эс-пэ-и] – система патентной информации;

Юкстапозиты *судья-информатор* (НСЗ 70-х), *робот-информатор*, *информатор-осведомитель* (НРЛ-82), *информатор-статист* (НРЛ-88), *информация-заявка* (НРЛ-85), *рок-информация* (НРЛ-87), *календарь-информатор*, *радио/информатор* («информатор, сообщающий по радио о ходе спортивных состязаний»), *экспресс-информация*, *радио/информация* «информация, передаваемая по радиосети».

Отмечены следующие словообразовательные пары: *био/информация* – *биоинформационный*, *теле/информация* – *телеинформационный*.

На III ступени образуются юкстапозит *радио/дезинформация* и аббревиатуры *ИУЦ* – информационно-управляющий центр (НРЛ-80), *информ/вооруженность* (НРЛ-82), *информ/банк* (НРЛ-83) *информ/бюллетень* (НСЗ 80-х), *информ/потеря* (НРЛ-86), *инфо/сфера* (НРЛ-88) – *информационная сфера*, *информ/бюро*, *информ/центр*, *информ/отдел*, *ИПЦ* [и-пэ-цэ] – *информационно-пропагандистский центр* (НРЛ-86), *ИНФО* [инфо] – *информационно-справочная система* (НРЛ-88), *сов/информ/бюро* – *советское информационное бюро*, *ИВЦ* [и-вэ-це] – *информационно-вычислительный центр*, *ИПС* [и-пэ-эс] – *информационно-поисковая система*, *АИУС* [аиус] – *автоматическая информационно-управляющая система*, *АИА* [аиа] – *Аденское информационное агенство*, *АИС* [аис] – *автоматизированная информационная система*, *ИКП* [ика-пэ] – *информационно-консультационный пункт*, *АСИТО* [асито] – *автоматизированная система информационно-терминологического обслуживания*, *АСИО* [асио] – *автоматизированная система информационного обслуживания*, *ИА* [иа] – *информационный язык*.

Адъективный блок составляют производные III и IV ступеней. III ступень представлена композитами с основной *информационн-*, которая занимает начальную и конечную позицию: *информационно-познавательный* (*информационно-познавательный фильм*), *информационно-пропагандистский* (*информационно-пропагандистская служба*) (НРЛ-77), *информационно-расчетный* (*информационно-расчетная система*), *информационно-методический*, *информационно-публицистический* (НРЛ-79), *информационно-социологический* (*информационно-социологический сектор*) (НРЛ-81), *информационно-идеологический* (*информационно-идеологическая кампания*) (НРЛ-82), *информационно-управленческий* (*информационно-управленческая деятельность*), *информационно-емкий* (*информационно-емкая система мониторинга*) (НРЛ-83), *информационно-советующий* (*информационно-советующая система*) (НРЛ-85), *информационно-консультативный* (*информационно-консультативный комплекс*), *информационно-рекомендательный* (*информационно-рекомендательный характер*), *информационно-просветительный* (*информационно-просветительная кампания*) (НРЛ-87), *информационно-библиотечный* (*информационно-библиотечный совет*), *информационно-коммерческий* (*информационно-коммерческий центр*), *информационно-координационный* (*информационно-координационный центр интердвижения*), *информационно-ориентирующий* (*информационно-ориентирующие функции*), *информационно-экономический* (*информационно-экономическая система*) (НРЛ-88), *информационно-вычислительный*, *информационно-аналитический*, *информационно-библиографический*, *информационно-газетный*, *информационно-генетический*, *информационно-диспетчерский*, *информационно-измерительный*, *информационно-комбинаторный*, *информационно-контролирующий*, *информационно-логический*, *информационно-математический*, *информационно-методический*, *информационно-музыкальный*, *информационно-описательный*, *информационно-поисковый*, *информационно-пропагандистский*, *информационно-культурный*, *информационно-диагностический*, *информационно-развлекательный*, *информационно-разведывательный*, *информационно-расчетный*, *информационно-рекламный*, *информационно-содержательный*, *информационно-справочный*, *информационно-телеграфный*, *информационно-технический*, *информационно-управляющий*, *информационно-художественный* и *судейско-информационный* (*судейско-информационная аппаратура*) (НРЛ-77), *музыкально-информационный* (*музыкально-информационное сопровождение*), *телеграфно-информационный* (*телеграфно-*

информационный стиль) (НРЛ-79), документально-информационный (документально-информационное обслуживание) (НРЛ-84), телевизионно-информационный (телевизионно-информационная культура) (НРЛ-85), массово-информационный (НРЛ-88), контрольно-информационный, исполнительно-информационный, справочно-информационный, теоретико-информационный.

IV ступень представляют композиты, в которых основа *информативн-* занимает начальную позицию: *информативно-художественный* (НРЛ-77), *информативно-репортажный* (*информативно-репортажные страницы*) (НРЛ-86), *информативно-интеллектуальный* и *информативно-художественный*, а также юкстапозит *мало/информативный* (*малоинформативное выступление*).

Гнездо с вершиной просветить

Глагол *просветить/просвещать* моносемичен, имеет значение «сообщить кому-л. знания, распространить среди кого-л. знания, культуру» (*просвещать население*).

Субстантивный блок составляют производные II и III ступеней.

На II ступени образуются композиты *первопросветитель* (НРЛ-79), юкстапозиты с начальной позицией лексемы *просветитель*: *просветитель-гуманист*, *просветитель-демократ*, *просветитель-материалист*, *просветитель-миссионер*, *просветитель-энциклопедист*, юкстапозиты с конечной позицией лексемы *просветитель*: *поэт-просветитель*, *педагог-просветитель*, *музыкант-просветитель*, *либерал-просветитель*, *историк-просветитель*, *интеллигент-просветитель*, *критик-просветитель*, а также аббревиатуры *парт/просвещение*, *полит/просвещение*, *проф/просвещение*, *нар/ком/прос*, ДЭП [дэп] – Дом экологического просвещения (НРЛ-87), ДПП [дэ-пэ-пэ] – Дом политического просвещения, ДСП [дэ-эс-пэ] – Дом санитарного просвещения.

На III ступени образуются аббревиатуры *культ/просвет* – культурно-просветительная работа, *культ/просвет/работа* – культурно-просветительная работа, *культ/просвет/учреждение* – культурно-просветительное учреждение; *полит/просвет* – политическое просвещение «в СССР в 20 – 30-х годах – сокращенное название учреждений, органов, занимавшихся политическим просвещением»; *сан/просвет* – санитарно-просветительная пропаганда, санитарное просвещение.

Аббревиатуры составляют следующие словообразовательные пары: *полит/просвещение* – *политпросвещать* (НРЛ-86), *культ/просвет/работа* – *культпросветработник*, *полит/просвет/работа* – *политпросветработник*. Отмечена одна словообразовательная цепочка: *полит/просвет* – *политпросветчик* – *политпросветчица*.

Адъективный блок составляют производные II и III ступеней.

На II ступени образуются композиты с глагольно-адъективной основой *просветительн-* в конечной позиции (исключение составляет производное *просветительно-образовательный*): *консультационно-просветительный* (НРЛ-78), *культурно-просветительный*, *научно-просветительный*, *политико-просветительный*, *общественно-просветительный*, *художественно-просветительный*, *музыкально-просветительный*.

На третьей ступени находятся композиты с глагольно-адъективной основой *просветительск-*, которая может занимать начальную и конечную позицию в производных: *просветительско-рекомендательный* (НРЛ-78), *просветительско-материалистический*, *просветительско-патриотический*, *просветительско-реформаторский*, *просветительско-материалистический*, *просветительско-народнический*, *просветительско-патриотический*, *просветительско-реформаторский* и *концертно-просветительский* (НРЛ-81), *буржуазно-просветительский*, *историко-просветительский*, *научно-просветительский*, *музыкально-просветительский*, *либерально-просветительский*, *нравственно-просветительский*, *церковно-просветительский*.

Небольшую группу образуют юкстапозиты *просветительски-контролирующий* (НРЛ-88), *демократически-просветительский* и *моралистически-просветительский*.

Гнездо с вершиной консультировать¹

«давать консультацию; быть консультантом»

(*консультировать студентов, консультировать больных*)

Субстантивный блок.

В гнездо входят аббревиатуры II и III ступеней *проф/консультант* «специалист по профессиональной ориентации» (НРЛ-77), *КИЦ* [киц] – консультативно-информационный центр, *консульт/пункт*, *конс/отдел*, *лит/консультант* (НРЛ-84), *юр/консультация* (НРЛ-85), а также юкстапозиты II ступени *статья-консультация* (НРЛ-78), *консультант-академик*, *консультант*

тант-гематолог, продавец-консультант (НСЗ 70-х), профессор-консультант, советник-консультант (НРЛ-85), консультант-наставник, консультант-общественник, консультант-радиомеханик (НРЛ-86), дизайнер-консультант (НРЛ-87), дом-консультация (НРЛ-88), юрис/консульт, радио/консультация, модельер-консультант, психолог-консультант, проектировщик-консультант, педагог-консультант, художник-консультант, эксперт-консультант, экспресс-консультация.

Словообразовательные пары имеет производное юрис/консульт: юрис/консульт – юрисконсультство, юрис/консульт – юрисконсультский.

Адъективный блок составляют композиты Ш ступени с основами консультационн- и консультативн-: *техничко-консультационный* (*техничко-консультационный центр*) (НРЛ-87), *консультационно-посреднический* (*консультационно-посреднический центр*) (НРЛ-88), *консультационно-библиографический*, *консультационно-справочный*, *врачебно-консультационный*, *учебно-консультационный*, *планово-консультационный*.

Основа *консультативн-* в производных занимает преимущественно начальную позицию: *консультативно-просветительский* (*консультативно-просветительская помощь*) «относящийся к консультированию и просветительской работе» (НРЛ-78), *консультативно-методический* (*консультативно-методическая помощь*) «осуществляющий консультации и оказывающий методическую помощь» (НСЗ 80-х), *консультативно-диагностический* (*консультативно-диагностическая поликлиника*) «относящийся к медицинским консультациям и установлению диагноза, предназначенный для этой цели» (НРЛ-82), *консультативно-методический центр* (НРЛ-85), *консультативно-информационный* (*консультативно-информационный центр*) «предназначенный для консультаций и выдачи требуемой информации» (НРЛ-86), *медико-консультативный* (*медико-консультативная помощь*) «связанный с дачей медицинских консультаций» (НРЛ-88), *профессионально-консультационный* (*профессионально-консультационный пункт*) (НРЛ-80), *консультативно-исполнительный*, *экспертно-консультативный*.

Гнездо с вершиной вещать3

«передавать для слушания (о радиостанциях)» (вещать на всю страну)

На I ступени образуются адъективные композиты *звукораздательный* (*звукораздательная установка*) (НРЛ-77), *телевещательный* (*телевещательная индустрия*) (НРЛ-84), *радиораздательный* (*радиораздательный центр*), *широкораздательный* (*широкораздательные станции*) и субстантивный композит *широкораздательный*;

на II ступени образуются аббревиатуры *стерео/раздача* (НРЛ-86), *теле/раздача*, *радио- и теле/раздача*, *НТВ* [эн-тэ-вэ] – непосредственное телевизионное вещание, *ШВРС* [шавэ-эр-эс] – широкораздательная радиостанция, *РВС* [эр-вэ-эс] – радиораздательная станция, *РВЦ* [эр-вэ-у] – радиораздательный центр и юкстапозит *радио/раздача*; на III ступени – аббревиатура *ЕСР* [е-эс-эр] – Европейский союз радиораздачи.

Производное *широкораздательный* является многозначным, в каждом из значений входит в разные словообразовательные пары: *широкораздательный* (*широкораздательные станции*) – *широкораздательно*; *широкораздательный* (*широкораздательные декларации*) – *широкораздательность* (*устар.*).

Гнездо с вершиной транслировать

«передать/передавать на расстояние речь музыку изображения и т.п. по радио или телевидению непосредственно с места действия»

(*транслировать концерт, транслировать футбольный матч*)

В гнездо входят адъективные композиты III ступени *трансляционно-усилительный*, *командно-трансляционный*; юкстапозиты II ступени *транслятор-программа* и *программа-транслятор*, *радио/трансляция*; аббревиатуры II и III ступеней: *теле/транслятор* (НРЛ-78), *ГТС* [гэ-тэ-эс] – городская трансляционная сеть, *РТУ* [эр-тэ-у] – районное трансляционное устройство, *ОТУ* [о-тэ-у] – оконечное трансляционное устройство, *ПТУ* [пэ-тэ-у] – промежуточное трансляционное устройство и IY ступени *РТС* [эр-тэ-эс] – ретрансляционная телевизионная станция.

Юкстапозит *радио/трансляция* образует следующие словообразовательные цепочки: *радио/трансляция* – *радиотрансляционный* – *РТС* [эр-тэ-эс] – *радиотрансляционная связь*, *РТС* [эр-тэ-эс] – *радиотрансляционная сеть*, *радиотрансляция* – *радиотрансляционный* – *ГРТС* [гэ-эр-тэ-эс] – городская *радиотрансляционная сеть*, *радиотрансляция* – *радиотрансляционный* – *РТУ* [эр-тэ-у] – *радиотрансляционная установка*.

Гнездо с вершиной **передать**⁴

«сообщить, распространить средствами технической связи»

(передать концерт по радио)

Гнездо состоит из юкстапозитов III ступени *прием-передача, радио/передача; юкстапозитов* IV ступени *теле/радио/передатчик* (НРЛ-79), *радио/передатчик; аббревиатур* III ступени *теле/передача, АПД* [а-пэ-дэ] – аппаратура передачи данных, *ОРПС* [о-эр-пэ-эс] – областная радиотелевизионная передающая станция, *ПДРЦ* [пэ-дэ-эр-цэ] – передающий радиочастотный центр, а также адъективных композитов III ступени *приемопередающий (приемопередающая аппаратура) и приемнопередающий (приемнопередающая аппаратура)* «служащий для приема и передачи радио- и электросигналов» и адъективных юкстапозитов III ступени *радио/передающий (радиопередающая аппаратура), радио/теле/передающий (радиотелепередающая аппаратура)*.

Гнездо с вершиной **декларировать**

«официально заявить/заявлять, провозгласить/провозглашать, выступить/выступить с декларацией» *(декларировать права граждан)*

В гнездо входят адъективные композиты III ступени с основой *декларативн-* в начальной позиции: *декларативно-риторический (декларативно-риторический лозунг)* (НРЛ-87), *декларативно-прямолинейный (декларативно-прямолинейные клише)* (НРЛ-88), *декларативно-патриотический, декларативно-программный*.

Гнездо с вершиной **комментировать**¹

В гнезде с вершиной *комментировать*¹ «составить/составлять комментарий, комментарии к чему-л.» *(комментировать текст, комментировать спортивные соревнования)* представлены аббревиатуры, образованные на II ступени: *теле/радио/комментатор* (НРЛ-84), *теле/комментатор* и юкстапозиты *радио/комментарий* (НРЛ-80), *экспресс-комментарий* (НСЗ 80-х), *репортаж-комментарий* (НРЛ-79), *экспресс-комментарий* (НРЛ-84), *радио/комментатор, статья-комментарий*.

Незначительный удельный вес сложных слов представлен в гнездах глаголов *изложить* «сообщить, передать что-л. в связной и последовательной форме, устно или письменно» (*выше/изложенный, ниже/изложенный*); *поздравить/поздравлять* «приветствовать кого-л. по случаю чего-л. радостного, приятного» (*рапорт-поздравление, поздравительно-величальный, поздравительно-торжественный*); *разъяснить* «сделать ясным, понятным, растолковав, объяснив что-л.» (*иллюстративно-разъясняющий* (НРЛ-85), *массово-разъясняющий, разъяснительно-агитационный, массово-разъяснительный*); *сообщить*¹ «довести до чьего-л. сведения, уведомить, известить» (*извещение-сообщение* (НРЛ-87), *радио/сообщение, мысль-сообщение*).

IV. Деривационный потенциал глаголов со значением речевого взаимодействия и контакта

(базовые глаголы *беседовать, спросить/спрошать, говорить*³, *дискутировать, дискутировать, дебатировать, звать*³, *исповедовать*¹, *обращаться, ответить, отрицать, совещаться, спорить, справиться*)

Гнездо с вершиной **говорить**³

«вести беседу, разговаривать»

(«Кто там в малиновом беретте С послом испанским говорит?» Пушкин, Евгений Онегин)

На I ступени образуются субстантивные композиты *словоговорение* и *складноговорение*.

На II ступени располагаются адъективный композит *малоразговорчивый* – мало разговаривать и юкстапозиты *говорун-пустомеля* (НРЛ-84), *споры-разговоры* (НРЛ-81).

В гнезде отражена словообразовательная пара *малоразговорчивый* – *малоразговорчивость* (НРЛ-86).

На IV ступени образуются адъективные композиты с основой *разговорн-*, которая занимает начальную и конечную позиции: *разговорно-бытовой, разговорно-естественный, разговорно-литературный, разговорно-обиходный, разговорно-прозаический, разговорно-просторечный, разговорно-речевой, разговорно-фамильярный, разговорно-экспрессивный* и

диалектно-разговорный, литературно-разговорный, народно-разговорный (народно-разговорный язык).

Гнездо с вершиной справиться⁴

Глагол *справиться/справляться* имеет 4 значения, входит в ЛСГ речи в четвертом значении «обратиться куда-л., к кому-л. для получения сведений, выяснения чего-л.; спросить, осведомиться» (*справиться о здоровье, справиться на почте о переводе*).

Субстантивный блок составляют производные II и III ступеней.

На II ступени образуются аббревиатуры *гор/справка* (НРЛ-81), *гидро/метео/справка* «справка о гидрологической и метеорологической обстановке где-л.» (НРЛ-88) и юкстапозиты *справка-вызов* (НРЛ-77), *справка-рапорт* (НРЛ-78), *справка-допуск* (НРЛ-85), *справка-объективка*, *статья-справка*;

на III ступени – аббревиатуры *кино/справочник* (НРЛ-84), *АШС* [а-ша-эс] – **А**виационный **Ш**турманский **С**правочник, *СМ* [эс-эм] – **С**правочник **М**ашиностроителя, *СУН* [сун] – **С**правочник **У**крупненных **Н**орм, *СУСН* [сусн] – **С**правочник **У**крупненных **С**метных **Н**орм (*строит.*) и юкстапозиты *справочник-автомат* (НРЛ-78), *справочник-памятка* (НРЛ-79), *справочник-ежегодник* (НРЛ-85), *справочная-приемная* (НРЛ-88), *касса-справочная*, *справочник-каталог* и *каталог-справочник*, *путеводитель-справочник*, *список-справочник*, *справочник-путеводитель*, *справочник-руководство*, *календарь-справочник*.

Адъективный блок представлен производными III ступени – аббревиатурами *ГСБК* [гэ-эс-бэ-ка] – Главная справочно-библиографическая картотека, *ГСК* [гэ-эс-ка] – главная справочная картотека и композиатами с основной *справочн-*, которая может занимать начальную и конечную позицию: *справочно-консультационный* (*справочно-консультационный характер литературы*), *справочно-поисковый* (*справочно-поисковая система*) (НРЛ-88), *справочно-информационный* (*справочно-информационный отдел*), *справочно-библиографический* (*справочно-библиографический отдел*), *справочно-картографический*, *справочно-краеведческий*, *справочно-рекомендательный* и *энциклопедически-справочный* (*энциклопедически-справочные издания*) (НРЛ-87), *адресно-справочный*, *картографо-справочный*, *словарно-справочный*, *консультационно-справочный*, *научно-справочный*, *оперативно-справочный*, *учетно-справочный*, *каталожно-справочный*, *хроникально-справочный*.

Гнездо с вершиной совещаться

Глагол *совещаться* является моносемичным, имеет значение «обсуждать что-л. совместно с кем-л.» (*совещаться с другом, совещаться с командиром*).

В субстантивный блок входят производные, образованные на II ступени: аббревиатуры *теле/совещание* (НРЛ-81), *пед/совещание*, *эконом/совещание* и юкстапозиты *встреча-совещание* (НРЛ-80), *совещание-семинар* и *семинар-совещание*.

Адъективный блок представлен композиатами I и II ступеней *законосовещательный* «устар. занимающийся обсуждением и разработкой законопроектов» (*законосовещательный орган*) и *законодательно-совещательный* (*законодательно-совещательные функции*).

Гнездо с вершиной ответить¹

В гнездо с вершиной *ответить*¹ «дать ответ на заданный вопрос, обращение» (*ответить обстоятельно, ответить другу*) входят субстантивные композиаты I ступени *приемо-ответчик* – отвечать и принимать (НСЗ 70-х), *самоответчик* – отвечает сам, аббревиатура I ступени *авто/ответчик* – отвечать автоматически, юкстапозиты II ступени *ответ-вопрос*, *ответ-отписка* (НРЛ-82), *статья-ответ* (НРЛ-85), а также адъективные композиаты с основной *ответн-* в конечной позиции: *вопросоответный* и *вопросно-ответный*, *запросно-ответный*, *опросно-ответный*.

Гнездо с вершиной звать³

В гнездо с вершиной *звать*³ «обозначать тем или иным словом, наименованием, давать какое-л. наименование, название; называть» (*звать аристократом, гриб зовут волнушкой*) входят субстантивный композит II ступени *самоназвание* «имя, которым какой-л. народ, народность, племя и т.п. называет сам себя» – назвать самого себя, адъективные композиаты *самозванный* «присвоивший себе незаконно чужое имя, звание» – назвать себя самому и *первозванный*, а также юкстапозиты-адъективы III ступени *выше/названный*, *ниже/названный*, *прежде/названный*. Производное *самозванный* образует словообразовательные пары и словообразовательную цепочку: *самозванный* – *самозвано*, *самозванный* – *самозванство*; *самозванный* – *самозванец* – *самозванка*.

Гнездо с вершиной отчитаться

Глагол *отчитаться* имеет одно значение «дать отчет в своей работе, деятельности и т.п.» (*отчитаться о работе, отчитаться перед избирателями*).

Субстантивный блок состоит из **компози**та II ступени *самоотчет* «отчет о своей работе, занятиях», **аббревиатуры** II ступени *полит/отчет* и **юкстапозитов** *экспресс-отчет* (НРЛ-78), *отчеты-выборы* «отчетно-выборные собрания, отчетно-выборная компания (*разг.*)», *отчет-смотр* «отчет в форме показа чего-л.», *радио/отчет* «передача по радио сообщений с места каких-л. событий» (НРЛ-80), *концерт-отчет* (НСЗ 80-х), *выставка-отчет* (НРЛ-82), *отчет-дневник*.

Адъективный блок составляют композиты II ступени с основой *отчетн-* в начальной и конечной позиции: *отчетно-информационный*, *отчетно-перевыборный* (*отчетно-перевыборное собрание*), *отчетно-выборный* (*отчетно-выборное собрание*), *отчетно-статистический* и *планово-отчетный* (*планово-отчетные показатели*) (НРЛ-87), *учетно-отчетный*, *финансово-отчетный*.

Гнездо с вершиной *обратиться*⁴

В гнездо с вершиной *обратиться*⁴ «направить свои слова, речь и т.п. к кому-, чему-л.» (*обратиться к прохожему, обратиться к присутствующим*) входят **аббревиатура** II ступени *теле/обращение* (НСЗ 80-х) – обращение по телевидению, а также **юкстапозиты** П ступени *обращение-отказ* (НРЛ-85), *обращение-письмо*, *фильм-обращение* (НРЛ-88), *обращение-приветствие*, *обращение-призыв*, *радио/обращение* (НРЛ-82) – обращение по радио.

Незначительный удельный вес сложных слов представлен в гнездах глаголов *выступить*⁵ «предстать перед публикой, аудиторией с каким-л. сообщением, заявлением или в качестве исполнителя чего-л.» (*радио/выступление* (НСЗ 70-х), *теле/выступление*); *спорить*¹ «вести спор, возражать кому-л., доказывая что-л.» (*спор-диалог* (НРЛ-84), *спор-поединок спор-диспут*); *диспутировать* «вести диспут, спорить» (*радио/диспут*, *спектакль-диспут*, *роман-диспут* (НСЗ 80-х), *спор-диспут*); *перен. исповедовать*^{2//} «чистосердечно признаться/признаваться в чем-л.» (*монолог-исповедь*, *радио/исповедь* (НРЛ-79), *репортаж-исповедь* (НРЛ-88), *статья-исповедь*); *отрицать*¹ «опровергать что-л., не соглашаться с чем-л.» (*отрицательно-вопросительный*, *отрицательно-оценочный*, *отрицательно-эмоциональный*).

V. Деривационный потенциал глаголов побуждения, выражаемого устной или письменной речью

(базовые глаголы *звать*¹, *кликать*¹, *приказать*¹, *просить*¹, *убедить*¹)

Гнездо с вершиной *звать*¹

Гнездо с вершиной *звать*¹ «голосом, жестом приглашать приблизиться, подойти или откликнуться» (*звать людей на помощь, звать детей домой*) составляют **аббревиатура** III ступени *СВУ* [зс-вз-у] – сигнально-вызывное устройство (телефония), **субстантивные юкстапозиты** IV ступени *письмо-призыв* (НРЛ-80), *призыв-предупреждение* (НРЛ-81), *листочка-призыв* (НРЛ-82), *вопрос-призыв* (НРЛ-84), *объявление-призыв*, *документ-призыв*, *призыв-предостережение*, *приказ-призыв* (НРЛ-85), *заявление-призыв* (НРЛ-87), *просьба-призыв* (НРЛ-88), *стих-призыв*, *листочка-воззвание*, *декрет-воззвание*, *радиовывоз*, а также **юкстапозиты** V и VI ступеней *полупризыв-полуприказ* (НРЛ-77), *радио/позывные*.

Гнездо с вершиной *просить*¹

Гнездо с вершиной *просить*¹ «добиваться чего-л. у кого-л.» (*просить помощи, просить прощения*) состоит из **субстантивного блока**, представленного **аббревиатурой** IV ступени *теле/опрос* (НРЛ-88) – опрос по телевидению, **юкстапозитами** П ступени *письмо-просьба*, *просьба-заявка* (НРЛ-79), *радио/опрос* (НРЛ-78), *просьба-заказ* (НРЛ-86), *просьба-требование* (НРЛ-87), *открытка-просьба*; **юкстапозитами** III ступени *экспресс-опрос* (НРЛ-85), *запрос-требование* (НРЛ-86), *опрос-анкетирование*, (НРЛ-87), *опрос-беседа*; **юкстапозитом** IV ступени *запросчик-ответчик*.

В **адъективный блок** входят композиты II и IV ступеней *просительно-неуверенный* (*просительно-неуверенные интонации*) (НРЛ-78), *просительно-сослагательный* (*просительно-сослагательное наклонение*) (НРЛ-84), *запросно-ответный*, *опросно-вызывной*, *опросно-ответный*.

В гнездо входит также юкстапозит-глагола II ступени *просить-молить*.

Гнездо с вершиной *кликать*¹

«звать, призывать»

(«Стал он *кликать* золотую рыбку» (II.)

Гнездо состоит из юкстапозитов Ш степени *стих-отклик* (*газетный стих-отклик Евтушенко*) (НРЛ-82), *письмо-отклик*, *отклик-предложение* (НРЛ-84), *статья-отклик* (НРЛ-86), *отклик-мнение* (НРЛ-87), *отклик-одобрение* (НРЛ-88), *радио/перекличка* (НСЗ 80-х), *перекличка-соревнование*; а также из адъективных композитов 1У степени *придыхательно-восклицательный* (*придыхательно-восклицательные интонации*), *собственно-восклицательный*.

Гнездо с вершиной приказать1

«обычно с неопр. Отдать приказ, приказание»

(*приказать готовиться к обороне*)

Гнездо состоит из юкстапозитов II степени *приказ-напоминание* (НРЛ-84), *приказ-постановление* (НРЛ-87), *приказ-задание*, *жиро/приказ*, *план-приказ* и адъективных композитов Ш степени *административно-приказной* (*административно-приказные методы работы*), *командно-приказной* (*командно-приказные методы работы*).

Гнездо с вершиной убедить1

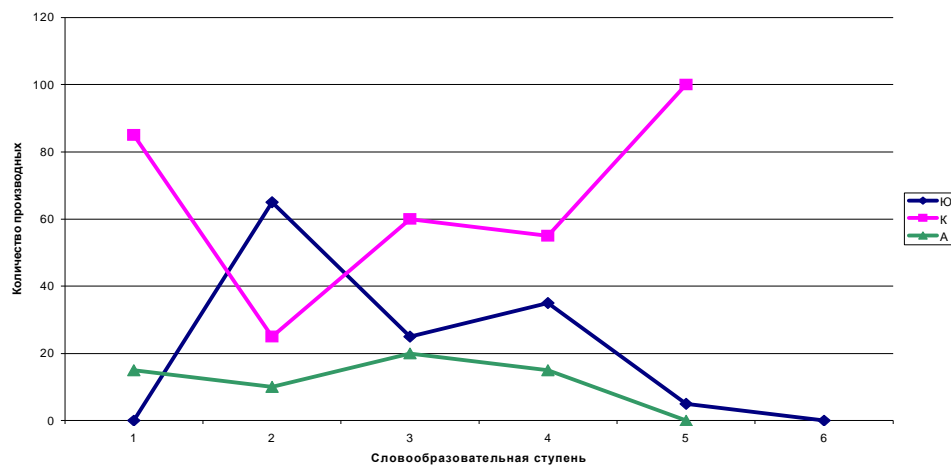
«обычно в чем. Заставить поверить чему-л., уверить в чем-л.»

(*убедить в своей правоте, убедить в необходимости поездки*)

Гнездо составляют субстантивный композит П степени *самоубеждение* (НРЛ-81) и адъективные композиты П степени *малоубедительный* и *убедительно-искренний*:

Таким образом, проведенное исследование выявило актуальные для образования сложных слов глаголы речи, количество предикатов варьируется в зависимости от выделенных пяти подгрупп. В процентном соотношении это проявляется следующим образом: 1 подгруппа «глаголы, характеризующие акустически-физиологическую и графическую сторону речи» составляет 15%; 2 подгруппа «глаголы, характеризующие содержание мысли» – 19%; 3 подгруппа «глаголы, характеризующие коммуникативную сторону устной и письменной речи» – 30%; 4 подгруппа «глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта» – 26%; 5 подгруппа «глаголы со значением побуждения, выражаемого устной или письменной речью» – 10%.

Динамика образования сложных слов на словообразовательных ступенях

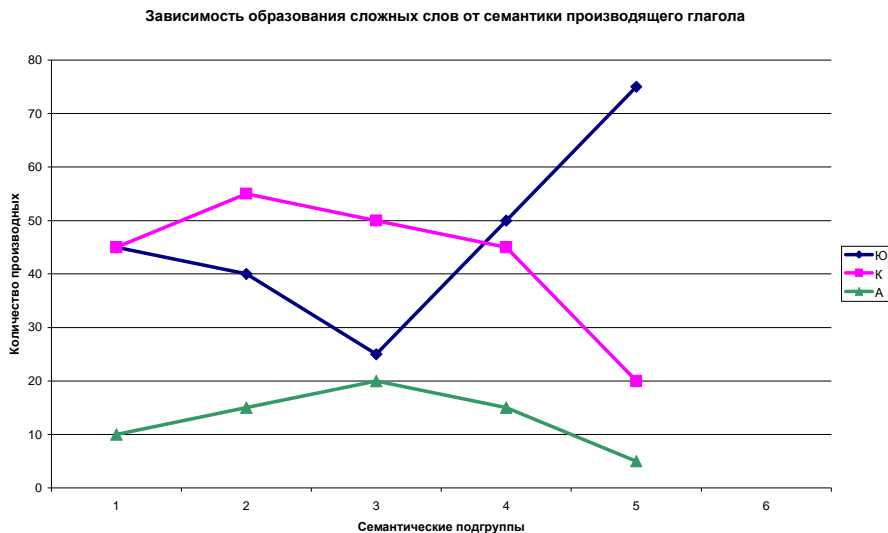

Зависимость образования сложных слов (композитов, юкстапозитов и аббревиатур) от семантики глагола в составе мотивирующей синтагмы и динамика появления сложных слов на различных словообразовательных ступенях отражены в следующих диаграммах.

В диаграмме № 1 показано, что наибольшее количество *композитов* (51%) образуется от глаголов речи 2 подгруппы. Небольшой разрыв в производных наблюдается в 3 подгруппе (49%), образование композитов плавно снижается по отношению к 4 подгруппе (42%) и резко идет на убыль по направлению к 5 подгруппе (24%).

В образовании *юкстапозитов* наблюдаются резкие скачки. Так, наибольшее количество дериватов образуется от глаголов 5 подгруппы (73%), значительное уменьшение количества производных наблюдается в 3 подгруппе (25%), после чего наблюдается рост по направлению к 1 подгруппе (46%).

Меньший удельный вес у *аббревиатур*. Предельное их количество образуется от глаголов 3 подгруппы (26%) и наименьшее – от глаголов 5 подгруппы (3%).

Прокомментируем диаграмму № 2.

Процесс сосредоточения *композигов* на 3 и 4 степенях осуществляется ровнее (60% и 54%), чем на других степенях. Резкий скачок в образовании композигов наблюдается в направлении от 1 степени (85%) к П (27%) и от 1У (54%) к У степени (97%).

Для *юктапозигов* плодотворной является П степень (62%), снижение количества производных наблюдается на Ш степени (24%), 1У степень характеризуется ростом дериватов (33%) с сокращением их на последующих степенях.

Более ровный характер наблюдается в образовании *аббревиатур*, их сосредоточение на 1-1У степенях характеризуется незначительным колебанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Л.П. Развитие словообразовательных гнезд с синонимичными исходными словами (на материале гнезд с вершинами питать и кормить): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 – русский язык. / Киевский государственный педагогический институт имени А.М. Горького. – К., 1990. – 16 с.
2. Боюн А.М. Ієрархія семантичної структури вершини словотвірного ґнізда (на матеріалі СГ зі словом-вершиною вода): Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 – російська мова. /Український державний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова. – К., 1996. – 25 с.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола (Глаголы речи, звучания и поведения). – Уфа, 1981. – 72 с.
4. Газизова Р.Ф. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском и сербохорватском языках. – Саратов, 1989. – 176 с.
5. Газизова Р.Ф. Сложные существительные и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 01 – русский язык. / Башкирский гос. ун-т. – Краснодар, 1992. – 35 с.
6. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов, 1981. – 194 с.
7. Гірняк С.П. Структурно-семантична організація словотворчих ґнізд з базовими дієсловами мовлення в українській мові ХІХ-ХХ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 01 – українська мова. /Донецький державний університет. – Донецьк, 1999. – 23 с.
8. Карунц Р.Г. О специфике словообразовательных гнезд глаголов звучания // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 362 – 365.
9. Касимова Г.К. Глаголы со значением информации и субъектные связи их предикативных форм // Слово и грамматические законы языка: Глагол. – М., 1989. – С. 211 – 247.
10. Клименко Н. Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. – К., 1984. – 252 с.
11. Кочеткова Т.В. Глаголы говорения в художественном и научном стилях: Лексическая представленность // Вопросы стилистики. – Саратов, 1977. – Вып. 13.

12. Крылова И.А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. / Институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 1996. – 21 с.
13. Маторина Н.М. Состав и структура словообразовательного гнезда с вершиной *деять* в современном русском языке // Язык, стиль, культура. – Донецк, 1992. – С. 80 – 90.
14. Михайлова И.Д. Словообразовательное гнездо с вершиной *круж*: становление и современное состояние: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Московский государственный педагогический университет. – М., 2001. – 24 с.
15. Морозов А.В. Источники полисемии отглагольных существительных в современном русском языке (на материале дериватов от глаголов физического действия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Томский государственный университет. – Томск, 1988. – 20 с.
16. Ничман З.В. О взаимодействии глаголов говорения (устной речи) с другими группами слов в русском языке // Слово в системе и тексте. – Новосибирск, 1988. – С. 50 – 56.
17. Плотникова Г.Н., Скорнякова М.Ф. Словообразовательные особенности глаголов различных ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989. – С. 61 – 83.
18. Плужникова Т.И. Типология гнезд и семантическая структура производных от названий времен года в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – К., 1989. – 23 с.
19. Попова Т.В. Лексико-семантические группы русских глаголов в деривационном освещении // Русская глагольная лексика: пересекается парадигм. – Екатеринбург, 1997. – С. 287 – 309.
20. Степанова Г.В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1970. – 19 с.
21. Хурамшина К.Я. Лексико-семантические отношения слов в словообразовательных цепочках с исходным многозначным глаголом звучания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – М., 1987. – 21 с.
22. Шведова Н.Ю. Лексическая классификация русского глагола: (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание: 1X Международный съезд славистов. – М., 1983. – С. 306 – 323.
23. Ширина Л.И. Семантическая соотносительность компонентов словообразовательного гнезда с вершиной *жечь* // Словообразование и структура слова в русском языке. – Ташкент, 1980. – С. 27 – 30.
24. Яковенко С.Р. Формальная и семантическая структура словообразовательных гнезд глаголов чувственного восприятия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. – К., 1987. – 24 с.

СЛОВАРИ

1. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. – М., 1977.
2. Карпіловська Є.А. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями. – К., 2002.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. – М.; Л., 1950-1965.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1981 – 1984.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – М., 1985.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х т. – М., 1934 – 1940.
7. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М., 2004.

ИСТОЧНИКИ

- НРЛ-77 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77. – М., 1980.
 НРЛ-79 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 79. – М., 1982.
 НРЛ-80 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80. – М., 1984.
 НРЛ-81 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81. – М., 1986.
 НРЛ-82 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82. – М., 1986.
 НРЛ-85 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985. – СПб., 1996.
 НРЛ-86 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986. – СПб., 1996.
 НРЛ-87 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987. – СПб., 1996.
 НРЛ-88 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988. – СПб., 1996.
 НСЗ 60-х – Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – М., 1973.
 НСЗ 70-х – Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. – М., 1984.
 НСЗ 80-х – Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. – СПб., 1997.

УДК 811.161.1+81'373.611

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ УНИВЕРБОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.В. Воротникова (Украина, АРК, Симферополь)

В статье исследуется явление универбации как разновидность компрессивного словообразования; рассматривается универбация словосочетаний различного типа, усложненной и неусложненной структуры, а также универбация пропозиций.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, универбация, универб.

The article deals with the phenomenon of univerbation as variety of compression word-formation; considers word-combinations univerbation of different type, complicated and uncomplicated structure, and also univerbation of proposition.

Key words: compression word-formation, univerbation, univerb.

У статті досліджується явище универбації як варіант компресивного словотворення; розглядається универбація словосполучень різного типу ускладненої і неускладненої структури, а також универбація пропозицій.

Ключові слова: компрессивное словотворення, универбація, универб.

Постановка проблемы. Явление, в котором находит воплощение языковая тенденция к экономии средств выражения, известно в лингвистической литературе под различными терминами: «синтетическое сжатие», «стяжение», «семантическая конденсация», «включение», «универбация» [Лопатин 1972:72].

Одним из первых подобное явление рассмотрел польский исследователь Я. Розвадовский. Его идея об исконной двучленности возникающих понятий, а следовательно, и их наименований оказалась чрезвычайно плодотворной. По мнению Я. Розвадовского, вновь возникающие понятия одними своими признаками связываются с уже существующими понятиями, другими от них отличаются, поэтому языковой знак тоже состоит из двух компонентов – идентифицирующего и дифференцирующего.

Эта идея получила дальнейшее развитие в работах А.В. Исаченко. Именно он ввел в научный обиход термин «универбация», используя параллельно термин «семантическая конденсация». С точки зрения А.В. Исаченко, утрата первоначальной и семантической расчлененности наименования является одним из основных законов развития лексики вообще, а сущность развития наименования заключается в том, что «один из элементов номинации, состоящей по происхождению из двух элементов, утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в одно целое, так сказать, универбация, – переход слова из категории мотивированных в категорию немотивированных» [цит. по: Осипова 1994:15-16].

Изучению семантической конденсации посвящен специальный раздел коллективной монографии «Русская разговорная речь». Рассматривая определенные правила семантической конденсации, словообразовательные и семантические «схемы», интегрирующие словосочетание в слово, ее авторы обращают внимание на такое обстоятельство: «Семантическая конденсация создает в РР такие "сильнодействующие" модели, что иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание – по аналогии. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль-сочетания (а, значит, они сами становятся лже-конденсатами)» [Русская разговорная речь 1973:410]. Действительно, часть дериватов образовалась без опоры на адъективное сочетание: «Ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства. Так, при образовании конденсата *зимник «дачник, живущий на даче зимой»*, зафиксированного в словаре С.И. Ожегова, ступень *зимний дачник* не зафиксирована...» [Устименко 2001:22].

Термин «включение» подробно рассмотрен в работе Н.А. Янко-Триницкой «Процессы включения в лексику и словообразовании». В данном исследовании включение рассматривается как частный случай процессов универбации и семантической конденсации, отмеченных А.В.

Исаченко. «Включение – это такое расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово. Включаемым может быть как значение определяющего слова словосочетания, так и значение определяемого слова. Процессы включения наблюдаются и в лексике, и в словообразовании» [Янко-Триницкая 1964:18].

Анализируя процессы включения в лексике, автор отмечает, что преобладающим здесь является включение определяющего, и приводит следующие примеры: *температура* «повышенная, высокая температура», *вкус* «хороший, изысканный вкус», *воздух* «чистый, свежий воздух», *слух* «музыкальный слух», а также *песок* «сахарный песок», *расстройство* «расстройство желудка».

«Включение определяющего в лексике возможно только в тех случаях, когда и определяемое, и определяющее принадлежат к одному грамматическому классу слов, либо в тех случаях, когда возможен переход из одного грамматического разряда в другой без нарушения морфемного состава» [Янко-Триницкая 1964:23]. Например: *в декретном отпуске* – *в декрете* – «включено значение определяемого (*отпуске*), а определяющее для сохранения общего значения словосочетания переходит в существительное...» [Янко-Триницкая 1964:23].

Включение наблюдается и при словообразовании, в результате «включения определяющего». «При включении определяющего происходит изменение грамматического разряда слова, что выражается изменением основы слова (суффиксация) и системы флексий. Обычно это образование существительных от основы прилагательных на фоне сочетания данных прилагательных с существительными» [Янко-Триницкая 1964:27]. Например: *литейка* «литейный цех», *родилка* «родильное отделение», *водородка* «водородная бомба», а также *глазник* «глазной врач», *сторожевик* «сторожевой катер», *боковушка* «боковая комната, каморка». «Широко распространенным случаем включения определяемого является включение при субстантивации»: *запасной* (игрок), *прямая* (линия), *заливное* (блюдо), *сладкое* (блюдо) [Янко-Триницкая 1964:30, Полякова 1972, Кудрявцева 1993, Осипова 1994].

Продолжением и развитием лингвистической позиции Н.А. Янко-Триницкой являются исследования И.М. Поляковой. В диссертации «Процессы включения в лексике и словообразовании (наблюдение над профессиональной разговорной речью металлургов)» И.М. Полякова рассматривает процессы включения с двух сторон: 1) «со стороны лексической, когда слово не меняет своей внешней оболочки и как бы вбирает в себя значение другого слова, тем самым расширяя и обогащая свою семантику» [Полякова 1972:41], например: *показатели* «высокие показатели», *разряд* «высокий разряд», *стан* «прокатный стан», *лист* «стальной лист», *плавить* «плавить металл», *катать* «катать металл»; 2) «со стороны словообразовательной, когда в процессе включения одно слово не только поглощает значение другого, но получает совершенно новое грамматическое выражение» [Полякова 1972:42], например, включения с субстантивацией типа *прокатный* (цех), *тракторная* (сталь), *изотопная* (мастерская), *зачистная* (машина), *кислородная* (станция) и другие. Отдельно исследователь выделяет включения на базе словосочетаний, оформленных аффиксами, например, *обручка* «обручное железо», *нулевка* «нулевая сталь», *центровка* «центровая шайба», *травилка* «травильное отделение» и др.

Со времен появления трудов Я. Розвадовского, А.В. Исаченко, Н.А. Янко-Триницкой вышло немало работ, посвященных рассмотрению процессов универбации. Разнообразие подходов толкования универбационных процессов можно свести к следующим интерпретациям.

В широком значении универбация понимается как «процесс возникновения нерасчлененной формы наименования, который характерен для любого новообразования, независимо от того, зафиксированы ли в языке соответствующие расчлененные формы наименования» [Сахарный 1974:10]. Такое понимание термина «универбация» разделяют немногие исследователи [Сахарный 1974, Устименко 2001, Петров 2002].

Другая трактовка термина универбация впервые была предложена чешской (И.А. Исаченко, М. Докулил) и польской лингвистическими школами. Сторонники этой точки зрения определяющей чертой универбации считают факт существования в языке многословного устойчивого наименования, которое находится в мотивированных и синонимических отношениях с универбом. «Продуктом универбации (универботом) можно считать только такое мотивированное слово, наряду с которым имеется синонимичное словосочетание (с мотивирующим словом в его составе), носящее характер устойчивой языковой номинации» [Лопатин 1978:73].

Таким образом, в узком смысле универбация – это замена расчлененной раздельно-оформленной единицы цельнооформленной единицей. При этом обязательно в языке должны быть представлены две формы обозначения одного и того же плана содержания: расчлененная и нерасчлененная. Такую трактовку термина «универбация» разделяют многие исследователи [Полякова 1972, Глотова 1977, Лопатин 1978, Кудрявцева 1983, Земская 1992, Осипова 1994, Смирнова 2000 и др.].

Е.А. Земская считает узкое понимание универбации традиционным и рассматривает это явление наряду с усечением, субстантивацией и аббревиацией как способ компрессивного словообразования [Земская 1992]. При таком способе образования слов «суть автодеривации в переводе словосочетания в слово ... Роль аффикса здесь – оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную. Словообразовательное значение можно формулировать как значение предметности» [Земская 1992:35].

Мы разделяем точку зрения ученых, использующих в своих работах термин «универбация» как в узком, так и в широком понимании. Необходимо осмыслить границы этого явления. Универбацию мы рассматриваем как родовое наименование, которое включает в себя следующие видовые наименования: семантическую конденсацию, субстантивацию и сложение.

Цель статьи – изучить структурно-семантические особенности универбов-конденсатов, образованных в результате свертывания словосочетаний различного типа и пропозиций. Исследование проводится на материале справочных изданий «Новое в русской лексике. Словарные материалы 1977– 1988», на материале словаря-справочника по материалам прессы и литературы 60 – 90-х годов Л.И. Осиповой «Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а)», а также на основе собранной картотеки автора.

Дериваты, образованные на базе словосочетаний

Как уже было отмечено, в лингвистической литературе термины «включение», «семантическая конденсация», «сжатие», «стяжение», «семантическая компрессия», «синтетическое сжатие», «универбация» употребляются как синонимы. «Однако за ними стоят явления разного порядка, которые необходимо дифференцировать, поскольку семантическая конденсация, семантическая компрессия – явления плана содержания и имеют отношение к формированию содержательной стороны лексической единицы, а стяжение, сжатие, сведение – явления плана выражения и имеют отношение к формированию материальной оболочки новой лексической единицы» [Устименко 2001:20-21].

Мы разделяем точку зрения И.А. Устименко, согласно которой под семантической конденсацией понимается «образование нового слова путем "стяжени", "свертывания" материальной оболочки целого словосочетания достаточно устойчивого характера или фразеосочетания в одно слово с использованием в качестве производящего одного из компонентов словосочетания и с сохранением в плане содержания всего семантического объема исходного словосочетания без материальной выраженности второго компонента словосочетания в морфемном составе слова» [Устименко 2001:20]. Мотивирующее словосочетание, как правило, представляет собой двухкомпонентное наименование, состоящее из спецификатора – прилагательного и родового наименования – существительного.

Как показали наблюдения над фактическим материалом, продуктивным явлением стало образование конденсатов на базе атрибутивных словосочетаний с использованием суффикса -к(а) и его алломорфов (-ушк-а, -ашк-а, -анк-а, -инк-а, -овк-а, -лк-а, -ловк-а, -шк-а). Мотивирующие атрибутивные словосочетания могут включать в свой состав имена существительные всех трех родов: *музыкалка* – музыкальный конкурс, *валовка* – валовой продукт, *литейка* – литейный комплекс, цех; *наушка* – научная работа, *стихийка* – стихийная торговля, *запаска* – запасное колесо, *кругосветка* – кругосветное путешествие. Основная масса конденсатов с -к(а) – слова с предметным значением (*электронка* – электронная почта, *тренажерка* – тренажерный зал), однако в последние годы заметно растет количество образований на -к(а), имеющих непредметную семантику (*мажоритарка* – мажоритарная система выборов, *безнарядка* – безнарядная система оплаты).

Традиционно принято считать, что суффикс -к(а) придает слову общепредметное значение. Однако И.П. Глотова оспаривает данную точку зрения: «Определение... общей семантики данного суффикса как передающего значение предмета вообще – вызывает сомнения... Не все существительные с суффиксом -к(а) имеют конкретно-предметное значение; среди них есть и образования со значением лица, и отвлеченные (например, *первоклашка*, *капиталка* (капитальный ремонт), *военка* (военная служба)... Видимо, суффикс -к(а) не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования» [Глотова 1977:8-9].

Кроме того, в разговорную речь проникают семантические конденсаты, созданные по образцу жаргонизмов, с использованием непродуктивных ранее суффиксов *-ух(а)*, *-ач*, *-арь*: *глухарь* – глухое, безнадежное дело; *краснуха* – красный диплом (диплом с отличием), *щитовуха* – щитовой дом, *типовуха* – типовое строительство, *заказуха* – заказное убийство, *чернуха* – негативные факты, события, явления жизни и антоним *светлуха*: «Смотришь, вроде бы в детективах играют замечательные актеры, но ради динамичного действия на экране показывается *чернуха*» [АиФ в Украине, 2002, 38:15]; «Когда в начале 90-х наши режиссеры ринулись в стихию ужасов советской жизни, Олег Фомин сделал фильм про школьную любовь. Посмотрев картину «Милый Эп», друзья-коллеги начали подшучивать: изобрел, брат, новый жанр – *светлуху*» [Арт-Мозаика, 2000, 38:12]; суффикса *-ач*: *строгач* – строгий выбор, *кирзачи* – кирзовые сапоги, *жесткач* – жесткая музыка: «Сложновато, конечно, и жестко получилось... Но после льющейся отовсюду сладкой гадости хочется ведь *жесткача*, прививки правды. У нас есть некая творческая инфекция, и надо заражать ею людей» [Арт-Мозаика, 2004, 46:16].

Семантические конденсаты муж. рода образуются с помощью суффиксов *-ик(-ник)*, *-чик*, *-щик*, *-ец*, *-ист*, *-ак/-як*, *-ок*. Это многочисленная, активно пополняющаяся группа слов со значением лица. Наиболее продуктивны наименования с суффиксом *-ик/-ник*: *базовик* – работник овощной базы, *линейник* – линейный монтер, *бальник* – танцор группы бального танца, *головник* – сотрудник головного научного учреждения, *водник* – работник цеха водоснабжения, *магистральщик* – строитель магистрального трубопровода, *многосерийщик* – создатель многосерийных фильмов и др. (в нашей картотеке зафиксировано 60 номинаций подобного типа). Значительно реже образуются конденсаты с суффиксом *-чик/-щик*: *мажоритарщик* (вариант *мажоритарник*), *колитчик* (больной колитом), *нефтедобытчик* (работник нефтедобывающей промышленности). Единичны конденсаты с суффиксами *-ист* и *-ец*, например: *сталинец* (лауреат Сталинской премии), *олимпиец* (участник Олимпийских игр). Иногда существительные муж. рода со значением лица образуются с помощью суффиксов *-ач* и *-ак*: *первач* (ученик первого класса), *грудняк* (то же, что и *грудничок*, *грудник*, *грудняшка*), *горняк* (горнорабочий, горный инженер).

Для образования наименований неодушевленных предметов значительно реже используются суффиксы *-ик(-ник)*, *-ак/-як*, *-ок*: *гусенечник* (гусеничный трактор), *кассетник* (кассетный магнитофон), *трехколонник* (статья, напечатанная в три колонки), *широкоугольник* (широкоугольный объектив), *сверхзвуковик* (сверхзвуковой самолет), *герметик* (герметизирующий состав) и др. Менее продуктивны образования, созданные по жаргонной модели с использованием суффиксов *-ак/-як*: *общак* (общая касса), *горняк* (горный ветер), *южак* (южный ветер), *переходняк* (переходный период – у подростков): «А вот у меня «*переходняк*» начался довольно рано» [Арт-Мозаика, 2000, № 11:29]; *головняк* (головная боль): «Вообще-то у меня – истерическое развитие личности. Сначала от сваливающихся «*головняков*», обломов плющит – потом резко наступает облегчение» [Арт-Мозаика, 2003, № 22:2].

Атрибутивные словосочетания, мотивирующие слова-конденсаты, являются, как правило, официальными названиями соответствующих понятий, в то время как слова-конденсаты – названиями неофициальными и часто стилистически сниженными или употребительными только в официальной речи. Привычные для разговорной речи, производные носят яркий отпечаток разговорности, фамильярности.

Такие образования могут являться и не сокращением официально-делового наименования, а выделяющим какой-либо признак предмета переименованием, ср. в МАСе: *пятиминутка* вместо *произвольная программа (фигуристов)*: «Серебряный призер Сергей Четвертухин добился высокого результата в произвольной программе. Он стал победителем в «*пятиминутке*»; «Период в 5 минут, во время которого играли значительно лучше, чем в остальное время. Всем, думаю, запомнилась «*пятиминутка*» бразильцев с поляками» (примеры В.Н. Виноградовой).

Судьба конденсатов в русском языке различна: а) многие, утратив свою разговорность, вошли в кодифицированный литературный язык и стали единственным обозначением соответствующей реалии (*открытка* – открытое письмо, *двустволка* – двуствольное ружье, *грузовик* – грузовой автомобиль); б) другие вышли из употребления, превратившись в историзмы (*керенка*, *учредилка*, *чугунка*); в) третьи функционируют в разговорной речи (*зачетка*, *маршрутка*, *читалка*).

Наиболее продуктивным способом образования конденсатов является присоединение суффикса к основе прилагательного – согласованного определения словосочетания.

Единичны случаи, когда в качестве базовой выступает основа причастия: *обучалка* – обучающая компьютерная программа; *очищалка* – очищающее средство для кожи лица. «В современной разговорной речи встречаются, однако, универбаты... возникшие на базе несогла-

сованного определения-существительного» [Лопатин 1978:74]: настойка валерианы – *валерианка*, бокал для шампанского – *шампанка*, лес, растущий на болоте – *болотняк*, машина для дождевания (искусственного орошения путем разбрызгивания воды) – *дождеватель*, интернет для инвалидов – *инвалидка*. Ср.: «Брат Сергей пишет из *инвалидки* письма скачущими, что блохи, буквами, намекает насчет дома: мол, скоро сапожничать сможет и нахлебником никому не сделается» [НРЛ-84:96].

Зафиксирован единичный случай с базовой основой наречием и глаголом: *умеренник* – «о том, кто умеренно, но регулярно употребляет алкогольные напитки»: «Что же касается тех, кто пьет «умеренно» и «культурно» и сам себя пьяницей не считает..., то их перевоспитание намного сложнее.. Успехи в борьбе с «*умеренниками*» более чем скромные» [НРЛ-85:279]; *сылуха*: «Особенно стало плохо, когда кончилась тропинка и началась *сылуха*. Это гора, на которую стоит только ступить, как из-под ног начинают сыпаться камни. На этой горе нет даже растительности, по ней можно идти, наступая только ребром ступни» [Арт-Мозаика, 2004, № 25:31].

Семантические конденсаты могут быть мотивированны сложным словосочетанием, «в состав которого атрибутивное словосочетание войдет на правах зависимого компонента, при этом «уровень конденсации» несомненно будет выше, поскольку невыраженными... окажутся два слова – стержневое слово сложного словосочетания и стержневое слово атрибутивного простого словосочетания» [Устименко 2001:22]: *пульт дистанционного управления* – *дистанционка*, *машина технической помощи* – *техничка*, *общезитие гостиничного типа* – *гостинка*, *сток ливневых вод* – *ливневка*, *помещение со скороморозильной установкой* – *скороморозильня*, *космический корабль многоцветного использования* – *многоцветник*, *здание со стеклянными стенами* – *стекляшка*. В качестве производящего в таком случае все равно выбирается имя прилагательное: модель образования: имя существительное + (имя прилагательное + имя существительное).

Исходное словосочетание может быть еще более распространенным, описательным. Например: *следователь по особо важным делам* – *важняк*, *предприятие бытового обслуживания населения* – *бытовуха*, *предприятие, финансируемое из государственного бюджета* – *бюджетник*; *рубаша, предохраняющая от укуса энцефалитного клеща* – *энцефалитка*, *подъезд многоэтажного дома со сквозным проходом* – *сквозняк*; *спортсмен, занимающийся прыжками в высоту* – *высотник* и *альпинист, поднимающийся на высокие горы* – *высотник*.

Семантические конденсаты, будучи ономазиологическими вариантами мотивирующих словосочетаний, вступают с ними в синонимические отношения, образуя синонимический ряд: неоднословное наименование – сложносокращенное существительное – аффиксальный дериват: *фотографическая карточка* – *фотокарточка* – *фотка*, *психиатрическая больница* – *психбольница* (в прост.) – *психиатричка* (в прост.), *тяжелый металл (направление в музыке)* – *тяжмет* – *тяжелак* (жарг.), *электрический поезд* – *электропоезд* – *электричка*, *академический отпуск* – *академотпуск* – *академка* (а также стяжение с нулевым суффиксом *академ*).

Средним членом между неоднословным наименованием и конденсатом может быть субстантивированное прилагательное [Виноградова 1984]: *гримерная комната* – *гримерная* – *гримерка*, *куриТЕЛЬная комната* – *куриТЕЛЬная* – *курилка*, *попутная машина* – *попутная* – *попутка*, *литейный цех* – *литейный* – *литейка*, *бензозаправочная станция* – *бензозаправочная* – *бензозаправка*, а также *инструменталка*, *малярка*, *земледелка*, *слесарка* и др.

Эта закономерность не проявляется в дериватах, мотивированных сложными словосочетаниями. «Однако здесь наблюдается разновидность словообразовательной синонимии, когда в результате различных звеньев сложного словосочетания образуются разнокорневые производные» [Петров 2002:165]: *грузовая бортовая автомашина* – *грузовик* и *бортовичок*, *стеганая ватная куртка* – *стеганка* и *ватник*, *воздушная канатная дорога* – *воздушка* и *канатка*.

Явление синонимии наблюдается и в том случае, когда в результате формального стяжения простого словосочетания образуются однокорневые производные, отличающиеся словообразовательным формантом: *сотовый телефон* – *сотовый* – *сотник* и *сотка*, *обменный пункт* – *обменник* и *обменка*, *сверхзвуковой самолет* – *сверхзвуковик* и *сверхзвуковичка*, *грудной ребенок* – *грудник*, *грудняшка* и *грудничок*, *полуторакилометровая дистанция* – *полуторакилометровка* и *полуторка*, *курсовая работа* – *курсовая* – *курсовка* и *курсовик*, *документальный фильм*, *лента* – *документалка* (вариант *документашка*) и *документалистика*, *пятнадцатикопеечная монета* – *пятнадцатикопеечник* и *пятнашка*.

Отдельные неоднословные наименования служат базой для образования семантических конденсатов и существительных с нулевым суффиксом, образованных путем отсечения суффикса прилагательного, играющего роль определения в наименовании: *мобильный теле-*

фон – мобильный – мобильник и мобила, химическая завивка волос – химия и химка, лабораторная работа – лабораторка и лаба (в разг. р.), академический отпуск – академка и академ.

Между неоднословным наименованием и аффиксальным производным от него может отсутствовать формальная соотносительность при сохранении семантического объема. Л.И. Осипова рассматривает дериват *секретка*: «Как вы относитесь к «секреткам», как в народе ласково окрестили противоугонные устройства?» [Осипова 1994]. См. также: *глушилка* – спецпаратура для блокирования сигналов мобильных телефонов, *глубинка* – удаленный от центра район, поселение; *смывка* – средство для снятия макияжа с глаз. Ср.: «Пастор Франциско Лопес установил у себя в храм «*глушилку*» для мобильных телефонов» [Арт-Мозаика, 2002, № 17:3]; «Мы можем направить Вас в *глубинку*. Только очень дальний район» (В. Семин, Сто двадцать километров до железной дороги); «Обычные очищающие средства категорически не подходят для удаления косметики с век и ресниц. Поэтому для этой зоны разработаны особые *смывки*: они не содержат жиров, быстро растворяют макияж и успокаивают кожу» [Арт-Мозаика, 2003, № 15:25].

Прокомментируем последний пример. В процессе образования конденсата *смывка* в качестве производящего должен был выступить глагол *снять* (*снятие* – отглагольное существительное). Однако лексическое значение глагола *снять*, входящего в словосочетание *снять макияж* – «убрать, отделить находящееся на поверхности; удалить с тела», – не содержит возможности образования конденсата. Действительно, слово *снямка* в современном русском языке не зафиксировано. В данном случае на уровне формы происходит замена глагола *снять* близким по смыслу глаголом *смыть/смыть* – мытьем удалить. Таким образом, конденсат *смывка*, мотивированный лексическим значением глагола *снять*, приобретает совершенно иную форму – производную от глагола *смыть*.

Исследуя явление семантической конденсации с общетеоретических позиций, Т.А. Тулина обращает внимание на синтаксические неологизмы, в которых привычная связность отсутствует: «их емкая компактная форма удобна для говорящего и приемлема для слушающих, хотя и заставляет его активизировать свое внимание и мыслительную деятельность, поскольку сопряжена с явлениями переноса, переадресации... определения» [Тулина 1980:71]. Е.А. Земская выделила особую группу прилагательных: «Прилагательные, обозначающие отношение к предмету, конкретизация которого происходит в контексте более широком, чем сочетание с существительным. Сочетания с такими прилагательными не имеют трансформов, состоящих из конструкций "определяемое существительное + косвенный падеж производящего существительного". Их значение понятно лишь в определенном контексте и ситуации, они могут рассматриваться как эллиптические преобразования многословных описательных оборотов» [Земская 1967:96-97].

В результате переадресации признака образуются конденсированные, емкие по смыслу словосочетания, например: *лаборатория для камеральной обработки материалов – камеральное помещение – камералка*. Такие словосочетания являются базой для последующих деривационных процессов, в результате появляются слова-конденсаты: *сорт сельскохозяйственных культур, выведенных мичуринскими методами – мичуринский сорт – мичуринка; предприятие, финансируемое из государственного бюджета – бюджетное предприятие – бюджетник; автомашина, снабженная оборудованием, необходимым для предотвращения, устранения аварий – аварийная автомашина – аварийка, комната в общежитии для просмотра телепередач – телевизионная комната – телевизионка; автомашина, доставляющая людей и грузы на вахту – вахтовая автомашина – вахтовка, Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы – иностранная библиотека – иностранка; электровоз, работающий на электромагнитной энергии высокой частоты – высокочастотный паровоз – высокочастотник; команда, участвующая в олимпийских играх – олимпийская команда – олимпийка; куртка члена олимпийской команды – олимпийская куртка – олимпийка*. Ср.: «Иду в "камералку", где геологи трудятся над обработкой собранных материалов» [НРЛ-77]; «Краснодарская-1 выколашивается на 3-4 дня раньше "мичуринки" (Сельская жизнь, 1967, 26.06); « – На всякий случай вызову две *аварийки* с насосами, мало ли что там (в трубе) внутри» (Дворкин, Одна долгая ночь).

Дериваты, образованные на базе пропозиций

Универбаты не всегда образуются на базе простых или сложных словосочетаний. Стягиваться могут и предикативные единицы, ср.: *крутовик* (шахтер, занимающийся разработкой крутопадающих пластов), *сюжетник* (писатель, который строит свои произведения на сюжетной основе), *тихоокеанист* (ученый, занимающийся изучением культуры населения островов Тихого океана), *западник* (судно, прописанное в порту, расположенном в западной части Арктики). В этом случае «слово передает значение всей ситуации, при этом в одних случаях образуется

новое слово, в других – нет» [Глотова 1977:4]. Эта разновидность универбов наименее всего изучена в лингвистике.

Так, «в качестве "узлового" компонента в деривационном процессе может выступать известное в ту или иную эпоху имя собственное лица или топоним, а также то актуальное, что связывается с этим именем» [Петров 2002:166]. Например: тип охотничьих ружей, выпускаемых производственным объединением «Ижмаш» г. Ижевск – *ижевское ружье* – **ижевка**; квартира в доме, построенном в период правления И.В. Сталина – *сталинская квартира* – **сталинка** (а также премия имени Сталина – *Сталинская премия* – **сталинка**); однорядная гармоника (по названию города Ливны Орловской области, где изготавливают эти гармоники) – *ливенская гармоника* – **ливенка**; плотная ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая – *китайская ткань* – **китайка**; шапка с козырьком, которую носили солдаты в Афганистане – *афганская шапка* – **афганка**; пятирублевая надбавка к пенсии солдаткам в 70-е гг., когда генеральным секретарем был Л.И. Брежнев – *брежневская пенсия* – **брежневка**; бумажный денежный знак, выпускавшийся при временном правительстве Керенского и имевший хождение в 1917-1920 гг. – *керенские деньги* – **керенки**.

По модели «наименование монет (денежных знаков) в зависимости от изображенного на ней известного лица» образованы дериваты *суворовка*, *николаевка*, *есенинка*, *примаковка*, *яв-линка*; аффиксальные производные с включенными предикатными актантами *вагнорки*, *немцовки*, *мавродиевки/мавродики*, *павловки* образованы по модели «имя собственное лица – наименование денежных знаков по имени официальных лиц, имеющих отношение к их появлению» [Петров 2002]. В качестве основы различных наименований спиртных напитков может выступать имя собственное лица: *кончаловка*, *бальзаковка*, *брынцаловка*, *андроповка*, *смирновка*, *жириновка*, а также *путинка*. Например: «Любители горячительного без труда вспомнят водки "Ельцин" или "Горбачев". Сегодня наиболее удачным примером такого симбиоза специалисты считают водку "Путинка", которая, несмотря на легкую завуалированность, у большинства потребителей четко ассоциируется с фамилией российского президента. А что еще нужно для хорошего брендинга?» [Арт-Мозаика, 2005, № 1].

Имя существительное в подобных словосочетаниях выступает в качестве предикатного актанта, а само словосочетание представляет собой целую микроситуацию со своими актантами, встроенную в основную. Предикатные актанты относятся к числу компонентов, усложняющих семантическую структуру предложения [Тулина, Харитонова 1983; Петров 2002].

Например, в простом распространенном предложении «*Фалалеева известна своей дымковской игрушкой*» однословный предикатный актант имплицитно передает смысл целой ситуации: «глиняная расписная игрушка как вид вятского народного промысла, создаваемая в бывшей слободе Дымково». Словосочетание *дымковская игрушка* с предикатным актантом конденсируется в лексическую единицу *дымка*.

«Дериваты, которые содержат в своей семантической структуре предикатные актанты, мы назвали суффиксальными производными с включенными предикатными актантами. Такие производные характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции» [Петров 2002:167].

Обычно универб возникает на второй ступени свертывания синтаксического описания: «пассажир, едущий без билета: первая ступень свертывания – безбилетный пассажир, вторая ступень – безбилетник» [Устименко 2001:22].

Рассмотрим образования, обозначающие названия библиотек, учебных заведений, улиц, площадей и др. Такие наименования возникли на базе почетного имени собственного: Российская академия музыки имени Гнесиных – **Гнесинка**; библиотека имени Н.А. Некрасова – **Некрасовка**; государственная библиотека имени В.И. Ленина – **Ленинка**; библиотека имени А.П. Чехова – **Чеховка**. «В тех случаях, когда официальным названием предмета, подвергаемому универбации, является сочетание с несогласованным определением, возможна универбация на базе согласованного определения, сочетание с которым, уже не являющееся официальным названием данного предмета, выступает в роли своеобразного посредствующего звена в словообразовательном акте» [Лопатин 1978:74]. Например: клиническая больница имени Н.Ф. Филатова – *Филатовская больница* – **Филатовка**; площадь имени Дзержинского – *улица Дзержинского* – **Дзержинка**; детская городская клиническая больница имени Русакова – *Русаковская больница* – **Русаковка**. Однако, как отмечают авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь», стяженные обозначения типа Библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина... не обязательно проходят стадию Щедринская библиотека. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль сочетания (а, значит, они сами становятся

лжеконденсатами)» [Русская разговорная речь 1973:410]. Ср.: публичная библиотека имени Л.Н. Толстого – *Толстовка*; Дом культуры имени Горбунова – *Горбушка*; библиотека имени А.М. Горького – *Горьковка*.

Таким образом, наблюдение над фактическим материалом подтверждает мнение исследователей о том что «степень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства» [Устименко 2001:22]. Действительно, часть производных образовалась без опоры на соответствующие словосочетания; дериваты являются знаками всей ситуации: *африканка* «животное, родиной которого является Африка»; *арафатка* – «головной платок, куфия, традиционный головной убор у арабов (по имени Ясира Арафата, палестинского лидера)»; *карбышевка* «допрос, проводимый так, как допрашивали фашисты генерала Карбышева»; *Ливановка* «разновидность игры в бильярд, созданна в семье артиста Василия Ливанова». Дериват *камазята* «дети, родившиеся в городе Набережные Челны, где находится завод Камаз» появился в результате формального стяжения всей пропозиции, минуя стадию адъективного словосочетания.

Отдельные неоднословные наименования способны образовывать универбы-синонимы, параллельно функционирующие в языке и речи, но отличающиеся формантом либо мотивирующей основой: программа «Спокойной ночи, малыши!» – «*спокойка*» и «*спокушки*»; акции и билеты АО «МММ», руководимого С.П. Мавроди – «*мавродиевки*» и «*мавродиевки*»; театральное училище имени Б.В. Щукина – «*Щука*» и «*Щукинка*»; институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова – «*Плехановка*» и «*Плешка*»; библиотека имени Салтыкова-Щедрина – «*Щедринка*» и «*Салтыковка*».

Собранный фактический материал показал, что каждый компонент неоднословного наименования способен стать основой для образования универбата. Так, название группы «Машина времени» послужило базой для образования двух дериватов: *машинист* «участник группы «Машина времени» и машиноман «поклонник группы "Машина времени": «"Машина времени" – группа уникальная. Доказательство этого – только что вышедший компакт с культовой программой «*машинистов*» – «маленький принц» [Арт-Мозаика, 2001, № 1]. «Новообразование *машиноман* в словообразовательном отношении отличается от сложных существительных со связанным опорным компонентом *-ман* тем, что первой частью сложения является не основа существительного машина (тогда оно было потенциальным), а словосочетание "Машина времени" – название вокально-инструментального ансамбля»: «Местные жители в испуге шарахались при виде многотысячной толпы, прочесывающей поселок, окрестные леса в поисках «Машины времени». Наиболее решительная часть «*машиноманов*» осадила какой-то сарай и стала скандировать» [пример Новоселовой].

Очевидно, что суффиксальные универбы, характерные для разговорной речи, могут оказаться непонятными для непосвященных, если их употребить отдельно, вне контекста [Осипова 1994:37]. Поэтому в практике ономаσιологического исследования актуально говорить об ономаσιологическом контексте и коммуникативном. «Ономаσιологический контекст – это контекст, содержащий указание... на вычленение словосочетания, в результате лексической объективации которого возникает семантический конденсат» [Устименко 2001:21]. Подобный контекст – контекст возникновения знаменательной лексической единицы – делает прозрачной словообразовательную структуру универба.

Рассмотрим дериват *голландит* – голландская болезнь – общественное движение в ряде западноевропейских стран против ядерного и ракетного вооружения в Европе (впервые получило широкое распространение в Голландии): «Напуганные размахом антиядерного движения в Голландии, они [натовские генералы] стали открыто высказывать опасения, что "голландская болезнь", или "голландит", как они его называли, перекинется на другие страны Европы. "Ну что же, – говорят голландцы, – пусть это будет "голландит". Только мы называем это здравым смыслом» [НРЛ-81:43].

Традиционно в процессе образования универбов одно слово поглощает значение другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова. При образовании лексемы *голландит* в качестве производящего при мотивировке всем содержанием выбрана лексема голландский, часть же смысла, заключенная в слове болезнь, сохранилась в значении аффикса *-ит*. Аффикс *-ит*, выступая в качестве суффикса универбации, является не только средством свертывания развернутого словесного комплекса, но и суффиксом, оформляющим названия болезней (ср.: *синусит*, *гайморит*, *рениит*, *бронхит*, *трахеит* и т.д.). Таким образом, аффикс *-ит* эксплицитно передает часть смысла, заключенного в слове болезнь в рамках словосочетания голландская болезнь.

Без привлечения ономаσιологического контекста невозможно дать верное толкование таким производным словам, как *марсиане* «администрация кинотеатра "Марс"», *арийцы* «участники группы "Ария"», *европейцы* «участники группы "Евгоре"». Понимание данных дериватов осложняется их омонимичными отношениями со словами иных словообразовательных типов: *марсиане* «в научной фантастике жители планеты Марс», *арийцы* «название народов, принадлежащих к восточной ветви индоевропейской семьи языков», *европейцы* «жители Европы». Например: «В последний раз под их напором не устояла администрация кинотеатра «Марс». Трудно сказать, на что рассчитывали "марсиане"» (Арт-Мозаика. 2000 №1:17). Из контекста становится понятным, что слово «марсиане» образовано путем стяжения словосочетания *администрация кинотеатра «Марс»*, «осознанного как равное понятию и возможное для воплощения в звуковой оболочке одной лексической единицы...» [Устименко 2001:21].

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Универбы могут образовываться на базе различных словосочетаний и пропозиций.
2. Продуктивными формантами для образования универбов муж. рода со значением лица являются суффиксы *-ик(-ник)*, *-чик*, *-щик*, *-ец*, *-ист*, *-ак/-як*, *-ок*, для образования универбов женского рода продуктивен суффикс *-к(а)* и его алломорфы (*-ушк-а*, *-ашк-а*, *-анк-а*, *-инк-а*, *-овк-а*, *-лк-а*, *-ловк-а*, *-шк-а*).
3. В разговорной речи образуются семантические конденсаты, созданные по образцу жаргонизмов, с использованием непродуктивных ранее суффиксов *-ух(а)*, *-ач*, *-арь*.
4. Для понимания семантической структуры универбов, в основе которых лежит пропозиция, необходим ономаσιологический контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
2. Глотова И.П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – С. 3 – 17.
3. Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 92 – 103.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – С. 120 – 122.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
6. Исаченко А.В. Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков // 1У Межд. съезд славистов: Материалы дискуссии. – М.: Наука, 1962. – Т. 2.
7. Кудрявцева В.А. Суффиксальная универбация в современном русском языке (система субстантива): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. / Казахский педагогический институт. – Алма-Ата, 1983. – 26 с.
8. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. – Киев: Киевский ун-т, 1993. – 280 с.
9. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. – С. 72 – 80.
10. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение). – М.: Прометей, 1994. – 117 с.
11. Петров А.В. Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом *-к-а*) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Том 15 (54). – 2002. – №4. – С. 160 – 173.
12. Полякова И.М. Процессы включения в лексику и словообразовании (наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. / Куйбышевский государственный педагогический институт. – Куйбышев, 1972. – 26 с.
13. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – С. 403 – 427.
14. Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. – Л.: ЛГУ, 1985. – 97 с.
15. Смирнова А.Э. Сорбция как активный способ словообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 02.01.11 – русский язык. / Белорусский государственный университет. – Минск, 2000. – 19 с.

16. Тараненко А.А. Языковая семантика в ее динамических аспектах (основные семантические процессы). – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.
17. Тулина Т.А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи // Русское языкознание. – Вып. 1. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1980. – С.70 – 78.
18. Тулина Т.А., Харитоновна М.М. Семантика предикатных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении // Филологические науки. – М. – 1983. – № 4. – С. 46 – 52.
19. Устименко И.А. Ономазиологический аспект семантической конденсации // Лексикология. Семасиология. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – С. 19 – 25.
20. Хамидуллина А.М., Самохина Л.А. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1982. – С. 22 – 31.
21. Храковский В.С. Предисловие // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. – С. 3 – 8.
22. Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 18 – 35.

ИСТОЧНИКИ

- НРЛ-79 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 79. – М., 1982. – 320 с.
НРЛ-80 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80. – М., 1984. – 287 с.
НРЛ-81 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81. – М., 1986. – 288 с.
НРЛ-82 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82. – М., 1986. – 253 с.
НРЛ-85 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985. – СПб., 1996. – 351 с.
НРЛ-86 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986. – СПб., 1996. – 381 с.
НРЛ-87 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987. – СПб., 1996. – 352 с.
НРЛ-88 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988. – СПб., 1996. – 420 с.
- Осипова Л.И. Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а). Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60 – 90-х годов. – М., 2000. – 230 с.

СЕМАНТИКА

УДК: 808.3 - 3

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ КОМПРЕСІЇ СТАЛИХ ВИРАЗІВ

М. Жуйкова (Україна, Луцьк)

В статье рассматривается явление компрессии — выделение предиката из состава устойчивого выражения, при котором предикат принимает семантику целой фраземы. Показано, что формальное и семантическое совпадения фраземы и предиката может быть результатом не только компрессии, но и иного процесса — "наращенія" образного предиката именованным компонентом и превращения его в устойчивое сочетание.

Ключевые слова: идиома, образный предикат, компрессия, диахрония.

У статті розглядається явище компресії — виділення предиката з складу стійкого виразу, при якому предикат приймає семантику цілої фраземи. Показано, що формальний і семантичний збіги фраземи і предиката може бути результатом не тільки компресії, але і іншого процесу — "наращенія" образного предиката іменним компонентом і перетворення його в стійке поєднання.

Ключові слова: ідіома, образний предикат, компресія, діяхронія.

In her article the author analyzes the phenomenon of compression — a predicate's extraction from a set expression with the predicate acquiring the meaning of the whole expression. The author shows that the coincidence of the form and meaning of a set expression and a predicate may also be a result of a different process — augmentation of the literal meaning of a predicate by a nominal element and its conversion into a set expression.

Key words: idiom, metaphorical predicate, compression and diachrony.

Образні номінації виникають у мові різними шляхами; крім метафоризації, існує чимало інших способів творення образної лексики. Дослідники процесів словотворення у сфері предикатної лексики виділили такий специфічний механізм виникнення нових значень, як компресія фразеологічних одиниць. Це один з проявів процесу відфразеологічної деривації. Питання про нього заторкували у своїх працях В.Виноградов, М.Шанський, Л.Скрипник, В.Мокієнко, Р.Попов, О.Бабкін, В.Янцен, О.Марцинківська, В.Ужченко та ін. Одним з перших на це явище звернув увагу В.Виноградов, який у роботі 1938 р. зауважив, що в російській мові вираз *выйти замуж* може редукуватися до предиката *выйти*, якщо в конкретному висловлюванні вказано назву особи чоловічої статі (*выйти за офицера*). Цей процес він назвав еліптичним стисненням.

Дослідники відфразеологічної деривації використовують для номінації цього явища різні терміни: опущення (М.Шанський), вивільнення (О.Марцинківська), вичленовування (Р.Попов, В.Ужченко), компресія (І.Устименко), конденсація (В.Мокієнко, І.Устименко), регенерація (В.Янцен). Ми будемо використовувати для нього назву компресія.

Для компресії характерна формальна редукція багатоконпонентного сталого виразу предикатного типу, відпадиння всіх його складників, крім дієслівного, який перебирає на себе семантику цілого звороту. Ось як схарактеризував цей процес Р.Попов: "Найбільш специфічним способом утворення нових слів у мові на основі фразеологізмів є вичленовування зі складу фразеологічної одиниці одного з її компонентів, який отримує потім самостійне вживання у мові і наділяється тим значенням, яке раніше було властиве всьому фразеологізму в цілому" [4:54]. Близьку характеристику цього процесу дає В.Янцен: "Нове слово виникає у мові внаслідок появи у одного з компонентів фразеологізму, що не має самостійної предметної та понятійної віднесеності, нових семантичних ознак взамін тих, що раніше були ним втрачені, з одночасним вичленовуванням його зі складу фразеологізму" [7:65].

На матеріалі східнослов'янських мов компресія досліджена ще недостатньо: не виявлено її специфічні ознаки, не розмежовано явища компресії на рівні мовлення та мови. Відзначаючи слабку розробленість теоретичних основ аналізу відфразеологічної деривації, В.Янцен вка-

зує на деякі питання, які ускладнюють такий аналіз: "Якщо в мові існують фразеологізм і слово, що мають «матеріальну» подібність і одночасно характеризуються семантичною спільністю, то цілком правочинно передбачати наявність між ними дериваційного зв'язку. Отже, постає питання про існування критеріїв, на підставі яких можна було б визначити направленість цього зв'язку в кожному конкретному випадку" [7:63]. Далі В.Янцен зазначає, що при зіставленні фразеологізму та слова, які частково збігаються у плані вираження, не можна покликатися на ті критерії, які прийнято застосовувати при виявленні мотиватора і мотивата на рівні лексем. Це пов'язано з тим, що можливим є як утворення фраземи на основі окремого слова, так і протилежний за напрямком процес — виділення слова зі складу сталого виразу.

Серед актуальних питань, які потребують висвітлення, центральне місце посідає питання про семантичне співвідношення трьох мовних одиниць: предиката у вільному вживанні поза сталим виразом, самої фраземи, до складу якої входить предикат, та предиката в його вторинному значенні, сформованому внаслідок його вивільнення зі складу сталого виразу. Не менший інтерес становить питання про стосунки предиката, який виділився з фраземи, з іншими лексико-семантичними варіантами того ж дієслова: чи можна вважати, що такий предикат входить до структури багатозначного слова, а чи його слід розглядати як окрему лексему, омонімічну вихідній. В.Янцен висловив думку, що предикат в його новому значенні, яке сформувалося в межах фразеологізму, не можна залучати структури багатозначного слова, адже його зміст не мотивується іншими значеннями, між ними не встановлюється ніяких змістових зв'язків. "Беручи до уваги те, що нове слово при регенерації виникає виключно на базі фразеологізму, незалежно від слова, від якого історично походить його відповідний компонент, було би помилкою говорити про розвиток полісемії" [7:65]. Отже, внаслідок компресії (регенерації) сталого виразу утворюється не нове значення багатозначного слова, а новий омонім. Ми цілком поділяємо цю точку зору.

Значний інтерес становить огляд тих випадків компресії в українській та російській мовах, які наводяться в науковій літературі з питань словотворення на основі фразеологізмів. Такий огляд дозволить краще усвідомити ті проблеми структурно-семантичного плану, які виникають у зв'язку з процесами виокремлення предиката зі сталого сполучення слів. На жаль, деякі науковці у своїх роботах лише констатують явище компресії певної ідіоми, не подаючи до цього ніяких коментарів, а подекуди навіть і прикладів. Очевидно, при встановленні генетичних зв'язків між предикатом та фраземою недостатньо спиратися лише на інтуїцію, для цього потрібні достатньо вагомі аргументи. Проблема ускладнюється тим, що у мові незрідка функціонують декілька сталих виразів з тим самим предикатом, і для вирішення питання, з якого саме сполучення виокремився предикат, потрібно докладно проаналізувати семантику, особливості вживання та історію розвитку всіх сполучень. Інша трудність пов'язана з тим, що не завжди вдається розрізнити okazionalні (мовленнєві) та узувальні (мовні) явища. Якщо якийсь мовець вжив предикат окремо від інших компонентів сталого сполучення, це ще не є підставою для виділення і словникової фіксації нового значення предиката. Змішування явищ двох рівнів — мовленнєвого — призводить до невмотивованого поповнення масиву предикатних одиниць, які утворені шляхом компресії фразеологізмів.

Прокоментуємо деякі роботи, в яких розглянуті випадки компресії сталих сполучень.

У цікавій роботі О.Марцинківської вказано на декілька випадків компресії в українській мові. Це предикати *прикладатися* (утворене з виразу *прикладатися до чарки*), *стинати* (від *стинати голову*), *стерти* (від *стерти з лиця землі*), *прикручувати* (від *прикручувати гайки*). Крім того, дослідниця вказує на дієслова *прикидати*, *припускати*, *підводити*, *припирати*, які утворені, на її думку, від сталих виразів *прикидати в голові*, *в думці*, *в умі*, *припускати в думці*, *підводити на гріх*, *припирати до стіни* [2:243-247]. Беззастережно можна погодитися з утворення предиката *припирати* від виразу *припирати до стіни* 'ставити у скрутне, безвихідне становище'. Однак більшість наведених у статті прикладів потребують докладнішого аналізу й аргументації. Так, О.Марцинківська пов'язує предикат *стерти*, вжитий у сенсі 'знищити' у такому контексті: *Потоцький має власне військо, гармати, фортеці. Він зітре Горленка* (З.Тулуб), з фразеологізмом *стерти з лиця землі*. На нашу думку, це дієслово може бути потрактоване як результат компресії іншого сталого виразу, а саме *стерти на порох*. Справа у тому, що попри близькість сигніфікативного компоненту, ці ідіоми розрізняються за референцією. *Стерти з лиця землі* в українській мові частіше стосується неживих предметів (наприклад, населених пунктів), а *стерти на порох* — людей, див.:

(1) *Падишах наказує йому стерти з лиця землі прокляте місто Чигирин, захопити Київ і Лівобережну Україну, а Запорозьку Січ зруйнувати*. В.Малик. Фірман султана.

(2) *Дорошенко скрипнув зубами. Когось іншого за такі слова гетьман зітер би на порох.* Одначе була в Сіркові, що сидів напроти нього, непереборна сила, яка мовби сковувала Дорошенка. Ю.Мушкетик. Яса.

Ми не можемо погодитися і з тим, що предикат *прикидати* О.Марцинківська виводить з ідіом *прикидати в голові, в думці, в умі*. Цей предикат, так само, як і названі сполучення слів, має декілька вторинних значень, що корелюють з ментальними діями. Компоненти *в голові, в думці, подумки* тощо дублюють той зміст, який передається за допомогою самого предиката *прикидати*. В семантичній історії цього дієслова компонент *в голові* відігравав диференційну функцію тільки тоді, коли *прикидати* стосувалося арифметичних підрахунків, здійснюваних подумки, без рахівниці (див. опозицію рос. *прикидывать на счетах — прикидывать в уме*). Крім того, немає підстав приписувати сполученню на кшталт *прикидати в голові* статус ідіоми (таке трактування цього виразу подає лише академічний "Словник української мови", тоді як у глумачних словниках російської мови такі сполучення розглядаються як вільні).

На нашу думку, найменш вірогідним у статті О.Марцинківської є встановлення зв'язку між дієсловом *підводити* та виразом *підводити на гріх*. Цей висновок подано без будь-якої аргументації, тоді як потреба в ній цілком очевидна: походження слова *підводити* в значенні 'завдавати комусь прикрасі, шкоди' у науковій літературі не з'ясоване, неясними залишаються зв'язки між прямим та вторинним значеннями цього предиката. *Підвести* може творити сталі сполуки не лише зі словом *гріх*, а й з іншими іменниками, наприклад, *підводити інтриги*, рос. *подвести под беду, под ответ, под суд* і т.д., а тому вибір якогось одного з цих виразів як основи для вичленовування предиката має ґрунтуватися на вагомих підставах. Основною вадю припущення щодо зв'язку між словом *підвести* та фразею *підвести на гріх* є їхня семантична відмінність: це дієслово вживається зараз у значенні 'завдати комусь шкоди своїми діями', тоді як фразема означає 'спровокувати когось на гріховний вчинок'.

У роботі В.Ужченка названо такі предикати, утворені на основі сталих виразів: *зводити* ← *зводити з розуму, збрести* ← *збрести в голову, на думку, вправляти* ← *вправляти мозок, городити* ← *городити теревені, копати* ← *копати яму на кого, піднесло* ← *піднесла лиха година, позакладало* ← *позакладало вуха, клювати* ← *клювати носом* [5: 55-56]. У цьому переліку є декілька одиниць, які ще не пройшли шлях до самостійних лексико-семантичних варіантів. Це, на нашу думку, предикати *вправляти, копати, клювати*, які вживаються у значеннях, притаманних відповідним ідіомам, лише оказіонально.

Виводячи слова *городити* 'балакати дурниці' з ідіоми *городити теревені (небилиці, дурниці)*, В.Ужченко також не подає ніяких аргументів. Попри те, що спосіб утворення цього предиката викликає дискусії, можна з певністю твердити, що воно виникло інакшим способом, ніж той, на який вказує дослідник. Критичної перевірки вимагає і твердження В.Ужченка про те, що предикат *зводити* виник шляхом компресії ідіоми *зводити з розуму*. Сама ідіома *зводити з розуму*, очевидно, має вторинний характер, оскільки в ній поєднується предикат із значенням конкретної фізичної дії — руху — та абстрактний іменник (*розум*). З предикатом руху початково мав сполучатися конкретний іменник з локативною семантикою. На нашу думку, предикат *зводити* утворився шляхом вичленовування зі сталого виразу *зводити / звести з пуття* з оцінним значенням 'морально псувати, підбурювати на негідні вчинки'. Слово *пуття* означає тут буквально 'шлях', а переносно — правильну життєву орієнтацію, дотримання моральних принципів (пор. *путящий*). Ідіоми *зводити / звести з пуття* вживають передусім у тих випадках, коли йдеться про дошлюбні сексуальні стосунки молоді, про недостойну, з погляду народної моралі, поведінку дівчат. Див. приклади його використання в українській літературі:

(3) *Бо незалежно, що то за пиття
і що там мовить злість тисячоуста, —
не хто ж, а він звів дівчину з пуття.
І то була любов, а не розпуста.*

Л.Костенко. Маруся Чурай.

(4) Горпина. *Цить, бо я тобі очі видеру!* (Показує нігті.) *Нащо ви зводите мою дитину з пуття? Га? Він думає, як убрався у рукавички та в шляпу, то вже має право знуцатись над нами, бідними!* І.Нечуй-Левицький. На Кожум'яках.

З тим самим значенням може вживатися й осібне дієслово *зводити*, див.:

(5) *Відколи парубкував, тільки одна дівчина й припала йому була трохи до впадоби — то була вбога сирота, байстрючка, наймичка Левантина, — тиха, боязка і ніжно-гарна. Та її звів Роман, покинув з дитиною...* Б.Грінченко. Під тихими вербами.

Отже, предикат *зводити* генетично пов'язаний з виразом *звести з пуття*, семантика якого мотивується глибинними народними уявленнями про життя як мандрівку. Що ж до виразу *звести з розуму*, то він, ймовірно, виник шляхом заміни одного компонента внаслідок аналогії до виразу *звести з пуття*.

У роботах, присвячених проблемам розвитку фразеологічної системи російської мови, також вказується на деякі випадки компресії ідіом. Так, у монографії М.Шанського "Фразеологія сучасної російської мови" названо такі випадки компресії: *городить* ← *городить вздор*, *болтать* ← *болтать языком*, *переживать* ← *переживать горе*, *перегнуть* ← *перегнуть палку*, *разрешиться* ← *разрешиться от бремени*, *помешаться* ← *помешаться в уме*, *воспрянуть* ← *воспрянуть духом* [6: 128-131]. У цитованій вище статті Р.Попова подано такі приклади компресії: *втирать очки* → *втирать*, *тянуть канитель*, *резину*, *волынку* → *тянуть*, *перемывать косточки* → *перемывать*. З них тільки дієслово *тянуть* становить самостійну мовну одиницю, а предикати *втирать* та *перемывать* можуть вживатися без інших компонентів ідіоми лише оказіонально, отже, ще не набули статусу самостійних мовних одиниць.

В.Янцен наводить у своїй ґрунтовній статті про дериваційні зв'язки між фразеологізмом та словом наступні випадки компресії: *городить* ← *городить челуху*, *закидывать* ← *закидывать удочку*, *закладывать* ← *закладывать за воротник*, *прокатывать* ← *прокатывать на вороних*, *расхлёбывать* ← *расхлёбывать кашу*, *зарубить* ← *зарубить на носу*, *копать* ← *копать яму*, *мыть* ← *мыть голову*, *передёрживать* ← *передёрживать карты*, *сходить* ← *сходить с рук*. Як і в інших роботах, до групи предикатів, які виникли шляхом компресії сталих виразів, невмотивовано включено випадки оказіонального вживання предикатів в усному мовленні (зокрема, *прокатывать*, *мыть*).

Найбільший перелік випадків компресії сталих виразів подано у новому "Словнику відфразеологічної лексики сучасної російської мови" М.Алексеєнка, Т.Белоусової, О.Литвинникової, що вийшов друком 2003 р., див. [СОФЛ]. За нашими підрахунками, в ньому вміщено 75 предикатів, які мають те саме значення, що і відповідні фраземи. Для називання процесу вичленовування предиката зі сталого виразу автори словника вживають термін "конденсування". У словнику вказано значення вихідного сталого сполучення та значення осібногo предиката, наведено приклади їх вживання. Вміщений у словнику перелік дієслів, утворених на основі сталих виразів, є на сьогодні найповнішим лексикографічним описом цього явища. Наявність такої значної кількості випадків компресії дозволяє твердити, що вона є регулярним механізмом формування предикатів з новим значенням, як правило, образної природи. Матеріали словника відфразеологічної деривації наочно показують, наскільки тісно переплетені у семантичному плані одиниці мови різних рівнів: лексичного та фразеологічного, як активно взаємодіють ці одиниці при формуванні нових змістів.

Цінність лексикографічного опису випадків компресії не можна применшити, адже вперше у дослідників з'явився достатньо повний перелік проявів цього явища, що відкриває можливість його комплексного аналізу, пошуку закономірностей, виявлення його специфіки. Разом з тим укладений авторами словника перелік наочно виявляє ті труднощі, які виникають при дослідженні явища компресії. У багатьох випадках у ролі джерельної бази предиката подано не одне, а одразу декілька сталих сполучень (наприклад, *тянуть* < *тянуть время*, *тянуть канитель*, *тянуть волынку*, *тянуть резину*; *всыпать* < *всыпать горячих*, *всыпать по первое число*; *довести* < *довести до ручки*, *довести до крайности*, *довести до белого каления*). Чи можна вважати, що всі такі ідіоми однаковою мірою взяли участь у процесі компресії? Інколи у словнику в ролі мотиватора вказано лише одну ідіому, як, наприклад, у випадку предиката *подвести*, який пов'язується з виразом *подвести под монастырь*, хоча у мові функціонує декілька сталих виразів з тим самим предикатним компонентом. Вище йшлося про український предикат *стерти*, який, на думку О.Марцинківської, виділився внаслідок скорочення ідіоми *стерти з лица земли*, проте специфіка його вживання та особливості семантики вказують радше на зв'язок з ідіомою *стерти на порох*. Пор. також ідіоми з близьким значенням *задеть на живое*, *задеть за сердце*, *задеть (за) струну*, які могли послужити основою для виникнення самостійного предиката *задеть*. Отже, якщо предикат формально і змістовно співвідноситься з декількома ідіомами, що мають у своєму складі спільний предикатний компонент і передають близькі змісти, закономірно виникає питання про генетичний зв'язок цих ідіом в діячності мови, про етапи фразеологічного розвитку, який призвів до появи декількох різних сталих виразів. Без

відповіді на подібні питання не можна з певністю встановити саме ту ідіому, з якої був виокремлений предикат.

Ще одна непроста проблема, що виникає у зв'язку з паралельним існуванням в мові окремого предиката та ідіоми, куди входить цей предикат, стосується напрямку розвитку цих одиниць, "відносної хронології" їх виникнення, адже по відношенню до предиката ідіома може бути і вторинною мовною одиницею. Добре відомо, що в деяких сталих виразах значення принаймні одного компонента залишається непереосмисленим, тобто там самим, як і у вільному вживанні цього слова, пор. російські фраземи *смотреть большими глазами*, *загубить век (жизнь)*, *забирать в солдаты*, *слова не добьются*, де предикати зберегли своє значення (усі приклади взято з [ФСФ]). Отже, при кваліфікації певного мовного явища як наслідку компресії передусім треба брати до уваги напрямок дериваційного процесу, характер семантичного співвідношення між обома одиницями (предикатом та сталим виразом), а також їхні семантико-функціональні особливості у діяхронному аспекті.

Як ми вже зазначали, у роботі В.Янцена було поставлене важливе питання про напрямки розвитку мовних одиниць лексичного та фразеологічного рівня в тих випадках, коли слово та сталий вираз з тим самим словом частково збігаються у плані змісту. У таких ситуаціях слід брати до уваги теоретичну можливість реалізації двох процесів: утворення фраземи на основі окремого слова шляхом додання певних іменних компонентів та виділення предикатного слова зі складу сталого виразу. У новому словнику відфразеологічної лексики всі випадки формального збігу між предикатом та ідіомою схарактеризовано як вияви компресії. Разом з тим мовні дані часто свідчать на користь протилежного процесу — доповнення образного предиката іншими лексичними одиницями і перетворення його тим самим на багатоконпонентну структуру, значення якої збігається із значенням осібного предиката. У цій статті ми розглянемо один випадок дериваційних відносин між ідіомою та образним предикатом.

Дериваційні відносини між предикатом *говоріння різати та ідіомою різати правду (рос. резать правду-матку)*

У словнику відфразеологічної лексики вказано, що російський предикат *резать* у значенні 'говорити щось різко, відверто' виник внаслідок компресії фраземи *резать правду-матку* з тим самим значенням [СОФЛ 281]. Звернувшись до мовного матеріалу, можемо твердити, що шлях розвитку у цьому випадку був протилежним: названа фразема виникла внаслідок розширення метафоричного предиката, долучення до нього експресивного іменного компонента *правду-матку*.

Не зупиняючись докладно на усіх нюансах розвитку метафоричного дієслова *резать*, накреслимо його в загальних рисах. Метафоричне значення в цьому випадку базується на порівнянні враження від чиїхось слів та больового ефекту, який виникає при пораненні тіла ножом. Схематично еволюцію предиката *різати* можна представити таким чином:

(чий) слова різуть кому серце <душу> як ніж <ножем> → хто різє кому серце словами, як ножом → хто різє словами → хто різє (що)

Названі етапи трансформації мовних одиниць, до яких входить російський предикат *резать*, ілюструють контексти (6)—(9):

(6) — *Что такое они говорили, того я, — сказывала она, — ни одного слова не слышала, но точно нож слова их мне резали сердце*. Н.Лесков. Тупейный художник.

(7) — *"А как Александр Федорыч, говорю я, будет?.." — "Не будет, говорит она, хотите пари, что не будет? нечего ждать..." — Любецкая резала Александра этими словами, как ножом*. И.Гончаров. Обыкновенная история.

(8) *Я понял, чего стоило ей ее решение и как я мучил, резал ее моими бесполезными, поздними словами; я все это понимал и все-таки не мог удержать себя и продолжал говорить...* Ф.Достоевский. Униженные и оскорбленные.

(9) — *Забезнала куда-нибудь и пропала. Как не пропасть после такой закуски, — безжалостно резал Коля, а между тем сам как будто стал от чего-то задыхаться.* Ф.Достоевский. Братья Карамазовы.

Аналогічні вживання предикату *різати* знаходимо і в українській мові:

(10) *Господи, кождий голосок різав мя в саме серце, мов ніж острый...* І.Франко. Борислав сміється.

(11) *Тупим ножем різали ті недоговорені речі за серце Христю; крадькома, стиха вони нагадували їй про смерть батькову, про їх сирітську долю...* Панас Мирний. Повія.

Отже, образний предикат *різати* (*резать*) сформувався шляхом трансформації сталого виразу порівняльного характеру (*як ножем різати*). В основі цього виразу лежить уподібнення болю, що його спричиняють душі людини чиїсь слова, до тих відчуттів, які виникають при завданні тілесної рани ножем. При утворенні метафоричного дієслова *різати* відбувся типовий переніс найменування зі сфери тілесних відчуттів на внутрішню, ментальну сферу людини, про що вже неодноразово писали дослідники метафори, див., наприклад, роботу [1].

Зауважмо, що іменник *словами* відігравав при образному предикаті *різати* роль інструмента. На останньому етапі змістового розвитку цього дієслова, коли воно почало вживатися самостійно, семантичний компонент 'травмувати словами, викликати словами біль' був нейтралізований. Пор. (8), в якому цей компонент актуалізовано, та (9), де він відходить на задній план: тут не названо особу, яка переживає неприємні відчуття від слів.

Наслідком нейтралізації зазначеного компонента стала поява при предикаті *різати* іменника *правда* у ролі об'єкта, який позначає предмет говоріння, див. (12).

(12) *Саня не любила Селаброса за те, що він був трохи неделікатний в словах і говорив часом неприємне паннам. Різкий на язик, грубуватий, як усі сини півдня, Селаброс часом грубо різав правду в вічі не одним паннам.* І.Нечуй-Левицький. Над Чорним морем.

Очевидно, що структура виразу *різати правду* (*у вічі*) побудована за аналогією до структури *говорити / сказати правду* (*у вічі*). Утворення виразу *різати правду* стало можливим тільки після того, як у предиката *різати* розвинулося і закріпилося переносне значення говоріння. Цікаво, що експресивний іменний компонент *правда-матка* (у ролі прямого об'єкта — у знахідному відмінку: *правду-матку*) первісно поєднувався з нейтральними дієсловами мовлення, такими як *сказати, говорити*, див. ілюстрації нижче:

(13) [Саламанида:] *Да полно сказать матку правду: винцо-то веть я высуслила.* Мтн. 70 [СРЯ XVIII 5, 50].

(14) — *Там обижайтесь или нет, а я всегда правду-матку скажу. Нехорошо!* Л.Толстой. Война и мир.

Характеризуючи розвиток образного предиката *різати*, важливо взяти до уваги і той факт, що слово *резать* у російській мові може утворювати стале порівняння *резать как бритвой* із значенням 'говорити різко' або 'говорити те, що комусь неприємно'. Цей вираз також базується на зіставленні враження від різких, неприємних слів з больовими відчуттями від поранення лезом. На його основі сформувалися дві образні одиниці: дієслово *отбрить* (у словнику за ред. Д.Ушакова його визначено таким чином: "отказывая в чем-н. или отвергая что-н., резко и оскорбительно ответить кому-н. [Сл. Уш. 2, 896]), та дієслово доконаного виду *срезать* із значенням "резко и грубо оборвать чью-н. речь замечанием, репликой" [Сл. Уш. 4, 466]. Пор. у словнику В.Даля: "*отбрить*, отделать напрямик, высказать резко всю правду" [Даль 2, 711].

Суттєвим аргументом щодо первинності метафоричного предиката *різати* і вторинності фрази *резать правду* (*правду-матку*) є існування в українській та російській мовах прикметника *різкий* та прислівника *різко* у значеннях, які стосуються вербальної діяльності: *сказати щось різко* значить справити на співрозмовника негативне враження, спричинити словами неприємні відчуття, подібні до тих, що спричиняє рана.

Таким чином, не підлягає сумніву той факт, що ідіома *різати правду* (рос. *резать правду-матку*) виникла внаслідок розширення метафоричного предиката *різати* із семантикою вербальної діяльності, доповнення його експресивним об'єктним компонентом *правду-матку*.

Розглянутий у цій статті випадок утворення ідіоми на основі метафоричного предиката дозволяє зробити важливий методологічний висновок: визначення напрямку деривації, коли нема чітких підстав вбачати якийсь один шлях розвитку, вимагає звернення до діахронних семантичних та дериваційних процесів. При цьому будь-яка гіпотеза має бути підкріплена відповідним

мовним (текстовим) матеріалом, а не лише лаконічною інформацією, поданою у словниках. Наголосимо на тому, що урахування діахронного аспекту є надзвичайно важливим. Тільки факти історії мови можуть дати надійні підстави для встановлення фактів компресії і відрізнити від неї ті випадки, коли мав місце зворотній процес — перетворення образного метафоричного предиката на ідіому шляхом долучення до нього іменного компоненту. Отже, питання про напрямок розвитку (від ідіоми до предиката чи від предиката до ідіоми) не може бути розв'язане лише на підставі словникових дефініцій мовних одиниць.

ЛІТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995. — С. 453—465.
2. Марцинківська О.Є. Місце фразеології в семантичній системі мови та відображення її в словнику української мови // Слово і фразеологізм у словнику. — К., 1980. — С. 237—249.
3. Мокиенко В.М. Семантическая конденсация и групповой анализ лексики (славянская географическая терминология) // Вестник ЛГУ. — № 14. — 1968.
4. Попов Р.Н. Словообразование на почве фразеологических единиц // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ч. 1. — Самарканд, 1972. — С. 53—63.
5. Ужченко В.Д. Творення слів на базі фразеологічних одиниць // Вісник Харківського університету. — № 237. — Харків, 1982. — С. 54—61.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие для вузов. — М., 1985. — 160 с.
7. Янцен В.К. О деривационных связях между фразеологизмом и словом // Вопросы структуры и функционирования языка. — Вып. 3. — Томск, 1986 — С. 63—70.

Скорочення джерел

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. — М., 1955.

Сл. Уш. — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова: В 4-х т. — М., 1935-1940.

СОФЛ — Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. — М., 2003. — 400 с.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. — Л., 1989.

ФСФ — Фразеологический словарь русского языка: В 2-х т. / Сост. А.И. Федоров. — Новосибирск, 1995.

УДК 81:39:811.161.1

ПОКЛОН И ЭТИМОНИМЫ ЭТОГО СЛОВА В РЕЧЕЭТИКЕТНОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Н.С. Гребенщикова (Беларусь, Гродно)

В статье рассматривается специфика поклона как этикетного жеста, семантическое своеобразие лексемы *поклон* и особенности речевой этикетной формулы *дать поклон*.

Ключевые слова: поклон, речевой этикетная система, этикетный смысл.

У статті розглядається специфіка поклону як етикетного жесту, семантична своєрідність лексеми *поклін* і особливості речевой етикетної формули *дати поклін*.

Ключові слова: поклін, речевой етикетна система, етикетне значення.

In the article the specificity of etiquette gesture, semantic originality of the lexeme «bow» (*поклон*) and the features of speech etiquette formula «*дать поклон*» are considered.

Key words: bow, speech -etiquette system, etiquette mean.

Поклонъ отъ Н къ Н – древнейшая формула письменного приветствия. Её фиксируют новгородские берестяные грамоты, стратиграфически датированные XI – XIII вв.: **Поклоно от Матвѣя ко Есифу ко Давидову** [Л.-С., с. 27], – а также относящиеся к более позднему времени (XIV в.): **Поклонъ от Потра к Марье**; **Поклоно от Омросии ко Степану** [Л.-С., с. 139]; **Поклонъ от Михайлі к осподину своему Тимофию**; **Поклоно от Карпа к осподину моему Фоми** [Л.-С., с. 140]. Исследователи отмечают 58 грамот на бересте с таким началом [2:67].

Трудно однозначно ответить на вопрос, какая из сем ('привет, приветствие' или 'просьба') преобладает в этом обороте. Вспомним, однако, замечание Д.С.Лихачева о том, что любое обращение низшего к высшему в системе средневековой корпоративности «приобретало форму просьбы, моления» [1:149].

Эта же формула является обычной для начального приветствия не только в бытовом письме, но и в официальном послании, например, в договорной грамоте: **Поклонъ от князя от Михаила къ отцю ко владыце** (М. 1294 и 1301 г. Дог. тверск. кн. Мих. Ярославича с новгородцами [Л.-С., с. 142]; † **Поклонъ и благословенье от Якова, епискупа полотьского, Бровстови, наместннику пискуплю и детемъ моимъ ратманомъ** (1309 г. Грам. полоцк. епископа Якова рижск. епископу и Риге [Хрест. Ив., с. 86]). По вышеприведенным примерам видно, что это приветствие было распространено среди светских лиц, а также могло быть направлено от духовного лица светскому и наоборот.

Написание крестика (†) в некоторых грамотах Н.А. Мещерский вслед за польским славистом В. Курашкевичем истолковывает как идеографическую замену слова *поклон*, считая «объединением трафаретных формул» употребление крестика, предшествующее лексеме *поклон* [2:67]. Возможно, скорее следует видеть в кресте христианский символ; таким образом древнее приветствие *Поклонъ* приобретало христианский характер (ср. *Радуйся о Христе! Здравствуй о Христе!*) и может быть интерпретировано как 'христианский поклон'. В тех случаях, когда лексема *поклон* отсутствует, можно сделать предположение о включении семантики 'поклон' в идеографему †.

Символика этого жеста очевидна и сводится к выстраиванию этикетной вертикали, при которой адресат речи возвышается, *величается*, а говорящий принижает себя – физически и (или) словесно. Поскольку наличие этой вертикали необходимо при любой ситуации общения, лексема *поклонъ* ведет себя как многозначная уже в древнерусском языке – в соответствии с полифункциональностью реального жеста. Так, И.И. Срезневский отмечает 5 значений у этого слова для XI века: 1. 'Преклонение, поклон на молитве'; 2. 'Поклонение'; 3. 'Поклон, привет'; 4. 'Дар'; 5. 'Покорность' [Срезн., II, с. 1109]. Можно заметить, что различные значения иллюстрируются внешне очень сходными контекстами, например, *поклонъ* в словоформе *с поклономъ* интерпретируется как:

– 'поклон, привет': **И бывшую ему у Коломны, сретоста и та брата княжича с поклоном** (Лавр.л. под 1180 г.); **Сретоша я на межахъ с поклономъ и с честью и даша дары многы** (Лавр. л. под 1186 г.) **Прияша и Новоторожъци съ поклономъ** (Новг. 1 л. под 1196 г.);

– 'дар': **Поведаша Святославу, яко придоша Гръци с поклономъ** (ПВЛ под 971 г.);

– 'покорность': **Оже ся не сотворите, ни выидете с поклономъ, то оузрите, за вътра приступлю къ граду** (Ип.л. под 1123 г. [Срезн., II, с. 1108-1109]).

Решающим для определения значения, как мы видим, является заданный контекстом тип этикетной ситуации: просьба, встреча, демонстрация подчинения и т.д.

Можно предположить, что развитие семантики лексемы *поклон* происходило следующим образом:

1. *Поклон* 'наклон, любое отклонение от вертикали', затем жест ('наклонение головы или спины'). Значение 'отклонение от вертикали' отмечается в XVI в.: *А у Болшие Ушенки дуд [так!] кроковистъ а вверху поклон да вяз росоховат а на дубу и по вязу грани...* (1576 – 1577 г. (Сп. XVI в.) Правая грам. кн. Ф. И. Хворостинина по челобитью < ... > на бортников [Пам. Ряз., № 83, с.5]). В пословице XVIII в. *поклон* – 'наклонение спины': *Ленивому гриб не стоит поклона* [Герм., с. 32].

Следует отметить, что чаще всего *поклон* не есть просто «наклонение», эта лексема обычно сопровождается этикетным приращением смысла – даже когда акцент в высказывании сделан на реальное исполнение жеста: *С поклону голова не заболит. Поклоном поясницы не переломишь. Поклоном спины не надсадишь, шеи не свихнешь* [Д. II, с. 153]. Очевиден этикетный смысл этой серии пословиц: просьба, демонстративное подчеркивание собственной приниженности, покорности не требуют значительных физических усилий.

В древнерусских текстах лексема *поклонъ* употребляется со сложной семантикой 'наклонение туловища, действие, связанное с физическими усилиями и имеющее сакральный характер': *повеле же и казнити епительмями. ли отлоучениемъ. ли поклономъ толикъмъ* (Житие Феод. Студита [Выг. сб., л. 80]). То же в фольклоре:

Падымайте иконы местныя,

Встрячайте маяво чаду милаво

Долеко во чистом поле.

Покланяйтесь по двенадцати земляных поклонов

За яво святое умоление, за вяликое притерпление! [П. Кир. 2, с. 218-219].

2. *Поклон* 'приветствие'.

Исходя из контекста, можно – довольно условно – выделить у лексемы *поклон* специализированные значения 'приветствие при встрече' или 'приветствие при прощании'.

2а. *Поклон* 'приветствие при встрече':

Атигрин. *Силны цари, князи меня устретают и поклоны нискими всегда поздравляют* (1731 г. «Акт о Калеандре» [РРД-5, с. 131];

Приходит [Илья Муромец] к Воладимеру князю во палаты,

Князю Воладимеру поклон:

«Дай, князь Воладимер,

Проезjemu доброму молодцу местечко» [П. Кир., с. 43];

Не всем по именам, а всем по поклону [Снег., с. 265]; *Честному мужу честен и поклон* [Снег., с. 452]; *Прислуга доносила только, что старшая из дам называется «баронесса» и что обе они так горды, что никогда не отвечают на поклоны и не знают ни одного слова по-русски* (Лесков Н.С. «Колыванский муж»);

(бел.) – *Як будзеш, Верачка, к вянцу ехаць,*

Не забудзь, Верачка, мамулечку. < ... >

– *Вот табе, мамачка, нізкі паклон,*

Нізкі паклон ад мяне маладое [Вяс. 3, с. 269].

2б. *Поклон* 'приветствие при прощании':

Поклон *им, заперлась, и более ни слова* (1803 г. Дмитриев И.И. «Мышь, удалившаяся от света»); (Формула выпроваживания) **Поклон** *да и вон* [Д. II, с. 238]; *А теперь позвольте отдать вам наше нижайшее почтение, благодарить за посещение < ... > Господа умные и глупцы, дворяне и купцы и купчихи краснощекие – всем вам мои поклоны глубокие < ... >. Адью-с, ухажу-с!* (Гиляровский В.А. «Московские зазывалы» [ФТ, с. 409]).

Окончательное прощание с умершим, посмертная дань уважения обозначаются выражением *последний поклон*: «**Последний поклон великому человеку**» (такими словами 3 октября 1999 г. предварялся на Би-би-си материал о кончине Д.С. Лихачева).

В письмах к. XVII – нач. XVIII в. фраза *От меня тебе поклон* может выступать как начальное, конечное или обрамляющее (опять-таки в соответствии с жестом) приветствие в бытовом письме:

– от мужа – жене:

(начало) *От Петра Василева жене моеи Параскове Лукояновне с любовию поклон здравствуи на многие лета дочери моеи Еффимии благословение* (П.В. Окулов – жене Прасковье Лукояновне [Гр., № 398]).

(окончание) *от Ондрея Илича жене моеи Ирине. < ... > А от меня тебе поклон* (А.И. Безобразов – жене Ирине [Пам.Без., № 13, 14, 15, 16]); *А по семь от меня тебе Маремянушка великии поклонъ а Прокофьюшку буди млсть богия и от меня ему благословение отнне и до веку* (Д.В. Михалков – М.И. Михалковой [МДБП, № 40]);

(обрамление) *От Михаила Панфиловича жене моеи Авдоте от меня тебе з детми поклон < ... >. А от меня тебе душа моя поклон а детушкам моим благословение...* (М.П. Салтыков – жене Авдотье [Гр., № 99]).

– от отца – сыну:

(обрамление) *Василеи Иванови съю моему Федору Василвичу о мене тебе поклонъ и благословение, иже с твоєі с Аноі Олексадной и з еками своими < ... > о мене тебе поконтъ [так!] зрасву* (Василий Иванович – сыну Федору Васильевичу [Гр., № 191]).

Направленность приветствия свидетельствует об отсутствии у него сервильной коннотации: это речевая этикетная формула, адресованная сверху вниз (ср. с обычным этикетным выражением этого времени *бью челом*). Письма от жены мужу, от детей отцу никогда не начинались оборотом *Поклон тебе*.

В нач. XX в. эпистолярная формула *Поклон* активизируется, причем она может сигнализировать равным образом о начале или окончании контакта, представляя собой приветствие в широком смысле. Так, в переписке И.Бунина: (Начало) **Поклон из Дамаска!** (1907 г. И. Бунин и В. Муромцева – Н.Телешову [ПБ, с. 561]). (Окончание) *Ужинаю и пью настоящую «житницу» в настоящей Праге! Поклон! И.Б.* (1900 г. И. Бунин – Н. Телешову (открытка) [ПБ, с. 520]); *Чрезвычайно прошу вас как можно скорее выслать мне хотя несколько экземпляров «Листопада», как только выйдет. Очень буду благодарен. Поклон!* (1901 г. И. Бунин – В. Брюсову [ПБ, с. 455]).

См. также семантику лексемы *поклон* в поэтическом тексте, в которой не актуализирована сема начала или конца контакта, а значение можно интерпретировать как приветственное в широком смысле:

*В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.*

Он с лирой между вас. Поклон его, поклон

Громадам, миру современным... (1820 г. Е.А. Баратынский «Финляндия»).

3. *Поклон* 'приветствие 3-му лицу или от 3-го лица.' Формулы *Кому (мой, от меня) поклон; Тебе (вам) от кого поклон: Брату мой поклон* (1824 г. П.А. Вяземский – Пушкину [ДП I, с. 410]); *Григорию Никаноровичу мой поклон. Поцелуйте его за меня* (1828 г. И.А. Крылов – NN [Кр. в восп. совр., с. 83]); *Пока не успел писать к ним, усерднейший поклон почтенной Катерине Андреевне, милой Софье Николаевне и всему семейству < ... >* (1832 г. И.И. Дмитриев – П.А. Вяземскому [Дм., с. 411]); *Всем поклон, привет* (1898 г. А.П. Чехов – А.Л. Вишневному [ПЧ, с. 553]); *Михееву, когда придет, – поклон мой!* (1897 г. Н. Телешов – И. Бунину [ПБ, с. 479]); *Поклон мой Зинаиде Николаевне* (1926 г. В. Дмитриев – Мейерхольду [ПМ, с. 255]); *Глафира < ... > (Хочет идти) Мурзавецкий. Атанде! Поклон. Глафира. От*

кого? Мурзавецкий. *От Лыняева. Глафира. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?* (Островский А.Н. «Волки и овцы»).

Остальные значения лексемы *поклон* не реализуются в речевых стереотипах.

4. *Поклон* 'просьба'. Это значение широко представлено в пословицах: *На ряде не вырядишь, на поклонах не выкланяешь* [Д. II, с. 128]; *Поклон – что дуга, отказ – что шест* [Д. I, с. 184] см. также [Д. II, с. 153]; *Из поклонов не шубу шить* [МЖРФ, с. 97]; *Поклонами шубы не подшить, или С поклонов шубы не шьют* [Снег., с. 329].

Особенно часто в таком значении употребляется клишированное выражение (*ходить, прийти*) с *поклоном*: *Дядья думали, думали и пришли к племяннику с поклоном, чтоб он шел в море* [П. Кир. 1, с. 224].

5. *Поклон* 'подарок' – вторичное значение, метонимически связанное с предыдущим:

Борись. *О судар надобноли што **впоклон** понести,*

Штоб не велел якъ н[а]шъ кн[я]зь у шею вон вести.

Аггль. *Г[оспо]дь в[а]шъ и б[о]гъ бл[а]гих ваших не требует,*

не хочет себе даровъ, но он да дарует (XVI в. «Ком. на Рожд. Христово» [Обн., Барх, с. 64]);

*Секретарь < ... > в дванадцатые праздники ездил развозить **поклоны** или принимал оные сам от челобитчиков* (1766 – 1789 г. Чулков М.Д. «Пригожая повариха» [РП-ХVIII, 2, с.165]); – *А что, добрый человек городничий? – А Бог его знает, добрый или нет; добр, как с поклоном придешь* (1837 г. Вельтман А.Ф. «Ольга»);

(Бел.) *Малады Іллючок спазніўся,*

А яго цешчухна гардзянка.

– *А я сваю цешчухну перапрашу,*

*Чырвонца **паклон** палажу...* [Чач., Тышк, с. 82].

6. *Поклон* 'благодарность': *Туть голову Юрья Лутохина ко мне опят присылалъ и за послание спаси богъ с **поклономъ** большое сказал и благословения себе и царице и детям прося молитца о себе приказал* (Житие протопопы Аввакума [Хрест.Ив., с. 398]; *Вечерник берет себе палицу, щит, копье, шлем, одел на себя, вылетат, как рыцарь, и **поклон** старику: – Благодарю за благодятельность* [«О трех богатырях – Вечернике, Полуношнике и Световике» [Ск. о богат., С. 69]); *Операция кончилась, и наказанный, как ни в чем не бывало, встает, утирает слезы, подпоясывается, **отдает** по заведенному порядку своему наставнику низкий **поклон** – благодарность за поучение – и отправляется на место...* (1861 г. Никитин И.С. «Дневник семинариста»); *Попоют девушки – кончат. Невеста встанет с места, низким **поклоном** свою благодарность отдаст* (Максимов С.В. «Год на Севере»).

7. *Поклон* как свойство – в характеристиках человека угодливого, послушного или соблюдающего субординацию: *Протекцию, деньги, **поклоны**, проницательство, наущничество и тому подобные качества надобно иметь для того, чтобы добиться права на труд < ... >* (Помяловский Н.Г. «Мещанское счастье»).

Обычная для фольклора формулировка положительного качества – *голова с поклоном*: *Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с **поклоном**, язык с приговором* [Д. II, с. 136];

Ай, сватьяшка молода,

Шапочка золота...

Ножечки с подходом,

Ручушки с подносом,

*Буйная голова с **поклоном**,*

Сахарны уста с приговором [ЛРС, с. 172].

Эта семантика часто заключается в прилагательном *поклонный* и подобных:

Поклонны головы мечь не сечет, а покорно слово кость ломит [Дом., с. 122] (в пер. В.В. Колесова: *Повинную голову меч не сечет...* [Там же, 123]; *Поклонен, покорен, а в глазах искра есть* [Д. II, с. 139]; (Бел.) *Паклоннай галавы і меч не бярэць* [ГриП, 2, с. 329];

Во чужой-то семье надо быть покорною,
 Отцу с матерью быть **поклонливой**,
 Как моя-то головушка **непоклонлива**,
 Ретиво сердце непокорное [РСФСР, с. 39].

В словаре Носовича приводится белорусское прилагательное *уклонный* с семантикой 'вежливый, каждому кланяющийся'. *Хлопець змирный, уклонный* [3, с. 655].

Описание этикетного действия обычно производится с помощью словосочетаний *создавать поклон* (церковнославянское), *править поклон*, что отражено и в речезтикетных формулах: *Рабский мои поклонъ тебе сотворяю* [1683 г. Карион Истомино Приветствие царевне Софье Алексеевне (окончание) [Хрест. Ив., с. 404]; *А детемъ великого князя, князю Юрью и князю Дмитрею, и внуку великого князя править поклонъ же* [1494 г. ПДПЛ, с. 145-146]; «*Давай, – говорят, – деньги, а не то под мостом будешь, не успеешь-де родным и поклону справить*» (1854 г. Максимов С.В. «Извозчики»).

Уже в современном русском языке появляется выражение *сделать поклон*: *Гость сделал общий поклон, но особенно почтительно, даже с благоговением, он поклонился Надежде Игнатьевне, точно она была жена его начальника* (Помяловский Н.Г. «Молотов»).

Для описания ситуации передачи приветствия, а также дистантного приветствия употребляются глагольные сочетания *послать поклон* (инициатором приветствия), *снести, свезти поклон* (исполнителем):

– **Слатъ, послать поклон:**

Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
 Велел к тебе заехать на широкий двор «Добрыня и Василий Казимирович» [Добр. и Ал., с. 72];

Милый письмецы не пишет
 И **поклоны** мне **не шлет**... [ИП-ХVIII, № 388];

Две грамотки пишет,
 Написав, дружок сердечный,

Поклон посылает,
 Поклон, поклон посылает

Ко душе Наталье:

– Я совсем, я совсем

Скорейше буду... [Трад. ф-р Новг. обл., с. 182];

Тригорин. **Вам шлют поклон** ваши почитатели... (Чехов А.П. «Чайка»).

Можно заметить, что часто в паре выступают *поклон* и *привет*, в соответствии с этикетным оформлением реального приветствия при встрече: слова расположения и жест, причем, поскольку в практике общения порядок следования жеста и словесной формулы не определен, постольку и в речезтикетных стереотипах это не столь важно: *Маничка Норк! < ... > Всюду я шлю тебе мой душевный привет и мой поклон до земли* (Лесков Н.С. «Островитяне»);

См. также в популярной песне советского времени:

Второй стрелковый храбрый взвод

Теперь моя семья.

Привет, поклон тебе он шлет,

Моя любимая (Евг. Долматовский «Моя любимая»).

– **Снести, принести поклон:**

Ты слетай в страну родную, на родиму сторону,

Ты **снеси-ко**, черный ворон, отцу-матери **поклон** [Трад. ф-р Новг. обл., с. 22];

Снег! Быть может, в край родимый,

В стае южных облаков,
Занесешься ты, гонимый
Мощной прихотью ветров, –
Благодатью дождевою
Там пади на зелена,
И **снеси поклон** с собою

Русским людям от меня... (1861 г. Н.Ф. Щербина «Hotel «La sirena» в Сорренто»);

Ты... ты, стало быть, не спишь? А я тебе **поклон принес**. Кланяется тебе этот... как его?.. рыжий, что постоянно тебе букеты подносит. Загвоздкин... (Чехов А.П. «Mari d'elle»);

(бел.) Не стой, маці, ды ў запечку,
А стань сабе у парозе:
Тваё дзіця ісці будзе,
Табе **ўклоны нясці** будзе,
Уклоны **нізенькія**, –
Слёзачкі дробненькія [П. нар. св., с. 367].

– **Везти, свезти, привезти поклон:**

Вы **свезите-ко**, братья, **всему роду по поклону** < ... >,
Всему роду по поклону, еще – батюшке родному,
Вы забудьте-ко одной – моей маменьке родной... [Трад. ф-р Новг. обл., с. 97];
Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я **привез тебе поклон** (1829 г. А.С. Пушкин «Дон»).

С развитием семантики *поклон* 'реальный жест' → 'символ приветствия' меняется сопровождающий эту лексему глагол. Теперь это глагол речевого действия – *сообщить, сказать, написать* и под.: Более ж в суетности моей ничего за скоростию писать не нашел, а остаюсь благополучен. Однако, еже в живых всем родственникам и приятелям, кто б ни был, **мой рабский поклон приписую** и прошу прощения, естли пред кем погрешил (1773 г. Казак-повстанец А.А. Еремкин – отцу [ДСП, № 548]; *Прошу вас также **сообщить мой усердный поклон**, приветствия с праздником двум новым министрам...* (1832 г. И.И. Дмитриев – П.А. Вяземскому [Дм., с. 411]);

-- Ты, извощик маладой, ей,
Ни паедишь вапиред маво дамой?
Ты **скажи, скажи** маей любушки **паклон**, < ... >
Што ни буду ж я ва всю зимушку дамой... [П. Кир. 2, с. 29];

Палети-ка, сиз галубчик,
В этот город Ярослав!
Ты **скажи** мому милому
От меня низкой **паклон!** [П. Кир. 2, с. 115];

Эх, вы **скажите** всему роду < ... >
Эх, всему роду **по поклону**,
А батюшке ни «здорова»,
А матушке ни, ни «спасиба» [П. и ск. Пушк. м., с. 46];

Усердно благодарю Екатерину Дмитриевну за **сказанный мне поклон** и низко кланяюсь (1878 г. Н.С. Лесков – Н.А. Любимову [Леск. Х, с. 454]); **Скажите поклон мой милому Голь-**

цеву (1888 г. Н.С. Лесков – В.М. Лаврову [Леск., XI, с. 366]); Ну, пока прощай. Жена тебе просила **написать поклон** (1900 г. Н. Телешов – И. Бунину [ПБ, с. 510]);

Скажи поклоны князю и княгине.

Целую руку детскую твою... (1919 г. И. Бунин «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива... »).

Выражение типа *ездить на поклон* первоначально имеет семантику 'воздавать почести святым, великим мира сего и т.д. (при этом обращаясь к ним с какой-либо просьбой)':

Князь же великий Дмитрий Иванович поимъ с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и вся князи русские, и поезде к Живоначальной Троице на поклон къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыха тоа обители [XVI в. Ск. и пов. о К.б., с. 30-31];

Возже куреньи благовонны,

И буду ездить на поклоны,

Где только обитаешь ты... (1789 г. Г.Р. Державин. «На счастье»);

Его собственные крестьяне, окольные и заезжие, приходя в лавку, берут за деньги пряники, кому в какую цену угодно, идут с ними на поклон к помещику, которых он всех охотно до себя допускал < ... >. В отсутствие самого хозяина крестьяне с пряниками < ... > приходят на поклон к его сожительнице, в небытность которой к дворецкому и так далее (1766 – 1789 гг. Чулков М.Д. «Пересмешник или славенские сказки» [РП-XVIII.2, с.152]); *Пустынник на поклон таскался к визирям* (1817 г. Батюшков К.Н. «Сон могольца»).

Позднее семантика этого оборота раздвоилась, и он выступает в значениях:

1) 'совершать визит в знак уважения':

Я был в Музее, в Пантеоне,

У Бонапарте на поклоне,

Стоял близехонько к нему,

Не веря счастью моему (1808 г. И.И. Дмитриев. «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за 3 дня до путешествия»);

Господа съезжаются к нему на поклон (Пушкин А.С. «Дубровский»); *Её очень почитали и ездили к ней издалека, не ради пышности и угощений, а «на поклон» – из уважения* (1888 г. Лесков Н.С. «Пресыщение знатностью»); [Гумилев:] *Бросьте! Я ведь знаю, что вы к Блоку на поклон ходили и клялись, что я ему в подметки не гожусь* (Одоевцева И. «На берегах Невы»); *К Кубелику меня возили на поклон в Европейскую гостиницу, хотя я не играл на скрипке. < ... > Он тревожно взмахнул ручкой, испугавшись, что мальчик играет на скрипке, но сейчас же успокоился и подарил свой автограф, что от него и требовалось* (Мандельштам О. «Шум времени»);

2) 'обращаться с униженной просьбой':

Княгиня. Вот то-то детки:

Им бал, а батюшка таскайся на поклон;

Танцовщики ужасно стали редки (А.С. Грибоедов «Горе от ума»);

И опять, хамы этакие, придут ко мне на поклон... Тут-то я и поиздеваюсь (1923 г. Аверченко А. «Шутка Мецената»).

«Европеизированное» выражение *дать поклон*, позднее *отдать поклон* появляется в петровскую эпоху – на смену устаревшему *бить челом*, ушедшему из языка вслед за тем, как царь Петр отменил ритуал челобития, вследствие чего и приветственная формула *бью челом* стала исчезать из эпистолярного обихода. На смену ей появляется новое приветствие *Отдаю поклон*.

Оборот *дать (отдать) поклон* развивает следующие значения:

1. *Дать, отдать поклон* 'поклониться, чтить как высшую силу, выражая это ритуальным действием' (это значение обычно реализуется в церковнославянской разновидности литературного языка, обычно в произведениях украинских авторов):

*Чаю тебе г[о]с[у]д[а]рь к кн[я]зямъ послали
Штоб они великому ц[а]рю поклон дали... < ... >*

*Близ Града вифлиема в вертепе глубокоом
Нищъ лежит всего міра ц[а]рь Презнамениты*

Там убо веселыма ногама идете,

Достойную ему ч[е]сть и поклон дадете (XVI в. «Ком. на Рожд. Христово» [Обн., Барх., с. 64]);

Ирод < ... >. Царие и друзи, куда шествие ваше?

И кому такие драгие дары и поклон приношаше?

Цари, со смирением:

*Ко Христу новорожденному идем поклон **отдати**,*

Дабы в милости его век свой пребывати («Киевский вертеп» [Маркевич, с. 76]);

А мы люде, мы христиане,

Бога выхваляймо,

Матце чудовней – Почаевськей

*Усе поклон **оддаймо!*** [Кост. Сл. миф., с. 478].

2. Отдать поклон 'поздороваться':

Гаер выходит и говорит

*Изыдох семо аз вам поклон **отдати***

И о намерени нашем возвещати. («Действо о короле Гишпанском» [РРД-5, с. 55]);

(Приходит Жулия и речет)

Здравствуй, отче мой честнейший!

*Придох к вам **отдать поклон мой** нижайший* («Ком. гишпанск. о Ипалите и Жулии» [РРД-5, с. 475]);

*И как вышла та мамка ис церкви, и подшел Фрол Скобеев к той мамке, и **отдал ей поклон** и просил её, что она объявила об нем Аннушке* (К. XVII в. «Пов. о Фроле Скобееве» [Кож., с. 226]);

(укр.) *Поїду до свої*

Матусі старої,

*Щоб **поклін віддати**,*

А до свої миленької,

Щоб поцілувати [Стрільц. п., с. 71];

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко

*Взор надменный и **отдал поклон**.* (1910 г. А. Блок «В ресторане»).

В солдатской речи существовало фразеологическое выражение **Ядрам поклоны отдавать** (приседать, когда летит ядро, трусить) [Д. I, с. 213].

3. Помимо собственно приветственной семантики, отмечаем у этого оборота и специализированное значение *отдать поклон* 'нанести визит': *И как отслушал церковное пение, то цесарь просил к себе российского матроса. И обещал быть, его величеству **поклон отдать*** («Гист. о Вас. Кориотском» [РП-ХVIII, 1, с. 31]).

4. *Отдать поклон* 'проститься': *За сим рабъ твои Конищев **отдаю поклон*** (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр., № 31]); *...При сем остаюс служником твоим Евстафеи Конищев **отдаю** нижайший **поклон** августа А дня* (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр., № 32]);

И давала ему матушка прощение и благословение

И давала плеточку шелковую.

Поклон Дюк отдал и прочь пошел («Дюк» [Б-2, с. 211-212]);

Отдал поклон, да и ступай вон! [Д. I, с. 102].

Значение прощания актуализируется в выражении *дать, отдать последний поклон* 'проститься с умершим'. Уже в XVII в. в предсмертном письме гетмана Войска Запорожского П.К. Сагайдачного польскому королю Сигизмунду III содержится прощальная формула *отдаю остатний уклон: Самъ тежъ приближаючися ко дверемъ гробнымъ, отдаю под ноги вашего найяснейшого королевского величества найнижайшій остатний уклонъ мой...* [1622 г. АЮЗ. 2, с. 72]; (о смерти Петра I) **Последний поклон дадим** россиску атланту (1725 г. «Слава печальная» [РРД-3, с.301]); *А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остается отдать вам последний поклон – и, хотя с печалью, но без зависти, безо всяких темных чувств сказать в виду конца, в виду ожидающего Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»* (Тургенев И.С. «Дворянское гнездо»).

5. *Отдать поклон* 'передать привет': *Да пожалуи вели отдают поклоны от моеи нищеты Евдокее Василевне, Анне Савелевне, Марфе Тимофеевне, а на особые б писма не погневалис...* (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр., № 320].

С явным удовольствием употребляет этот оборот в своих письмах Петр I, стараясь с помощью различных распространителей придать приветствию неформальный характер: *Пожалуй, поклон отдай светейшему и протчимъ...* (1705 г. Ф.А. Головину [ПБП, 3, с. 411]); *Пожалуй, отдай поклоны сестре і протчимъ* (1706 г. Ему же [ПБП, 4, с. 434]); *Пожалуй, святейшему і протчимъ всемъ, а паче таварыщу, отдай поклоны отъ меня* (1705 г. Ему же [ПБП, 3, с. 441]); *Пожалуй, всемъ знаемымъ нашимъ отдай поклоны, какъ оружіе насящимъ, такъ и иглу имеющимъ* (1706 г. А.Д. Меншикову [ПБП, 4, с. 377]).

6. *Отдать поклон* 'благодарить': *Благодарен премного за невесту драгу, поклон отдаю ти до земного прагу* (К л а н я е т ц а) («Акт о Калеандре» [РРД-5, с. 232]).

7. Значение именно *отдать* ('вернуть, возвратить') *поклон* отмечено у этого сочетания только в позднейшее время (не ранее 2-й пол. XIX в.): *Иезуит поклонился нам: «Don Basilio!» – протяжно пропел мой спутник, отдавая поклон* (1854 г. Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»); *Бабенка законфузилась и стала было отнекиваться, но, выказав все предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, в три хлебца, как пьют женщины, и, изобразив чрезвычайное страдание в лице, отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу. Он с важностию отдал поклон и воротился за стол даже с гордым видом* (Достоевский Ф.М. «Бесы»).

В украинском и белорусском языках соответствующие русскому *поклон* лексемы, нередко меняющие приставку (*уклон*) широко известны и употребляются при описании этикетной ситуации просьбы или приветствия. Так, в староукраинской драме употребляется выражение *пресылати поклон* (о мужиках, которые захотели на пиру поплясать и просят у хозяина музыки):

Слуга 3-й (До Евфимияна реч говорит):

Велможности вашей свой поклон пресылають

Презацные мужеве, да цымбал желают (1673-1674 гг. «Драма про Олексію чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 299]).

Обычно для украинского и белорусского фольклора и выражение *бить, отбить поклон*:

(укр.) *Перед ним [турком] девча поклон бье;*

Турчин, турчин, турчинойку,

Не губ мене молодейку:

Иде тато, одмен несе... [Кост. Сл. миф., с. 472];

Униатский поп.

Треба тобі до косциола ходыть,

Часты поклоны треба быть.

Запорожец.

Э! Бач! Я з вику в косциол не ходыв,

Поклонив не бье, хиба тебе побью («Киевский вертеп» [Маркевич, с. 97]).

(бел.) – *Я й за конікаў чырвонцамі адсыплю,*

Я й за дружыну паклонамі адаб'ю... [Вяс. 1, с. 217].

В белорусском фольклоре *нізкі паклон* (уклон) предстает как показатель подходящего этикетного поведения человека:

*Палажыў галоўку за дзеўку,
За яе ціхія паходы,
За яе нізкія паклоны* [БФ, с. 151];

*Зваюю цесценька
Без ружжа, без шабелькі:
Ціхімі ўходамі,
Нізкімі ўклонамі* [Вяс. 1, с. 449];

– *Мамачка мая, родная мая,
Чым я табе не міла? < ... >
Ці табе мілей зятнія коні,
Як мае нізкія ўклоны?* [ЛБВ, с. 79].

Однако следует заметить, что вербализации, превращения в речезтикетную формулу подобную русской *Поклон тебе!* не происходит ни в украинском, ни в белорусском языке, хотя список глаголов, образующих сочетания с этим словом, довольно значителен:

(укр.) *Будем мы добре дбати,
Отцеве й матере в землю християнську **поклон передавати**,
Щоб нас отец и мати добре знали,
Вони-б до нас прибували,
Вони-б нас хорошенько поховали* [Кост. Сл. миф., с. 439];
*Не ясний сокіл квилить-проквіляє,
То син до отця, до матусі в городи християнській **поклон посилає**,
Сокола ясного рідним братом називає... < ... >
– Товаришу вірненький, брате мій рідненький,
Не треба було б в городи християнські*

Поклону подавати

Та отцеві-матусі великого жалю завдавати («Плач невольника» [Зоз., с. 124-125]);
*У сіни ввійшов – шличок із себе скидав,
У світлицю ввійшов – низький **поклон послав**...* («Хмельницький та Барабаш» [Зоз., с. 147]);

(бел.) *Не кладзі паклону, калі цябе не віншуюць* [БППФ, с. 253]; *Пачці гордага паклонам, уймі сварлівага трызвонам, падмаж скрып варот, заткні сабаку хлебам рот – і ўсе чатыры замоўкнуць* [Там же, с. 356]; *Бога не гняві, не гняві тожа і чорта, а палажы за яго тры паклоны* [ПРiП, 2, с. 158]; *Скажы дурному паклоны биць, то ён і лоб разаб'е* [ПРiП, 2, с. 248]; *Нясі пану паклон з хахлом* [ПРiП, 2, с. 298]; *Пакуль чаркі сцябаў, патуль паклон давай* [ПРiП, 2, с. 356];

– *Напішы, дзевачка, ды два пісмяцы,
Ды пашлі брацетку тры паклончыкі:
«Брацетка родненькі, прыедзь да мяне,
Блаславі мяне ў чужой старане»* [ЛБВ, с. 490];

*А прыданачкі, мае галачкі, едзьте дамоў,
Завязіце маёй мамачцы нізкі паклон.
Яна ж мяне маленькую гадала,
Сорак ночак цямнюсенькіх не спала* [ЛБВ, с. 532].

Как уже отмечалось, в белорусском фольклоре поклон предстает менее раболепным, нежели в русском и по преимуществу связывается с головой и шапкой, а не со спиной: *З пакло-ну галава не баліць (никому)* [БППФ, с. 300]; *Ад паклону галава не адпадзе* [ПРiП, 2, с. 328];

*Сястрыца родная,
Да не будзь гордая,
Да не жалеі галоўку, да кланяйся
Мамцы ў ножкі: няхай мамка знаець,
Да аб долю ўгадаець* [Чач., Тышк., с. 190];

*Карыся, Агатка, старому,
Кланяйся и малому,*

З паклону галоўка не баліць,
Стары і малы благаславіць [Чач., Тышк., с. 204].

О настойчивом женихе в свадебной белорусской песне говорится: *...Збузавай шапачку кланяючы* [Вяс.1, с. 191].

Шапка непосредственно объявляется необходимым аксессуаром поклона:

*Не ўлякайся, дзевачка,
Гэта ўсё бо патрэбнае:*

*Боцікі для танчыкаў,
А шубачка для гонару,
А шабелька для абарону,*

А шапачка да для паклону [Вяс. 4, с. 141].

(Ср. рус. **Поклоном** спины не надсадишь, шею не свихнешь. **Поклоном** поясницы не переломишь [Д. II, с. 153]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. – Л., 1973.
2. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1981.
3. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1983.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Ав. Ж. – Житие протопопа Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. – М., 1989.

АЮЗ, 2 – Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией. 1599 – 1637 гг. – СПб, 1865. – Т. 2.

Б-2 – Былины в двух томах. – М., 1958.

БППФ – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф.Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

Был. – Былины / Сост. В.И.Калугин. – М., 1987.

Былины – Былины / Сост. Ф.М.Селиванов (Серия «Библиотека русского фольклора»). – М.: Сов. Россия, 1988. – Т. 1.

БФ – Беларускі фальклор. Хрэстаматыя / Склад.: К.П.Кабашнікаў, А.С.Ліс, А.С.Фядосік, І.К.Цішчанка. – Мінск: Выш. шк., 1985.

Выг. сб. – Выголексинский сборник / Подгот. В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Голышенко; Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1977.

Вяс. 1-6. – Вяселле. Песні: У 6 кн. Мінск: Навука і тэхніка, 1980-1985.

Герм. – Пословицы народные, собранные по алфавиту (XVIII в.) / Публикация А.И.Германовича. – Из истории русской фольклористики / Под ред. А.А.Горелова. – Л.: Наука, 1978.

- Гр.** – Грамотки XVII – начала XVIII века / Подгот. Н.И.Тарабасова и Н.П.Панкратова; Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1969.
- Д. I, Д. II** – Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. I – II. – М., 1984.
- Давн. укр. л.** – Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.) / Упорядкував акад. О.І.Білецький. – Вид. 3, доп. – Київ: Радянська школа, 1967.
- Добр. и Ал.** – Добрыня Никитич и Алеша Попович / Подгот. Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий. – М.: Наука, 1974.
- Дом.** – Домострой // ПЛДР с. XVI в. – Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М.: Худож. лит., 1985.
- Дм.** – Дмитриев И.И. Сочинения. – М.: Правда, 1986.
- ДП I, II** – Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. – М.: Правда, 1984.
- ДРЛ** – Древняя русская литература: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Сост. Н.И.Прокофьев. – 2-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1988.
- ДРС** – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 11. – М., 1975–1986.
- ДСП** – Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773–1774 гг. – М.: Наука, 1975.
- Зоз.** – Закувала зозуленька / Антологія української народної творчості. Пісні, прислів'я, загадки, скоромовки. – Київ: Веселка, 1989.
- ИП-XVIII** – Исторические песни XVIII века / Подгот. О.Б.Алексеева и Л.И.Емельянов. – Л.: Наука, 1971.
- К. Дан.** – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Наука, 1977.
- Кож.** – Хрестоматия по истории русского литературного языка / Сост. А.Н.Кожин. – М., 1974.
- Кост. Сл. миф.** – Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995.
- Кр. в восп. совр.** – И.А.Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.М.Гордина, М.А.Гордина. – М.: Худож. лит., 1982.
- ЛБВ** – Лірыка беларускага вяселля / Уклад. і рэд. Н.С.Гілевіча. – Мінск: Выш. шк., 1979.
- ЛБЛ** – Летописи белорусско-литовские / ПСРЛ, т. 35. – М.: Наука, 1980.
- Леск.** – Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. – М., 1958.
- Лір.п.** – Лірычныя песні / Уклад. і рэд. Н.С.Гілевіча. – Мінск: БДУ, 1976.
- ЛРС** – Лирика русской свадьбы / Подгот. Н.П.Колпакова. – Л.: Наука, 1973.
- Л.-С.** – Lehr-Splawinski T. i Witkowski W. Wybór tekstów do historii języka rosyjskiego. – Warszawa, 1981.
- Маркевич** – Маркевич Н.А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія / Упор., прим. та біогр. нариси А.А.Пономарьова, Т.В. Косминої, О.О.Боряк; Вст. ст. А.А.Пономарьова; Іл. В.І. Гордієнка. – Київ: Лібідь, 1991. С. 52-169.
- МДБП** – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подгот. С.И.Котков, А.С.Орешников, И.С.Филиппова. – М.: Наука. 1968.
- МЖРФ** – Малые жанры русского фольклора. Пословицы. Поговорки. Загадки: Хрестоматия / Сост. В.Н.Морохин. – М., 1979.
- Мірн., Біл.** – Народні пісні в записах Панаса Мірного та Івана Білыка. – Київ, 1977.
- Новг. был.** – Новгородские былины / Изд. подгот. Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий. – М.: Наука, 1978.
- Обн., Барх.** – Обнорский С.П, Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2, вып. I. – М., 1949.
- Пам. Без.** – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда И.А.Безобразова) / Изд. подгот. С.И.Котков и Н.И.Тарабасова. – М., 1965.
- Пам. Ряз.** – Памятники русской письменности XV – XVI вв. Рязанский край. – М.: Наука, 1978.
- ПБ 1, 2** – Письма И.А.Бунина // Иван Бунин. Книга I – II // Лит. наследство. – М.: Наука, 1973.– Т. 84.
- ПБП** – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–7. – СПб.–Пг., 1887–1918; Т. 11. Вып. 1. – М.: Наука, 1962; Вып. 2. – М.: Наука, 1964.
- ПБр** – Брюсов В.Я. Письма // Лит. наследство. Т. 85. – М.: Наука, 1976.
- П. XVIII в.** – Поэты XVIII века // Б-ка поэта. Большая серия. – 2-е изд. – Т. 1–2. – Л.: Сов. писатель, 1972.
- П. и ск. Пушк. мест** – Песни и сказки Пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. – Вып. 1 / Подгот. В.И.Еремина, М.А.Лобанов, В.Н.Морохин. – Л.: Наука, 1979.
- П. Кир.** – Собрание народных песен П.В.Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. – Л.: Наука, 1977. – Т. I.
- П. Кир. 1** – Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина / Подгот. текстов, вступит. статья и ком. З.И.Власовой. – Л.: Наука, 1983. – Т. 1.
- П. Кир. 2** – Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И. Якушкина. – Л.: Наука, 1986. – Т. 2.
- ПЛДР с. XVI в.** – Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985.

- ПЛДР XVII в. 2** – Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. – М., 1989.
- ПМ** – Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896 – 1939. – М.: Искусство, 1976.
- П. нар.св.** – Песні народних свят і абрадаў / Укладанне і рэд. Н.С.Гілевіча. – Мінск: БДУ, 1974.
- Пріп** – Приказки і прымаўкі: Зб. У 2 т. / Рэд. А.С.Фядосік – Мінск, 1976.
- ПЧ** – Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т.12. Письма 1893 – 1903 гг. – М., 1957.
- РЛ XVIII в.** – Русская литература XVIII века. 1700 – 1775 гг. / Сост. В.А.Западов. – М., 1979.
- РП-ХVIII** – Русская проза XVIII в. Т. 1-2. – М.–Л., 1950.
- РРД-3** – Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы. – М.: Наука, 1974.
- РРД-4** – Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.): Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. – М.: Наука, 1975.
- РРД-5** – Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.): Пьесы любительских театров. – М.: Наука, 1976.
- РСПС** – Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.Н.Потанина. – Новосибирск, 1979.
- РСС** – Русские сатирические сказки / Сост. Дм. Молдавский. – Л., 1979.
- Сев. пред.** – Северные предания. Беломорско-Онежский регион. – Л.: Наука, 1978.
- Ск. и пов. о К. б.** – Сказания и повести о Куликовской битве / Подгот. Л.А.Дмитриев и О.П.Лихачева. – Л.: Наука, 1982.
- Ск. о богат.** – Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост. Р.П.Матвеева. – Новосибирск, 1979.
- Снег.** – Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирев. – М.: Русская книга, 1995.
- Срезн.** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. – М., 1958.
- Стрільц. п.** – Пісні українських січових стрільців / Збережено правопіс і оформленне від видання 1932 року. – Львів: Вільна Україна, 1990.
- Трад. ф-р Новг. обл.** – Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963–1976 гг.). Песни, причитания / Подгот. В.И. Жекулин, В.В. Коргузалов, М. М. Лобанов, В.В. Митрофанова. – Л.: Наука, 1979.
- ФТ** – Фольклорный театр / Сост. А.Ф.Некрылова и Н.И.Савушкина. – М.: Современник, 1988.
- Хрест. Ив.** – Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сост. В.В.Иванов, Т.А.Сумкина, Н.П.Панкратова. – М., 1990.
- Чач., Тышк.** – Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / Уклад, сістэм. тэкстаў і камент. В.І.Скідана і А.М.Хрушчовай. – Мінск: Беларуская навука, 1997.

НАШИ АВТОРЫ

- Дубичинский В.В. докт. филол. наук, профессор, Национального технического университета "ХПИ", Украина, г. Харьков
- Титаренко Е.Я. канд. филол. наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В.И. Вернадского
- Сидоренко Е.Н. канд. филол. наук, профессор кафедры русского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- Сидоренко И.Я. канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой языковедения Крымского экономического института Киевского национального университета
- Ничик Н.Н. канд. филол. наук, Крымский инженерно-педагогический институт, Симферополь
- Романов Ю.А. канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета Центра подготовки иностранных граждан Национального технического университета "ХПИ", Украина, г. Харьков
- Петрова Л.А. Институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия, канд. филол. наук, доцент
- Бессонова Л.Е. канд. филол. наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики филологического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
- Ярошенко Н.А. ассистент кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета
- Петров А.В. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина, канд. филол. наук, доцент
- Воротникова А.В. студентка V курса факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Научный руководитель – к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания А.В. Петров
- Жуйкова М. канд. филол. наук., доцент, Волынский государственный университет, Луцк
- Гребенщикова Н.С. канд. филол. наук., доцент, Гродненский национальный университет, Гродно

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционный совет	4
СОЦИОЛИНГВИСТИКА	
В. В. Дубичинский	
ДВУЯЗЫЧИЕ В УКРАИНЕ?	6
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Е.Я. Титаренко	
ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	10
Е.Н. Сидоренко, И.Я. Сидоренко	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОМОНИМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (на материале русского языка)	18
Н.Н. Ничик	
ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В.В. МАЯКОВСКОГО (на материале поэм 1914 – 1928 г.г.)	23
Ю.А. Романов	
О СЛОВАРЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	35
Л.А. Петрова	
ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНКОРДАНС КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА	39
Л.Е. Бессонова	
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ	49
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	
Н.О. Ярошенко	
ЗІСТАВНИЙ АНАЛІЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИХ СТРУКТУР СЛОВОВІРНИХ ГНІЗД З ВЕРШИНАМИ САЖАТЬ, САДИТИ І SADZIĆ	54
А.В. Петров	
ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ЛСГ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ: ГНЕЗДА СЛОЖНЫХ СЛОВ	65
А.В. Воротникова	
КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ УНИВЕРБОВ РУССКОГО ЯЗЫКА	82
М. Жуйкова	
АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ КОМПРЕСІЇ СТАЛИХ ВИРАЗІВ	92
Н.С. Гребенщикова	
ПОКЛОН И ЭТИМОНИМЫ ЭТОГО СЛОВА В РЕЧЕЭТИКЕТНОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	99
НАШИ АВТОРЫ	112